

The book cover features a vibrant, ethereal scene. A young child with large, glowing white wings is shown from behind, flying through a sky filled with soft, purple and blue clouds. The child is wearing a bright orange jacket and dark pants. In the lower right, a bright sun or moon glows. The sky is populated with numerous white birds in flight, some of which have a golden-orange glow. The entire scene is framed by a decorative white border with ornate scrollwork at the corners.

Человек внутри

А. Б. Шулятицкая

16+

Анна Богдановна Шулятицкая

Человек внутри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56057060

SelfPub; 2020

Аннотация

В недалёком будущем люди научились создавать помощников, способных выполнять любую работу. Они умны, приятны в общении, дружелюбны и носят номерные браслеты, как и полагается всем без исключения. Я их не люблю, но чем чёрт не шутит! Может, чтобы понять, что помощники так же, как и люди, мечтают о счастье и жизни, полной творчества и любви, надо пережить смерть одного из них?

Содержание

Пролог	6
Глава первая.	15
Глава вторая.	31
Глава третья.	48
Глава четвёртая.	59
Глава пятая.	68
Глава шестая.	74
Глава седьмая.	87
Глава восьмая.	94
Глава девятая.	101
Глава десятая.	108
Глава одиннадцатая.	118
Глава двенадцатая.	125
Глава тринадцатая.	131
Глава четырнадцатая.	137
Глава пятнадцатая.	142
Лети!	143
Глава первая	143
Глава вторая	149
Глава третья	164
Глава четвёртая	174
Глава пятая	181
Глава шестая	196

Глава седьмая	206
Глава восьмая	212
Глава девятая	223
Глава десятая	234
Глава шестнадцатая.	243
Глава семнадцатая.	260
Глава восемнадцатая.	271
Эпилог	275

Как важно знать, что где-то рядом
Есть тот, кто до конца поймёт,
Как жизни вечная награда,
Как сказочный души полёт.
Как важно улыбнуться снова,
Тому, кто той улыбки ждал,
Не нужно Счастья нам иного,
Лишь только жизни идеал.
Как важно Счастье видеть всюду,
Смотря в глаза, как в зеркала
И просто сохранить как чудо,
Ту душу, что всегда светла.

Людмила Сопина

Пролог

За большими кустами ритмично зашкрякали колёса. Шест травы достиг беседки, я оставил на скамье недочитанную книгу и выскочил сейчас же наружу. Облака разбежались, и моё лицо озарил солнечный желтоватый свет. По дороге, устланной каменной плиткой, ехала полная помощница в сиреновом костюме с квадратными пуговицами. У неё была круглая голова, пухлый нос и волосы, заплетённые в густой рыжий хвост, слабо развевающийся на ветру. Она улыбалась и показывала белые зубы, подобно весёлому малышу, часто нажимая на звонок. Он раздавался сильно и резко, словно его можно было услышать в любой части сада.

Помощница остановилась на тропе и сказала быстро:

– Здравствуйте!

Вероятно, ей хотелось поделиться со мной невероятной новостью. Она была не равнодушна и озабочена, и её браслет с числом три тысячи восемьдесят пять на запястье мигал красно-малиновым цветом.

Я спросил:

– Ты что-то нашла?

– Ничего.

– Тогда почему радостная?

– Я совсем не такая.

Она нахмурила ненадолго брови, но не переубедила меня.

Улыбка вновь расцвела на добром маленьком лице.

– Вы не знаете ещё, что случилось. Я знаю, но не скажу, если вы заняты.

Помощница бросила рассеянный взгляд на скамью за глиняным горшком.

– Я читал и бесился из-за ошибок корректоров, которые не соизволили поработать с книгой. Так что это даже хорошо, что ты меня отвлекла. Рассказывай. Всё равно пока отдыхаю.

– У центра собралась толпа, и мне показалось, что это что-то значит. Ведь многие не будут собираться в одном месте просто так? И крохи, и большие смотрят через стёкла. Не знаю на кого.

– Поэтому ты так торопилась?

– Не только! – воскликнула она и добавила: – Виктор просил передать, что желает видеть вас. Он был счастлив и что-то записывал в компьютере.

Я развёл руками. Помощница удивилась недовольству, прыгнула на велосипед и отогнала от себя мохнатого шмеля. Ещё чуть-чуть, и он присел бы ей на макушку.

– Почему же ты раньше не сказала, что меня зовут?

Она не нашла, что ответить и, намертво вцепившись в руль, покатила к шелковистым акациям.

Я проводил помощницу глазами и вышел по самой короткой дороге из сада. Центр действительно окружала небольшая восторженная толпа. Среди присутствующих были как

люди, так и помощники, все как один, были озадачены и говорили друг с другом о том, что не понимали. Я же не понимал больше всех и больше всех хотел узнать, что творилось за дверьми.

Охрана впустила меня внутрь, и мне навстречу бегом по прозрачной стеклянной лестнице спустился Виктор. Он был моим руководителем (целых четыре года!) и всегда подходил серьёзно к воспитанию помощников, а тем более к их созданию.

– Я тебя ждал, – сказал он возбуждённо и пожал большой ладонью мне руку. Сам он был такой же здоровый и крепкий, от него исходил насыщенный запах клея и синтетики. – Не быстро же ты. Тебя что-то задержало?

– Увы, я уснул, как только объявили перерыв. Помощница три тысячи восемьдесят пять еле разбудила меня.

Всем было известно, что Виктор строго относился к опозданиям и не любил, когда помощники его не слушались.

Уже как два месяца я собирался уволиться, но всякий раз отчего-то не решался оставить центр.

– Тогда ничего. Тоже иногда охота подремать за столом. Хочется, но нельзя.

Он вспыхнул, как пожар, и вытер платком влажный лоб, который пересекали морщины.

– Вы нервничаете, – осмелился я заметить. – Откуда их столько? Почему они стоят и будто чего-то ждут?

– О, сегодня нас всех ожидает много особенного. Помимо

того, что идут активные продажи, мы выпустили помощницу сто тысяч. Круглое число, прекрасное! Я думал отпраздновать сегодняшний день и посмотреть вместе с тобой на наше новое творение. Если, конечно, ты не уснёшь слишком рано.

Я попросил Виктора отвести меня к новой модели, и он подозвал своего помощника, который был человеком. Кирилл Михайлович был жилистым, сухим, сидел на третьем этаже в отдельном кабинете и подписывал со скрипом бумаги. Он никогда мне не нравился, потому что источал презрение и разбалтывал сотрудникам, что после того, как его карьера пойдёт вверх, он оторвёт язык каждому, кто называл его тихушником.

Мы шли в сопровождении нескольких моих коллег, обменивающихся друг с другом шумными поздравлениями. Было заметно, что они так же, как и я, переживали волнение.

– Такой ты ещё не видал, – сказал Виктор загадочно.

– В каком это смысле?

– Она изменит мир. Я это чувствую. Изменит мой и, может быть, твой.

«Что же он имеет в виду? Каким образом? Я хочу знать всё и сразу!» – думалось мне.

– Вы объясните, что такого в помощнице сто тысяч? – спросил я, и все молча остановились.

Виктория Бросова, что занималась тестированием помощников, шутливо упрекнула меня в излишней торопливости. Она взмахнула карандашом и стукнула им приятеля по

лбу, когда тот зло усмехнулся. Я стоял в недоумении и чувствовал, что от меня что-то скрывали. Точно прочитав мои путанные мысли, Виктор ответил спокойно:

– Ничего, подожди немного.

Кирилл Михайлович кивнул безмолвно и пошёл вперёд. Мы последовали за ним и, обогнув живое здоровое дерево, растущее внутри центра, очутились перед полукруглой дверью, наверху которой горела красная лампа. Кирилл Михайлович отодвинулся и позволил Виктору отворить дверь магнитной картой.

– Я видела девушку... помощницу, вернее. Так ведь называть некрасиво, – сказала Виктория и захлопала виновато густо накрашенными ресницами.

– Некрасиво.

Руководитель провёл нас через изогнутую арку в зеркальной стене и указал на светлую модель, которая находилась в центре комнаты с закрытыми глазами. Она отличалась от других и была тонкой и хрупкой, но не куклой. Я изумился тому, насколько крепким было её тело, и ещё тому, что боялся узнать, насколько она была похожа на человека.

– Хорошенькая, – сказал оценивающе коллега. – Когда она очнётся?

– Вот-вот, если так захотите.

– Включайте, включайте! – потребовали все.

– Стойте, – решительно произнёс я.

Грудь помощницы равномерно вздымалась. Она спала, и

ей снился яркий сон, который когда-то забавлял Виктора.

Я тронул помощницу за бледноватые плечи и щёки, украшенные родинками. Она была холодная, будто долго лежала под толстым слоем снега. Я позволил невольной грусти одолеть себя и посмотрел на всех так, как если бы они были мне чужими. Да, мне было совершенно не ясно, чему они радовались, и что находили в изобретениях, хоть и полезных.

– Включайте, наконец, Виктор! – повторил коллега. – Расскажите ему, что с ней.

Он позвал бодро:

– Помощница сто тысяч!

Она среагировала на низкий голос самым естественным образом и спросила, сонно разомкнув глаза:

– Мне пора идти? Куда?

Виктория шепнула мне в ухо:

– Кажется, в этом мы с ними похожи. Они не любят рано вставать и пускают слюни.

Она хохотнула, уверенная в том, что поделилась ценным наблюдением, и взлохматила мне короткие волосы. Странно смутившись, я отнял её ладонь.

– Помощница сто тысяч, ты понимаешь, кто мы? – спросил Виктор ласково. – Я полагаю, что ты сильно испугана. Тебе стоит одеться и выйти к нам в одежде, какую носят все без исключения. Зайди в помещение, оно позади тебя. Не забудь включить свет, чтобы не удариться о шкаф.

– Я сделаю, как вы просите, – произнесла она механически

и послушно и неуклюже заковыляла в гардероб.

Коллеги заворожённо смотрели, как она переставляла ноги. С каждым неуверенным шагом её походка делалась скованнее, и я кинулся молниеносно вперёд, чтобы помочь. Она покраснела и застенчиво улыбалась.

– Как ты? – спросил я в тёмном гардеробе, в котором нас никто не мог заметить.

– Плохо, – ответила она.

– Болят ноги?

– У меня болит абсолютно всё. Я слышала ваш разговор.

Виктор решил, что я особенная, но я так не считаю.

– А что ты считаешь?

– Ничего. Я помощница, и в этом моё призвание. Мне не обидно, что они не помогли. Спасибо, – она поблагодарила меня (браслет, вибрируя, засверкал голубым) и зажгла подвесной светильник, напоминающий мятый лимон. – Идите.

Я вышел из гардероба. Коллеги упрямо расспросили о том, что произошло.

Виктория спросила наивно:

– С чего ты взял, что она не дойдёт самостоятельно? Она взрослая и умеет ходить.

– Конечно, в чём дело? – вторил Кирилл Михайлович.

Я молчал, пока они не успокоились, а потом ответил:

– Неважно, сколько ей лет. Она недавно только задышала воздухом и никогда не пользовалась ногами. Возможно, она особенная, но она не обязана соответствовать вашим высо-

ким требованиям. И не удивляйтесь, что она беспомощная. Это были первые шаги, детские, а не взрослые.

Виктор по-дружески хлопнул меня по спине.

– Ты прав. Она ребёнок и ещё успеет показать, на что способна.

– На что, что способна? – промолвил я невозмутимо.

– Помощницу сто тысяч необязательно обучать, чтобы она привыкала к людям. Она сама научит нас другой, лучшей жизни. Вот ты поймёшь, если к тебе обратиться по-испански? Знаешь, как быстрее всего успокоить плачущего младенца? Или как строителю, который в последний раз рисовал красками в школе, написать красивую картину? Она умеет намного больше, чем кажется. О, намного!

Помощница вышла к нам в длинной одежде и кожаных туфлях на босую ногу. Она покружилась дважды, приподняв атласный зелёно-белый подол, и зарделась в предвкушении похвалы.

– Тебе не идёт это платье. Надень другое, – попросила Виктория.

– Как? Мне оно нравится.

– Видимо, одной тебе.

– Не глупи, – сказал коллега. Он тотчас же сделался безучастным, когда увидел помощницу одетой. – Какая разница, в каких ей тряпках ходить?

– Немедленно! – Виктория была непреклонна.

Помощница сто тысяч тяжело выдохнула и вернулась в

гардероб.

– Она найдёт нужное платье, и мы познакомим её со всем персоналом. Покажем, как она хорошо вышла, отведём в кинотеатр, – проговорил Виктор и внимательно посмотрел на меня. – Значит, с нами?

– Куда?

– Праздновать! – прошипела сердито Виктория. – Не забыл ли часом, что ты не один работаешь?.. До вечера я сама буду занята. Сироткам в приют одежду отвезу, но на банкет успею!

– Я пойду.

Назойливые мысли роились в моём мозгу. «На что способно изобретение человека, которому снятся фантастические сны, лишённые всякой логики? Увы, я не знаю, так как не мечтатель. Верно, у меня не так работает голова, поэтому я не люблю помощников и не испытываю ничего при встрече с ними. Ими любят, как драгоценными камнями. Через год или два в каждом доме будет такой помощник. Он сделает за вас ремонт и приготовит ужин, который вы не попробуете ни в одном дорогом ресторане. Может быть, всё не так ужасно, как мне видится? Может, я преувеличиваю, потому что не вижу никакой прелести в изобретениях Виктора? Я пойму его, но не сейчас, когда мне поручат записывать речь помощницы сто тысяч на диктофон», – размышлял я долго, пока коллеги не позвали меня на улицу.

Глава первая.

Неожиданный посетитель

За дверью бесшумно лилась музыка ветра. Дождевые капли сползали лениво с крыши. Близился безоблачный рассвет, и небо было точно разукрашено глубокой розовой пудрой.

Хозяйка сидела в шерстяном платке на широких плечах и поминутно глядела в окно за серо-коричневой птицей, которая прыгала по уличному креслу и тоскливо пела.

Я спросил за завтраком:

– А она каждый день прилетает?

– Каждый.

– Ты любишь её песни?

– Очень люблю, – ответила она живо и, не притронувшись к тарелке с супом, сложила руки на груди.

– Ты должна есть, иначе у тебя не будет сил.

– Сил хватает.

– Как же?

– Так. Я посильнее и тебя буду.

– Не сомневаюсь.

Дарья Сергеевна Трушкова была потрёпана временем, сторблена, худошава и непослушна, как ребёнок. В шестьдесят четыре с половиной года она не обращала никакого вни-

мания на старость и гордилась тем, что не страдала от болезней. Она часами гуляла около высушенного колодца, к которому вела заросшая сорняком тропа, бросала монеты в пустоту и с удовольствием слушала, как они тонко звякали в тишине.

Таинственный шелест леса привлекал её неизменно. Деревянный двухэтажный дом, который я делил с нею пополам, стоял на вершине холма в отдалении от иных, больших и тусклых домов с крытыми садами, и был выкрашен в спокойную белую краску. По одну сторону стоял маленький деревянный сарай, где хранились ржавые вёдра и прочий мусор. Перед крыльцом росла плакучая лиственница со свисающей кроной. Задний двор, увитый диким шиповником, был пустым и чахлым. Его скупо украшали поделки из пластиковых бутылок, развороченные фигуры животных. На хлипком заборчике была порвана сетка.

Дарья Сергеевна, бывало, выходила на дорогу и, осторожно облачиваясь на ограждение, следила за помощниками сверху. Она питала симпатию к новым моделям и сильно недолюбливала старые, что были не модернизированы, а потому слабы и бесполезны. Я стоял рядом, видел расстилающийся вдалеке багровый горизонт, вершины сосен, огни, что зажигались на улицах, в неинтересных квартирах с коваными решётками на окнах, и давал ей решительно высказаться. Она лопотала, не закрывая рот, пока её лицо не терялось в сумерках.

В то время, как у подножья кипела жизнь, наша проходила в размеренном и безмятежном ритме. Каждый день проходил однотонным, но меня никогда не доставала скука, так как мне было поручено много дел.

Я работал в цветочном магазине «Летний розмарин», и моей главной обязанностью была, конечно же, продажа растений. Мне приходилось заботиться об их здоровье, убирать опавшие листья и много общаться с разными людьми, которые нуждались в красоте.

Как только завтрак был окончен, я оставил Дарью Сергеевну в гостиной и, переодевшись, вышел на крыльцо. Сел на ступени, чтобы насладиться влажной прохладой и поправил одеяло в кресле.

Птица испуганно вспорхнула на корявую ветку. Смолкла, изумившись новому дню, окутанному ласковым теплом.

В магазин я поехал на машине, а по пути включил энергичную музыку.

Непрерывный шум города глушил внутренний голос. Едкая коричневая пыль пачкала улицы и многочисленные светофоры. Блестели высокие здания, и повсюду висела и мигала броская назойливая реклама, как настоящая. Помощники носились с пакетами и сумками своих людей и располагались за кассами. Они строили крепкий мост, соединяющий между собой два обжитых острова, были водителями автобусов и ярко-синих такси, в общем, трудились.

В искусственном озере барахтались прекрасные утята и

плавала прекрасная утка.

Возле витрины «Летнего розмарина» стоял, нагнувшись, мой подчинённый Костя, одетый в мятую рубашку, кое-как заправленную в поношенные штаны. Шнурки на его левой кроссовке распустились и свисали до плитки, из-под кепки выбивались кудрявые, рыжие, опрятные волосы.

Костя полировал стекло, смотрел через него на амаранты в мраморных вазах и лютиков в подвесных горшках и был так увлечён, что не сразу заметил, как я подошёл. Он повернулся и показал толстые розоватые щёки, покрытые веснушками, и простые кругленькие глаза.

– Салют!

– Пора открываться.

– Да. Вы могли приехать позднее. Я бы справился один, – ответил он, гордый за то, что ответственно подходил к поручениям. – Клиентов сейчас много, и вы с ними со всеми возитесь, но не отдыхаете.

– Не вожусь, а обмениваюсь любезностями. В общем-то, они обмениваются со мной не меньше.

– Так плохо. Они это делают, потому что обязаны. Вы всем продаёте цветы. Даже тем, что наглеют.

– Не нам решать, воспитанный человек или нет. У меня тоже бывает дурацкое настроение, и я злюсь на тебя.

– Вы другое дело, – сказал он, затаив лёгкую обиду. – Вы мой руководитель!

Костя был молод и энергичен и никогда не грубил. Всякий

раз, когда я отворял двери магазина, он бежал ко мне и запыхался, чтобы похвастаться тем, что сделал до моего прихода, и показывал любимую жимолость, которую выращивал для дома. Обыкновенно, он суетливо занимался декорированием внутри магазина и не слушал, что я ему говорю. Впрочем, мне все молодые казались одинаково-деятельными и задумчивыми. Они словно витали в облаках и вынашивали смелые мечты, которые сумели бы в скором будущем воплотить в реальность.

Перед тем, как устроиться в «Летний розмарин» Костя обучался на курсах флористики в городском центре дополнительного профессионального образования. Приходилось жертвовать личной жизнью и довольствоваться малыми внезапными успехами, которые не кружили голову, но повышали мотивацию. Похвала трогала его за душу. Критика же воспринималась болезненно и равнодушно, как и сомнительные комплименты, которые напоминали лесть. Женщины с курса жадно слушали Костю, когда он выступал с речью в группе и предлагал вдохновенные идеи. С окончанием семнадцатого занятия он получил диплом и, вооружившись терпением, заходил по собеседованиям. Одним из работодателей оказался мой хороший знакомый, Дмитрий Костяшкин, человек неглупый, весьма преуспевающий в цветочном бизнесе. Он вскоре привёл ко мне Костю, когда у него ещё был чрезмерно впечатлительный темперамент и планы, которые не имели под собой надёжной основы. Мы заручились поддержкой

Костяшкина, и он вложился в наше предприятие.

– Ты не закончил?

Костя скользнул взглядом по стеклу, от которого слабо веяло химией.

– Нет. Я только начал.

– Как закончишь, подойди ко мне.

Я перевернул входную табличку и прошёл в магазин. Всюду, куда ни глянь, стояли деревянные ящики с яркими пышными цветами, на полках прозрачные и керамические вазы без рисунков и простые корзины, плетённые из лозы. На стене, против полукруглой стойки, была повешена мистическая картина. Солнечный луч рассекал белое платье спящей девушки. Я вдохнул родной сладковатый пахучий запах и, проверив кассу, взялся за опрыскивание листьев. Потом сменил воду лилиям, тюльпанам и нарциссам, подрезал и промыл их гладкие зелёные стебли и позвал Костю, чтобы научить его составлять букеты. Он выбрал белые пионы и нежные розы, из которых я и создал композицию. Цветы надо было располагать по кругу, чтобы они не торчали неровно и находились на одном уровне. Стебли я замотал хрустящей декоративной бумагой и стянул их извилистой лентой. Костя самостоятельно собрал букет, добавив много ромашек.

– Смотри, как некрасиво!

– У вас так же, как и у меня. Я не вижу разницы.

– Вот, – ответил я и указал на выбивавшийся пион. – Тебе, должно быть, кажется это пустяком.

– Один цветок ничего не испортит.

– Ещё как испортит!

– Почему же? Если бы выбивалась ромашка? Она мелкая, беленькая и почти незаметная.

– Мелочи могут быть незаметны лишь на первый взгляд.

Представь себе, что клиент покупает букет и не видит серьёзных недостатков. Он, к примеру, ставит его у себя на кухне и любуется им. Неприятно было бы в пятый раз видеть ещё свежий букет, собранный, на самом деле, без должной аккуратности.

– Глупо всё же. Покупатели не изучают букеты при помощи лупы, – рассмеялся Костя.

– Если только у них проблемы со зрением.

Я убрал моток атласной ленты, который валялся на столе без надобности, и передал бумагу Косте.

Он мотнул головой и мрачно отозвался о своём букете. Его терзала мучительная неуверенность в собственных силах.

– Всё равно плох. Зачем мне теперь продолжать?

– Ты научись. Нельзя бросать начатое.

Я убрал беспорядок, когда отворились резные двери. В магазин вошла белокурая женщина в приличном старомодном костюме. Она была весела и напряжена одновременно. Попросила самые дешёвые цветы, вероятно, чтобы подарить их нелюбимой, но важной коллеге. Костя предложил другой, роскошный пурпурный вариант, но женщина наотрез отка-

залась приобретать его. Костя испугал её неуместной настойчивостью. Он густо покраснел, и женщина смягчилась.

– Возьму, так и быть. Может, я не права.

– Держите! – просиял Костя, немедленно передав букет в крепкие холёные руки.

Она молча положила деньги на стойку и скрылась, хлопнув дверьми. В магазине сделалось очень тихо.

– Что скажете?

– Ты поступил правильно, хоть и был неловким и стеснялся.

– Ну, я ведь учусь.

К обеду мы были собраны и разговаривали друг с другом только на темы, касающиеся непосредственно нашей работы. Костя прогнал хулигана, который развлекался, швыряя мусор около витрины, и убрал в перчатках осколки разбитой бутылки. Он пообещал, что такого больше не повторится, но его не в чем было винить.

К вечеру на город обрушился ливень, и люди и помощники скрылись под шляпами зонтов. Кромешный мрак обступил закрытый «Летний розмарин». Меня переполнило облегчение, я пересчитал деньги, и уже хотел было погасить свет, как вдруг послышался громкий торопливый стук. Незнакомый, обёрнутый шарфом, проговаривал еле различимые слова под плачущим карнизом.

– Кто там? Он не видит, что мы не работаем? – спросил Костя. – Не понимаю.

Он указал на табличку, но неизвестный юноша за стеклом был непоколебим. Мы забеспокоились.

– Уходи! Давай!

Он стоял, больше не стуча монотонно в двери, и шептал непрерывно: «Открывайте. Я не могу без приглашения, не могу!»

Я впустил его к нам. Костя был недоволен своенравным помощником.

– Ну, что тебе? Ты слепой?

Юный помощник дрожал заметно от холода и кутался в рвань, которая когда-то была пальто. Он жмурил живые и умные тёмно-карие глаза, в которых блестели слёзы, и массировал ладони. Костя сурово молчал. По его красному лицу было видно, что он хотел поругаться с помощником и вытолкать его силой на дорогу.

– Что ты хочешь? – спросил я помощника, под которым расплзлась грязная лужа. – Если ничего, то уходи. Мы сегодня больше ничего не продаём. Надеюсь, ты не потерялся?

– Нет!.. – воскликнул он грозно.

– Не уйдёшь? – спросил я и недовольно хмыкнул.

– Я не мог потеряться! Мне бы букет. Пожалуйста, дайте красивый букет!

– Какой букет? – удивился Костя и, взглянув на лужу, прошептал: – Вытирать ещё за ним... Мы ничего не дадим, верно?

– Верно.

У помощника изменился тон голоса, он шагнул уверенно вперёд, выпучив глаза, и улыбнулся, как чужак.

«Где телефон?» – подумал я, но не сделал и движения в сторону.

Бело-жёлтая молния озарила «Летний розмарин», и прозрачная лошадь с картины приобрела злой и страшный оскал. Девушка с опущенными руками сделалась совсем беззащитной. Грохотнул гром в чёрных тучах. Дождь полился с большей силой.

– Я сказал, что мне нужен букет! Ваш магазин ближе всех к дому. К тому же, мне сообщили, что вы выполняете любые капризы своих покупателей.

– Выполняем, если только они не заявляются к нам поздним вечером, – заметил Костя. – Посмотри на время!

Юноша вынул электронные часы из внутреннего кармана пальто и протёр пальцем заляпанное стёклышко.

– Без двадцати десять.

– Тогда не задерживайся! – произнёс я как можно строже.

Моя резкая фраза лишь сильнее задела его, потому как он тотчас поспешно убрал часы и, кинувшись бурно за прилавок, замахал конечностями. Шарф слетел, я зачем-то аккуратно подхватил его обеими руками. Полка позади кассы затряслась ходуном, когда помощник ударился нечаянно локтем и разбил пузатый коричневый кувшин. Он опустился на колени и, точно обронив кошелёк, проверил быстренько пол, а после выпрямился и заметался беспокойно, раскрывая

ящички, доверху забытые украшениями.

Костя вцепился крепко в помощника, пока тот брыкался и прятал неумело в ладони простой бирюзовый бант.

– Остановись же ты! – потребовал он. – Перестань носить-ся, ты не в сумасшедшем доме, а в цветочном магазине! Ну, это пока...

– Отдайте красивый букет, умоляю! Вам не важно, что будет со мной, если я не куплю цветы? – спросил он, задыхаясь, и горячо воскликнул: – Верните шарф хотя бы! Он мне дорог, как ничто другое.

– Хорошо, что у тебя есть то, чем ты дорожишь.

– Ты хотел украсть бант! Вор! – прокричал Костя, не отпуская помощника, и отобрал насильно бант. – Есть ли нам дело, что будет с вором? Ты плохо одет. Даже слишком для помощника. Может, ты бездомный? Или за тобой не ухаживают?

Я взглянул на несчастного, и он тоскливо пробормотал:

– Не вор я. Вы не понимаете?

– Слушай, если ты получишь букет, то больше не явишься к нам? – спросил я равнодушно.

– Естественно, – ответил он. – Не кричите на меня. Я боюсь, когда на меня поднимают голос.

– Не будем.

Костя упрямо возразил мне, что не собирается давать ему ни цветка и, наконец, успокоив нервы, ушёл собирать осколки кувшина. Я вынул неохотно из горшка с водой девять све-

жих розоватых хризантем, перевязал их другим бантом, который был совершенно сух и не помят. Бант, что помощник собирался украсть, оказался в коробке с нехитрыми вещичками, которые было жалко выбросить.

– Знать бы ещё, кто тебя послал в дождь, – прошептал Костя ядовито.

Помощник отряхнулся, будто от пыли и, сделав поклон, тихо извинился, что до сих пор не называл своего номера и убрал липкие волосы со лба.

– Какой же у тебя номер?

– Десять тысяч триста восемьдесят пять. Откуда такое любопытство? На что вам моя семья? – спросил он Костю с недоверием. – Снова броситесь на меня, как зверь? Я ведь по-хорошему просил.

– По-хорошему? Да что ты! Если бы и так, то пришёл утром или днём, как люди.

– Не сравнивайте меня ни с кем, – сказал помощник мягким, но решительным тоном.

Он завязал потрёпанный синий шарф с большими витиеватыми буквами вокруг шеи, положил небрежно купюру на прилавок и протянул правую руку, чтобы забрать букет.

– Надеюсь, не увидимся больше.

– Да, не сомневался, что вы так скажете, – выдохнул помощник и перевёл на меня задумчивый взгляд, в котором чувствовалась беспричинная радость.

Он улыбнулся сдержанно, словно не желал, чтобы его

улыбку заметил Костя.

– Кажется, я вас знаю. Возможно, и нет. Я часто ошибаюсь, – вымолвил помощник, прежде чем поклониться во второй раз.

Нешуточная гроза утихла, капли барабанили по карнизу всё незаметнее и тише. Тучи отступили, и в небе появилась долька крошечной луны, от которой исходил слабый белый свет. Улицы заполнились гуляющими без зонтов, капюшонов и непромокаемых плащей, усилился, наконец-то, людской гомон, визг машин, и стих промозглый ветер, разгоняющийся меж домишек.

– Ты ошибаешься. Мы никогда до этого не виделись.

– Правда, правда? – переспросил он озадаченно и сощурился. – Даже если вы меня не видели, то я вас видел когда-то отчётливо, но не говорил с вами близко. Вы не снимались в рекламе? Почему-то я вспомнил одного человека, который продавал садовые скамейки. Он сильно похож на вас. У него такой же кошачий разрез глаз, такие же русые волосы, искусанные губы, есть родинка на лбу. Я долго наблюдал за ним, за его размашистой и медленной походкой и словами, которые он произносил. Звали продавца, кажется, Андреем... или Виталием... может, Данилой? Не помню.

– Дело в том, что я продавал и продаю одни цветы, а не скамейки.

Костя подтвердил, что я подобным в жизни не занимался и закончил убирать осколки.

Помощник огорчился, что не до конца вспомнил меня, повернулся к нам спиной и, сделав несколько шагов к выходу, вдруг задержался рядом с декоративной пальмой. Он молчал, пока Костя вновь не рассердился страшно на него.

– Кто ты?

Было сумрачно, душно и печально, как в кошмаре. Помощник обернулся и сказал сухо, будто сминая крекер:

– Кто я? Просто помощник, и больше ничего. Живу с одной женщиной и с одним мужчиной по фамилии Пустыркин. Слыхали, как восемь месяцев назад в честь предков Пустыркиных решили назвать улицу?

– Нет, – сказал Костя.

– Вы многого не знаете и не слышали. Ну что ж, не беда! Пустыркины окружают меня заботой, как члена своей семьи, а я приношу в квартиру цветы и другие красоты в благодарность за доброту.

Лампа тревожно замигала, и муха, что до этого тыкалась в потолок, пролетела с жужжанием мимо моего носа. Я спугнул её, не отрывая немигающего потухшего взора от серьёзного выражения помощника, осунувшегося и белого как мел. Костя положил на моё плечо руку. Я торопливо скинул её, следя неотрывно за тем, как меняется до неузнаваемости ясный облик нарушителя спокойствия. Нечто хорошо знакомое и даже близкое удалось мгновенно уловить в открытом и угрюмом помощнике. Меня кольнуло горькое расплывчатое воспоминание, которое сразу же померкло. Непрошенные

мысли порождали в душе смятение и наполняли её смутным предчувствием. Тело пронизал озноб, сердце билось часто, и его стук отдавался над верхней губой. Слова Кости были невнятные, они разносились эхом по магазину.

«Значит, ты пришёл в «Летний розмарин» не для того, чтобы купить букет? Есть ли скрытый смысл в твоих поступках?» – подумал я с волнением.

– Идите за мной, и я покажу наш дом, – воскликнул помощник и поправил шарф, что вот-вот должен был распусться. – Боитесь, что поведу вас по тёмным переулкам? Ха-ха-ха! – захохотал он противным смехом, от которого я содрогнулся. – Нет, мы живём не на окраине, а в центре, в сорок пятом доме.

– Зачем мне идти за тобой?

– Не ходите!

Костя намеренно отвлекал меня, чтобы я не задерживался на помощнике.

– Отстань, – брякнул я вслух.

– Не слушайте, что он лепечет. Язык без костей у него, помело. Глупо.

– Вам кажется, что я болтун? – изумился юноша. – Нет уж, так не пойдёт... Я не с вами говорю, тем более. Не перебивайте.

– Продолжай, – попросил я.

Помощник, очевидно, продолжать не намеревался. Он полностью преобразился, заметно посветлел и немного смяг-

чился. Щёки его залила нежная акварель, рот растянулся в озорную ухмылку. Да, продолжения не последовало, но я не настаивал.

– Всё?

– Всё, – произнёс он неестественно звонко.

Уже ничего не чудилось странным, густой шум не стоял в ушах. Луна изменила яркость и озарила помощника с букетом в белой аккуратной руке, сотрясаемой дрожью.

Глава вторая.

Сорок пятый дом и его обитатели

Костя заключил, что помощник был не в себе. Он не предполагал даже, какие мотивы двигали им, и собирался забыть о произошедшем, как о беспокойном сновидении, посоветовав мне сделать то же самое. Рассудок мой быстро прояснился. Я также возмутился поведению помощника, когда мы с Костей заперли двери «Летнего розмарина», вышли освежиться, и откровенно высказался:

– Бесспорно, он поломан! Какая-то деталь, дурацкий механизм... У него нет браслета, хотя они все без исключения их носят, – задумался я ненадолго. – Как считаешь?

– Наверняка потерял, – сказал Костя. – Он просто не из этих... Ну, их...

– Каких?

– Забыл. Слово на языке вертится, а вспомнить не могу, – объяснил Костя, слегка оробев, и поёжился от сухого треска за деревьями. Навстречу нам выбежала собака, вся в тёмно-рыжих заплатках, с тонким ошейником из железа, а за ней выпрыгнул как ошпаренный мужик и, схватившись за поводок, потянул бедолагу за собой через дорогу. – Сегодня суеты больше обычного. Как им не надоело? Ну сами посмотрите, их раздавит машина! Хм. Неважно.

– Он дефективный. Совсем старый, хотя внешне не особо-то и видно. Не знаю, почему я не позвонил в полицию. Заодно бы не мучились в догадках.

– Я не мучаюсь. Зачем. А вы? Что, пойдёте за ним?

– Нет! Мне делать, что ли, нечего? Я просто так сказал, чтобы узнать, как ты.

На самом же деле, я мучился лишь головной болью. «Неизвестно, как работал мозг помощника, и какие там образовывались мысли, которые не были предусмотрены программой, наверняка ещё и загруженной с ошибками. Если программы, как таковой нет, то нет и смысла в существовании помощника. Мне тошно думать, что он сидит и дожидается меня в квартире, причём его хозяева не представляют, что он натворил», – подумал я, а вслух произнёс о том, что не имело ни малейшего отношения к вечернему инциденту:

– Завтра забираем заказ у поставщика. Не забыл?

– Как тут не забудешь!

Костя припомнил, что в магазине у меня был серый и тоскливый взгляд, будто бы мне не принадлежащий.

– Зовите, если буду нужен.

– Куда звать? – удивился я, остановившись перед светофором, алым, как маковый бутон. – Эй! – окликнул громко, и все серьёзно оглянулись и застыли неподвижно, точно восковые манекены.

Повисла душная тишина, и облачное одеяло затянуло луну. Я заметил, как между грязно-жёлтыми улочками пронес-

лась знакомая фигура. Она миновала безликие серые в девять этажей дома, которые подлежали реконструкции, стеклянный шкафчик с книгами фантастического и фэнтезийного жанра и, свернув торопливо в пустынный переулок с облезлой вывеской на болтах, припала к стене. Как по волшебству замерло время. Только фигура повернулась боком, вытянула пустые руки, чтобы ухватиться за поломанный фонарь, и бесшумно спустилась. Мрачные опасения тотчас отпали. Костя, верно, не достучавшись до меня, пошёл один по зебре. Я нагнал его и довольно посмотрел на оживших людей и на переулок, где лежал человек без букета из «Летнего розмарина». О, к счастью, он валялся вовсе без чьего-либо букета.

– Вы очень рассеяны. Хватит с вас воздуха, – сказал Костя, огорчённый моей невнимательностью. – Поезжайте домой. Тяжело и плохо мне.

– Болееешь?

– Всегда так после прогулок. Особенно, ближе к ночи.

– Значит, гуляй утром, часов в пять или шесть.

– Очень рано и скучно, когда не с кем. Дальше что? Он вам повсюду мерещиться будет?

Костя неловко отвернул лицо.

– Ну, что ты? Обижаешься?

– Нисколечко, – выдавил он сквозь зубы. – Только не делайте выводов насчёт помощника. Первое впечатление правильное всего.

– Хорошо, твоя взяла, – рассмеялся я снисходительно. – Больше ни слова о нём, ни мыслишки. А знаешь, что?

– Не знаю. Расскажите, – потребовал Костя, и с губ его сорвался сухой смешок. – Если что-то по работе, если вы заговорите... хоть о макраме! Я выслушаю. Не дай боже, о помощниках! Прошу вас, как человека!

И так мы сделали круг, пока я говорил о Дарье Сергеевне, как она испекла черничный пирог и угостила им соседей, живущих у подножья холма. Мы распрощались. Костя устало сел на лавку рядом с «Летним розмарином», вынул блокнот, а как только понял, что забыл карандаш или ручку, то сразу насупился и позвал меня, размахивая руками, но я уже был далеко и не развернулся.

Город горел беспокойными огнями, в каждом из стёклышек раздувался пляшущий костерок. Уже не было видно уток, но было видно тёмное озеро, за которым вырисовывался длинный золотой шпиль Троицкого собора со светло-зелёными куполами. Ветер качал коричневые тополя и редко подхватывал сморщенные листья, шуршащие по асфальту. Раздавался топот, скрип и бестолково-расслабленные голоса. До меня долетали бессвязные фразы, которые я не переставал повторять от безделья вслух.

Не прошло и половины часа, как я убедился в обманчивости умиротворения.

По одному из пешеходных мостков через реку бежал, неуклюже спотыкаясь, помощник с лохматыми хризантема-

ми. Он толкался, но не смотрел на людей, которые его дружно ругали и таращили глаза, а глядел вниз. Кто только не кричал на помощника! Один ребёнок заливался неудержимым хохотом, показывая некрасиво пальцем на бегуна, другой хныкал из-за того, что хотел бегать также быстро и всхлипывал, и размазывал слёзы по красному пухлому лицу.

– Держите его! – тонко взвизгнула девушка в розовенькой кофточке и налетела на юношу в роликах. – Куда едешь? – вспылила она и прикоснулась к ушибленному плечу. – Тут бегают чудак!

– Мне то что? – спросил он.

– А то, что надо быть аккуратнее. Я чуть не грохнулась!

– Извини, не хотел, – сказал юноша равнодушно и немедленно съехал с мостка.

– Что у него? Цветы? Ах, как романтично! – воскликнула другая девушка, взяла тотчас своего молодого человека под руку и кинулась целовать его.

– Не при всех, – поморщился молодой человек и решительно отстранился.

– Стой! – закричал я. – Подожди!

Помощник не расслышал меня, но, казалось, набрал скорость. Он пробрался через толпу велосипедистов в ярких защитных шлемах и помчался между тесными кривыми двориками. Я неустанно преследовал его и нервничал. Порою мелькало развешанное бельё, виднелись искажённые заботами лица, запирались и распахивались окна, и крашенные

подоконники расплывались, как ненастоящие. У помощника развевался заляпанный шарф поверх мокрого пальто с оттопыренными карманами, трепетали волосы.

Он добежал до развилки и, как-то поскользнувшись, упал спиной на бордюр, при этом возмущившись женщине, которая растрогалась от жалости к нему.

– Идите, куда шли! Не видите, что я загораю? – спросил помощник и резко встал с букетом. – От загара моя кожа переливается нежно-белым цветом.

– Простите, от какого такого загара?

– От лунного.

– Извините, не думаю, что лунный загар бывает в природе, – засуетилась женщина с большими руками.

– То, что на вас не действует луна, ещё ничего не значит!

– Вы бы к врачу обратились, если так больно стукнулись, – посоветовала женщина мягко. – У вас не идёт кровь? Я позвоню в скорую. Или вы сами поедете?

– Мне не нужна ваша помощь, – огрызнулся помощник и, прижав руку к виску, немножко покоробился. – Боль есть, но это не страшно. Я привык.

– Как знаете, – сказала она, пожав плечами, и пошла к автобусной остановке как ни в чём не бывало.

Помощник, завидев меня, сверкнул потемневшими глазами и опрометью бросился влево. Я продолжил ехать за ним, не поднимая полностью стекла. После хмурого переулочка, с разрисованными мусорными баками, машинами, остав-

ленными в дождевой грязи, и паутиной густо сплетающихся проводов, мы очутились на многолюдной улице, засаженной пышной зеленью. Передо мной выросла светлая стена однотипных домов из кремовых кирпичей. Покатые крыши домов были добротными и зелёными, как трава. Пестрели витрины сверкающих лавок, и девочек распирало от смеха за раскидистым каштаном, украшенным лампочками, которые почему-то не работали.

Помощник остановился, наконец-то, у дома, скорее всего, сорок пятого. Он искупался с улыбкой в лунном свете, вынул, чтобы мне было видно, засаленный бесцветный браслет и приложил его к выпуклому узору на двери. Раздался мелодичный звук. Помощник прошмыгнул в подъезд.

– Да чтоб тебя!

У дома курил сигарету кто-то в стареньком мятом свитере, синих штанах, заляпанных спереди кляксами, и поношенных обувках. Он изучал надписи на резной скамье под клёном и жмурил тусклые сонные глаза. Иной раз тяжело сопел, словно был простужен, и вглядывался бездумно в своё отражение на воде. Я подошёл к нему, и моё сердце ожило надеждой.

– Вы живёте в сорок пятом? – спросил я у мужика.

– Допустим, живу. Зачем мне ещё стоять здесь?

– Действительно, незачем, – согласился я и закашлял, да так громко, что мужик скривил губы, и его небритый подбородок дёрнулся.

Он пробасил:

– Ты не куришь? Вот я курю, поэтому мне так хорошо. Возьми сигаретку, может, полегчает. Сигаретка от всякой боли спасает, поверь на слово. Если ты осторожный, то проверь сам. Я не подсуну тебе ничего плохого.

– Не по мне такой метод. С чего вообще должно легчать? – спросил я, приняхался к тошнотворному дыму и посерел.

– Отойди, если слабенький, – обратился мужик небрежно.

– Слушайте, мне надо в дом.

– А, для чего? – удивился он и почесал грудь. – Я тебя никогда не видел. Ты откуда взялся?

– Оттуда. – Указал я плавно вдаль, где высился заросший холм и мелькали синеватые тени. – И не увидели, если бы не один тип. Он помощник и злит меня весь вечер. Забежал минуто назад.

– Видел такого. Украл веник?

– Цветы он купил в магазине, всё законно. У меня к нему дело... или у него ко мне.

– Так-так...

– В общем, вы пустите меня или нет? – спросил я с явным недовольством. – Вам до квартиры рукой махнуть, а мне ехать далеко. Километра два как минимум.

– Что за дело?

В конце концов, я рассказал мужику, как познакомился со странным помощником, как он требовал яростно букет, и как у него молниеносно портилось и улучшалось настрое-

ние, упустив, конечно же, кое-какие подробности, совершенно бесполезные малознакомому человеку. Мне было неудобно, что я жаловался на помощника, но слова вырывались сами собой. Как только мужик терпеливо выслушал меня, я глубоко выдохнул, и мне сделалось легче, чем было до этого.

Он крепко задумался и, обмусолив сигарету, вынул зажигалку.

– Точно не попробуешь?

– Ни за что!

– Хорошо, пропущу в дом. Но ты потом объясни, что сказал помощник, а то они мне все жутко интересны. Я провожу, так сказать, небольшой эксперимент. Эксперимент важный и нужный, но не для меня, а моей Ани, – сказал мужик, слабо усмехнулся и, бросив сигарету, растоптал её в кашу обувкой. Зажигалку спрятал. – Курить даже нет желания. Ты слишком серьёзный. Позволь-ка рассмешить тебя одной нелепой случайностью, произошедшей со мной позавчера. Уверен, что ты любопытный, и выслушаешь меня. А?

Мужик, назвавший себя Василием, говорил возбуждённо и был как открытая книга.

Он воспринял молчание, как знак согласия, и, позабыв, кажется, о нелепой случайности, стал осыпать несколько не смешными шутками и сразу же посвятил меня в тайны своей семьи, на которую внезапно обрушилось проклятие, и каждые пять лет умирал не своей смертью кто-то из его рода или случалась какая-нибудь другая беда. В двух тысяча тридцать

пятом году, как ни странно, проклятие проявило себя впервые. Утром пятнадцатого августа прабабка Василия семидесяти девяти лет начисто переписала завещание и, порвав его зачем-то в клочья, повесилась на люстре. Никто из живущих с нею не поверил, что ей хватило сил, а тем более духу удаться, ведь она пугалась смерти, как злейшего врага, и любила внучку, ради неё и жила. Василий с женой присутствовали на похоронах, но почти не плакали.

Прошло незаметно пять лет, и в тот же месяц того же числа разграбили квартиру Василия. Анна проверила все раскрытые шкафчики и тумбы, стащила матрас, под которым хранила скудные сбережения, но ничего не увидела, кроме красной копейки, когда-то по чистой случайности закатившейся под кровать. У неё подкосились колени, она беспомощно упала в кресло и заломила руки. Василий сорвался с работы и тотчас приехал к Анне. Он успокаивал её, хоть и был ввергнут в отчаяние, и переживал, не показывая эмоций. Они надеялись переехать на новое место и заняли деньги, которые отдали полностью через четыре с половиной года.

В следующий раз, которого совсем не ожидали, пострадала двоюродная сестра Анны Елизавета, когда вела автобусную экскурсию. Август стоял жарким, как июнь. Солнце жгло, и плыло мало облаков. Вода была одной из главных спасительниц от невыносимой духоты, и Елизавета еле держалась на ногах в переполненном автобусе с потными и во-

нучими людьми, у которых от зноя слипались глаза и болели головы. Она как всегда расплывалась в заметной, но не вызывающей улыбки и развлекала всех заученными наизусть фактами. Водитель провалился в дрему, а очнувшись, как по чьему-то приказу, резко крутанул руль и, сжавшись, крепко стиснул зубы. Автобус боком задел рядом мчавшую машину. Люди попадали с сидений. Побледневшая Елизавета стукнулась затылком о стеклянные двери, и взгляд её стал умоляюще-беглым. Вместе со всеми она потонула в ужасающем грохоте. Произошедшее с нею далее Василий решил не описывать.

– Так когда вы поняли, что это проклятие? – спросил я, когда мы стояли на седьмом этаже, и на лестничную клетку струился голубовато-белый ручей света.

– Ну ты подумай, почему пятнадцатого августа, а не двадцатого сентября, к примеру, или третьего марта? Аня предположила, что это проклятие, когда нас обворовали. Спорить с ней бесполезно, как и ссориться, она всё чувствует.

– Вы не допускаете, что это всего-навсего цепочка совпадений? – заметил я скептически.

– Не исключаю. Несчастье... чертовщина...

– Она самая, – сказала бабка сверху и, мягко ступая в тапочках, крикнула на Василия: – Вы бы лучше переехали, раз такая ерунда. Другим доставите бед.

– Боишься?

– Я?.. – удивилась бабка со сморщенной обезьяньей мор-

дой. – Было бы чего.

– Бойся, бойся, – повторил Василий настойчиво и пошёл на бабу, оскалившись. – Ты же первая, кто получишь по башке. Помни, что меня плохо злить.

– Нет! – взревела она мощно и стукнула его в грудь. – Уже пошутить нельзя.

Бабу заторопилась по лестнице, и Василий, проводив её взглядом, захохотал презрительно.

– Трусливая!

– Что у вас за отношения с соседкой?

– Верно, никакие. Как-то она забыла выключить кран и затопила нам квартиру. Я и сказал сдуру, что проклят. Сейчас-то соседи почти не здороваются друг с другом, не знают, как даже выглядят. Зато с этой нет проблем. Пусть у неё трясутся поджилки, иногда полезно.

– Жестоко, Василий.

– Не очень... Уже в следующем месяце, – проговорил он совершенно холодно. – Мне потому не сидится дома. Хочется курить и следить за двором. А, квартирку я тебе открою, и ты войдёшь.

– Зачем же? Я не ради вас пришёл. Не забыли?

Василий загадочно усмехнулся (как странно заблестели чёрные зрачки!), отворил дверь ключом и подтолкнул меня в тесную прихожую, в которой мирно тикали часы. Он шагнул следом за мной и включил настенные светильники. Из полутёмного коридора вышла девочка лет семи-восьми с бу-

рым пластмассовым медвежонком, подняла осторожно упитанное крошечное лицо, обрамлённое каштановыми локонами, и спросила робко:

– Кто тут стоит?

Василий снял обувки и сказал ласково:

– Он наш гость. Не бойся, малышка.

– Я не боюсь, ведь я не маленькая, – ответила девочка и надула розовые щёки. – Если хотите, мама даст чай и шоколадные конфеты. И вымойте руки перед едой. С невымытыми руками мама за стол не пустит!

– О, Сонечка, он не будет есть, – посмеялся отец тихо и нежно. – Ему не до сладостей.

– А что ещё делают гости? Они едят, пьют и веселятся со взрослыми.

Прозвучал оглушительный топот, а затем в прихожую влетел помощник десять тысяч триста восемьдесят пять в домашней одежде. Он попросил оставить нас наедине в своей комнате, и усадил там меня в рваное кресло. Сам он расположился на стульчике, обтянутом светло-рыжей материей.

– Так вот, что у тебя за хозяева.

– Заметьте, Пустыркины, – улыбнулся помощник мягко. – Хорошие, очень хорошие!

– Мне ни о чём не говорит их фамилия. Скажи, что ты хочешь?

– Ничего. Я трясся от страха, когда вы гнались на машине за мной. Хотя, знаете... – Вдруг помощник подскочил и

взволнованно воскликнул: – Хочу! Хочу, хочу всего! Всего хочу, что у меня нет, но что находится у вас! А именно работы, потому что без работы скучно. Я убираю полы, даже когда они сверкают от чистоты. Убираюсь от безделья. Денег никогда не зарабатывал, хотя трачу их ежедневно. Ну, что обо мне думают Василий и Анна? Что думаете вы? Не думайте плохо, потому что я просто хочу быть полезным и важным. Вы с Константином располагаете столькими возможностями, что я завидую. Мне совсем не нравится завидовать.

– Так ты не пробовал устроиться куда-нибудь? Помощники востребованы во многих профессиях.

– Каких? – поинтересовался он и заёрзал на стульчике. – Скажите, пожалуйста, какие мне подойдут профессии. Вот Василий водитель. Жаль, что он меня не возит. Я бы покатался с ним по городу, но он не разрешает.

– Сомневаюсь, что ты был бы отличным актёром, художником, композитором, писателем, танцором, ювелиром или столяром. Для этих профессий хорошо иметь страсть, талант и хорошо испытывать чувства и, конечно же, упорно трудиться. А что ты мнёшься?

– Неправильно всё это, ой, как неправильно! – запричитал помощник и, весь подавшись вперёд, поставил локти на колени. – Вы как будто ставите на мне крест. Но зачем? Я всего лишь попросил назвать профессии. Мало ли, где я могу пригодиться. Если надо будет, то и страсть пробужу и талант разовью. А раз так, то и денег заработаю.

– У тебя есть талант?

– Нет, – произнёс помощник низким тоном. – Вернее, я не знаю, что у меня есть, а чего нет.

– Видишь, как получается. Тебе просто-напросто нечего развивать.

– И что мне остаётся делать? – спросил он с необыкновенным огорчением и прикусил губу.

– Выбирать другое, что-то подходящее, – ответил я и переместился к низкому окошечку с тусклыми засохшими каплями. – Больше не приходи в «Летний розмарин», а то Костя прогонит. Я попрошу Василия, чтобы он хорошенько приглядел за тобой.

Помощник сполз со стульчика на отвратительно сотканный ковёр, заложил руки за голову и, мигнув одним глазом, сказал совсем по-ребячьи, как Сонечка:

– Туда не ходи, сюда не ходи! Говорите, как Анна. Вы не заставите меня.

– Ты понял или повторить?

– Я понял, – вымолвил он и, замерев, добавил: – Старикан... Эй, ну что вы горячитесь? Не раздавите меня своими лапищами! Я жить пока хочу, – захохотал помощник весело, когда я крепко выругался и толкнул его вбок ногой.

Он смеялся так и валялся перед кроватью с двумя плоскими подушками, пока вновь не сгустились тучи за окошечком, и комната потонула во тьме. Обоим нам было не по себе. Побежал холодок по коже. Помощник нащупал выключа-

тель, пугливо осмотрелся по сторонам, и на губах его мелькнула вымученная улыбка не то робкая, не то грустная. Лампа осветила кровать, кресло и стульчик, и стол со скомканной исписанной бумагой. Там же в пустой пластиковой бутылке, чуть наклонившись, стояли тощие колосья и чикали красные часы с чашечками звонка, сделанными для красоты.

– Ты обманывал и не видел меня. А я приехал, как дурак. Иди ты к чёрту!

– Сами идите туда же! Выходите, выходите скорее, пока не вошла Анна. Она оглохнет от вашего крика, и нам несдобровать, – предостерегающе пискнул помощник и вытолкал меня за дверь, но не захлопнул её.

– Ну?

Помощник приложил глаз и губы к дверной щели и проговорил уже совершенно спокойно:

– Вы не уходите, поэтому я стою тут. Хотите верьте, хотите нет, но мы виделись однажды. И я бы выбрал работу монотонную и скучную, да только не могу. Меня словно направляет какая-то сила, о которой я ничего не знаю. Она тянула меня в «Летний розмарин», и мне теперь стыдно, что я был странным. Константин, наверное, крутил пальцем у виска.

– С чего вдруг? Ты ему не нужен.

– Так оно и есть. А говорят и крутят. Крутят и говорят. По крайней мере, все те, с кем я сегодня столкнулся.

Он часто заморгал и хотел было ещё что-то сказать, но ко мне подбежала Сонечка с тем же бурым медвежонком, у

которого было оторвано левое ухо.

– Чего тебе?

– Вы ругались.

– Ни за что, – бодро заверил Сонечку помощник, выйдя из комнаты.

Он подхватил девочку на руки, поцеловал её нежно в лоб и спросил мягким красивым голосом:

– Где мама? Почему она до сих пор не вышла проверить, что к нам зашёл Владимир? А... Ну, если так нездоровится, то ничего. Со всеми бывает, – прошептал помощник и попросил меня уйти по-настоящему.

На лестничной площадке я вновь встретил бабку. Приподнявшись на носки, она тянулась до кошки, которая лежала на подоконнике и махала облезлым хвостом.

– Мяу! – закричала она и зашипела протяжно.

– О, что за беда, – буркнула бабка. – Сиди тогда, что мне с тобой делать.

– То ли ещё будет... То ли ещё будет, – повторил я и покосился досадливо почему-то не на бабку, а на кошку.

Глава третья.

Сон Владимира Беркутова

Дарья Сергеевна не спала в комнате на втором этаже, а писала море акрилом в гостиной. Рядом с нею, на столике, не укрытом скатертью или салфеткой, лежали заляпанные тюбики с краской, мягкие старые тряпочки и кисти с маленько растрёпанными белыми волосками. Картина была впечатляющая, огромная, и человек в лодочке, рассекающей тёмно-бирюзовые волны, не боялся бури, которая назревала в воздухе.

У Дарьи Сергеевны всякий раз поднималось настроение, когда она бралась за любимое дело. Сегодня же почему-то её настроение было неважное, и она жаловалась то на жару, то на холод и просила меня то распахнуть, то закрыть окно, едва прикрытое полупрозрачной шторой. Я зевал и скучал, да всё посматривал на незаконченную, в какой-то мере искусную картину.

– Её б ещё лаком покрыть, – говорила она с безумным восторгом. – Да, покрыть. Завтра займусь этим, а за ночь она успеет высохнуть. Не спать! – вскрикнула Дарья Сергеевна, когда я на мгновение прикрыл глаза. – Лучше уж скажи, почему задержался. Мне интересно, что там в магазине. Она резко остановилась и взяла конец кисти зубами.

– Да так, маленькая неприятность, происшествие, если можно так выразиться...

Дарья Сергеевна слушала внимательно, как Василий, но в отличие от него, нисколько не посочувствовала мне, а скорее наоборот проявила мрачное безучастие и окончательно растворилась в картине.

– Краски завтра куплю, а то заканчиваются. У меня куда-то подевался плотный картон. Не ты забрал его?

– Не шути так. Я твоего не беру.

– Тогда рама где? Тёмная рама из дуба? Да, наверное, я сама всё теряю, – призналась она и улыбнулась смущённо. – Не проверишь как-нибудь подвал, сарай, в конце концов? Там явно завалились хорошенькие вещицы.

– Это какие, например? – спросил я озадаченно. – Всё хорошее вокруг нас, взгляни!

Дарья Сергеевна мотнула упрямо головой и окунула кисть в пластиковый стакан с серой водой.

– Нет, оно есть везде, – ответила она, вынув чистую, будто совсем новенькую кисть. – Там, где даже не догадываешься. Бывает, забросишь барахло на чердак, а потом гадаешь, зачем же оставил, если оно ещё пригодится.

Только я стал подниматься к себе, как Дарья Сергеевна пожелала добрых снов, оставила, наконец, художество и, отмыв бело-синие пальцы, отправилась сладко дремать.

Меня одолевала вялость, а сны так и не приходили. Синие стены с синим потолком навевали тоску. Я сбрасывал оде-

яло на пол, ходил неспешно по кругу, иногда натыкаясь на острую мебель, и редко зажигал лампу с бумажным зеленоватым абажуром, который постепенно нагонял сонливость. К половине третьего ночи я был слишком утомлённым и рассеянным. Уже не было желания бродить, хотелось спать допоздна, и чтобы никто не разбудил ненароком.

Сон поначалу был однообразен. Томительное затишье прервал звон колокольчика.

– Бежим туда, бежим, пока день не угас! – прогремел дружный хор сильных голосов.

– Да, пока не угас, пока солнце не скрылось за горизонтом! – закричал я нелепо в ответ и пустился бегом по крутой лестнице, ступени которой рушились.

Наверху в несколько десятков рядов стояли дома, настолько высокие, что заслоняли небо и облака. Стены, поросшие мхом, были без окон. Каждое затейливое крыльцо зарастало лопухами, клевером, а двери увивали жирно-зелёные заросли крапивы. Площадь, окружённая зубчатыми клёнами, пустовала.

Тишину разорвал пронзительный вопль, и я устремился вниз по широкой дорожке, огибающей приземистое здание из коричневого камня.

И вот, спустя ещё один неприглядный квартал наступила ночь, и показался магазин. В открытом настежь «Летнем розмарине» отмечался какой-то необыкновенно яркий праздник. Люди сидели за стеклянными столами и пили

шампанское, доставая откуда-то всё новые и новые бутылки. Костя стоял, как обыкновенно, за кассой, в помятом блестящем костюме и бархатном пиджаке, и здоровался со всеми, кто подходил к нему, и обнимал радостно руками вновь прибывших гостей. Он улыбался ласково женщинам и ослепительно мужчинам. Затем собирал любовно букеты и возмущённо пыхтел, если ему мешали.

Протискиваясь боком сквозь толпу, я споткнулся у керамических ваз и растянулся по полу на смех ребёнку, который ничего не пил и не ел, но сильно скучал.

– Ты что тут? – спросил Костя. – Встанешь или лежишь ещё? Грязно-то, не убрано.

Он бросил безвкусный букет в толпу, и кто-то поймал его и восхищённо заахал.

– Какой чудесный, – слышалось в магазине, и люди захлопали тому, кто забрал цветы.

– Отдай! Мой букет, верни!

– Уже не твой.

– Сволочь!

– Как ты меня назвала?

– Получи!

Женщина в пышном уборе помогла мне подняться, наполнила пенистый бокал и чокнулась с горбатым стариком.

– За вас, – сказала она.

– Кто ты? Гость? – растерялся Костя, с неуверенностью ощупывая мою ладонь. – В списке ты не числишься, у меня

нет карандаша или ручки, чтобы записать тебя. Если хочешь, то можешь оставаться, но не бей статуэтки. Их бьют просто так, от веселья. Если бы я только словил мерзавцев и заставил их чинить мебель!

– Они плохие гости.

– Кошмарные. До чёртиков, – согласился Костя.

– Зачем ты их пускаешь?

– Не одному же за кассой стоять и мух считать. Лучше уж я ручки пожму.

– Ты не слышал крик? – спросил я после короткой заминки.

– Кричали гости. Они кричат и поют громко, но ты привыкнешь, привыкнешь, как я. Слышал с улицы? Так тем более. Мы одни открыты в городе. Все к нам идут, как будто не работают телевизоры и компьютеры. Точно, не работают.

Костя виновато спохватился, поправил костюм, переливающийся искорками, и, взяв микрофон, заорал, чтобы гости обратили внимание:

– Я покажу вам кое-что особенное, но только если вы замолкните! Помолчите минуточку, пока я копаюсь в подсобке. Эй, девчонка в бежевых шортах! Да, да, ты!.. Хватит напиваться, ты не свинья. Твой мужик и то не шатается.

Гости дико загоготали и, точно протрезвев, оставили бокалы. У кого-то лопнул стакан. Он порезал руку, кровь потекла на засохшие листья, которые давным-давно не убирали. Я присел на диванчик за прелестным жасмином.

– Она единственная в своём роде. Я всё вам покажу, кошмарики, не скучайте!

Костя подозвал курного мужичка с толстым пузом, свисающим через ремень. Они вместе нырнули в подсобку. Ко мне присоединилась женщина в пышном уборе и, откинув блестящие коричневые волосы за спину, сказала надменно и прохладно:

– Не наш. Зря он пустил вас в магазин.

– Вы против? Мне уйти?

– Не стоит.

– Почему?

– Для чего уходить, когда вы только-только зашли? – спросила женщина и сверкнула хитрыми узкими глазками. – Но моё мнение ничего не значит. Тем более, владелец приготовил сюрприз, и будет невежливо уйти, так и не посмотрев на него.

– Я останусь.

– Как хотите.

Женщина кивнула старику, и его лицо, некогда тощее, сухое и желтоватое, исказила маска весёлой злобы. Наклонившись к уху мальчика, которому поручили держать тарелку с закусками, он прошептал взволнованно какое-то слово. Мальчик заметно оживился. Он задержал на мне колючий взгляд, пока старик не доел бутерброды с красной рыбой и жиром измазал шёлковый галстук.

– Пф. – Обдувал себя глянцевой визиткой парень, бегаю-

щий от столика к столику в поисках вентилятора. – Включите, наконец, музыку! Я с ума сойду. Не подскажите, где моя любимая музыка? Ну, где?

В конце концов он выбросился в окно. Снаружи раздался глухой хлопок, будто магазин находился на этаже пятом, как минимум. Довольно скоро старик запустил проигрыватель. Заиграла торжественная музыка.

Костя с мужичком, тяжело шаркая подошвами, вынесли огромный куб, укрытый куском алой ткани. Не сдержав эмоций, Костя крикнул громко без микрофона:

– Это то, что я хочу показать всем в магазине. Вы заслужили! Встань, гость не из списка, – приказал Костя строго. – Посмотри первым.

– Посмотри! Посмотри! Посмотри! – повторяли люди, не уставая, и толкались.

– Ладно, – согласился я. – Вам нельзя отказывать. Такие вы чёртики.

Гости одобрительно засмеялись, радостные тому, что получили прозвище. Костя усмирил их, и они выстроились смирно в плавный полукруг. Мужичок шмыгнул за спину старика. Костя, согнувшись, ножницами срезал свежую розу, повернулся направо и передал её женщине с золотистым полевым хомяком, набирающимся сил на костлявом плече.

– Подойди ближе, – сказал один из гостей, топчась на месте. – Сколько тебя ждать придётся? Такими темпами сюрприз будет испорчен.

Костя скривил рот и глянул на гостя настолько свирепо, что тот сразу же затрепетал от страха и начал оправдываться. Им уже не были заинтересованы.

Шаг. Второй. Третий. Расстояние до куба стремительно сокращалось. Костя, безмерно терпеливый и сдержанный, как настоящий владелец и хозяин, стоял неподвижно, затаив дыхание. Я осторожно откинул ткань. Гости, включая меня, увидели махонькую железную клетку, в которой полулёжа на рваной простыне заметно дрожала голая девушка с браслетом, какой был мне хорошо знаком. Она впилась глазами в меня, слабо пошевелилась и хрипло застонала от боли, кажется, произнеся сдавленно: «Спаси». Люди пришли в восторг, когда она побагровела от злости.

По магазину волной прокатился невообразимый шум. Я отошёл на безопасное расстояние, потому как гости, окружив клетку, быстро сломали её и отобрали силой простыню. Костя следил за хаосом и подмигивал мне украдкой, ничего не предпринимая.

– Что будем делать с ней? – спросила гостья в кожаной жилетке и ухватила лапой за волосы несчастной. Вывернула длинную шею, как у жирафа, и переглянулась с другими, распахнув белозубый рот: – Проведём небольшой тест?

– Зачем тест? Они все скучные. Давайте поглядим, как она бежит?

– Вставай, дура! Потом полежишь, – сердито фыркнул другой гость в модном шерстяном пальто нараспашку. – Ко-

му сказали, поднимайся!

– Поднимайся, поднимайся! – зазвучал знакомый хор.

– Эй, да она же глухая, – сказал гость двадцать три, сморщив гримасу, и шлёпнул звонко девушку по затылку. – Вы нам что за сюрприз устроили? Какой-то он совсем не приятный. Она не откликается. Нормальная бы уже вскочила и заверещала на меня. А этой хоть бы что!

– Забирайте немую, – раздалось недовольное ворчание.

– Зачем притащили, для каких целей?

– Ну, не нервничайте, – аккуратно начал Костя и добавил лукаво: – Дорогие гости, она не привыкла наблюдать за столпотворением. Кыш отсюда, а не то побью!

Предложив людям потанцевать, он грубо встряхнул девушку, поставил её на ноги. Заставил плясать. Она была истощена и шаталась туда-сюда. Браслет тонко противно пищал, переливаясь оттенком серой белки.

Старик взял под руку женщину без пышного убора, и они бешено закружили по магазину, напевая мелодию, заглушающую сотни тысяч бесцветных жалобных голосов, доносящихся из неосвещённой подсобки со странным дребезгом. Гости заметались по всему магазину, подпрыгивая и выбивая дробь лакированными каблуками. Поломанная клетка растворилась в воздухе вместе с простынёй и цветами. На их месте образовалась вязкая пустота.

– Танцы, так танцы.

– Бери кого-нибудь, – произнёс Костя, изобразив подобие

дружелюбной улыбки, – и иди к нам. Веселитесь, кошмарники, у нас до утра много времени! Кстати, мне представить дорогушу, которой вы не можете налюбоваться? Или она сама скажет, как её зовут? А, какой номерок?

К всеобщему разочарованию, я никого не выбрал и, подбежав к Косте с девушкой с необъяснимым чувством сострадания, которое крепло во мне с каждой секундой, попытался остановить танец, почти набросился яростно на Костю, но промахнулся с ударом.

– Не удержишься.

– Удержусь.

– Погляди, – изумился Костя притворно. – Ты ослаб и не контролируешь себя. Старик, – позвал он властно. – Прибавь громкость!

Мои ноги совсем не слушались. Я двигался ритмично и плавно, жадно прислушиваясь к музыке, и переполнялся полной горечью. Девушка с браслетом шелестела неизвестно откуда появившимся платьем, расшитым кружевом, и мучилась, но продолжала порхать с бездумным взглядом, держа перемазанную засохшей грязью ладонь в ухоженной руке Кости. Мужичок крутился рядом и нащёптывал разную чушь.

– Карточки, бумажечки, всё что угодно просите, спросите, я знаю. А что, вы уже знакомы с хозяином? – спросил он, но я пропустил вопрос мимо ушей.

– Нет смысла.

– Почему?

– ...Отыщите меня! – вдруг пролепетала девушка и, скинув бусы, зачесала красную шею.

Костя закрывал ей губы, но она всё больше сопротивлялась, желая сказать мне что-то важное.

– Как тебя найти? – спросил я.

– Отыщите меня. Я близко, близко! – закричала она, взвилась на дыбы, как кошка, и бросила партнёра наземь. – Оставьте в покое! Не хочу танцевать с вами. Не хочу танцевать ни с кем! Отпустите, я болею!

– Что ты себе позволяешь? Терпи, не плачь!

Костя побагровел от гнева и, вмиг поднявшись, повалил девушку. Завязалась драка.

Пустые бокалы и бутылки, влажные от шампанского, разбивались, и густо усеивающие пол стёклышки блестели, как маленькие зеркала, в которых колыхались отражения. Магазин обрушился, проход к подсобке завалило обломками.

Измотанные гости попадали замертво, и над моим ухом явственно прозвучал плач. Я проснулся, задышал отрывисто, обхватив одеяло. Потные волосы липли к подушке, лихорадочно горели щёки. В комнате ощущалась невыносимая духота. Сердце было как будто порезано ножом.

Скоро я уснул во второй раз. Сны мне больше не снились.

Глава четвёртая.

Как помощник устроился в «Летний розмарин»

Костя был крайне удивлён тем, что помощнику хватало духу смотреть ему без стыда в глаза. Демонстративно он раздражался, грозясь уволиться из магазина.

– Что ты бесишься? – спросил я, отдав две коробки с перемороженными цветами назад шуплому поставщику. Остальные, естественно, принял, так как они были годны для продажи.

Мужик неловко пожал полными плечами, прошепелявил, покачиваясь на козых ножках:

– Не знаю, не понимаю. Цветы хорошие все! Были хорошими и свежими! Больше такого не будет. Это в последний раз! – с искренним недоумением он заморгал испуганно. – В следующем месяце приеду и привезу, – произнёс мужик, скосившись на грузовик. – Подождите один месяц.

Я недоверчиво смерил поставщика взглядом и обратился к Косте, теряя терпение:

– Не ходи вокруг да около. Не мешай... Слушай! Там посетитель. Я пока разберусь с товаром, а ты иди за стойку.

Помощник десять тысяч триста восемьдесят пять двинулся крадучись за ним.

– Стой.

– Для чего?

– Ты носишься за мной, как дурак, – попытался убедить помощника Костя.

– Дурак у нас тут Владимир, – сказал помощник и, трижды шумно чихнув, засмеялся оттого, что был прав. – Ну какой из меня дурак? Я на него не похож.

– Ты утверждаешь, что Владимир Беркутов дурак, но идёшь работать вместе с ним. Ну и наглость!

– Совсем нет.

– Это почему?

– Владимир сам так говорил про себя. Ему лучше знать, кто он. Со стороны не виднее.

Разобравшись с цветами, я вернулся к подчинённому и помощнику, которые не находили общий язык и спорили, как пышнее оформить витрину. Спор их показался мне до жути забавным, но бессмысленным. Помощник тотчас же обратился за советом:

– Как считаете, что главное: украшения или живые цветы? Костя, например, думает, что и то и то. Но зачем побрякушки флористу? Флорист зовётся флористом потому, что работает с цветами, а не со всякими пустяками. Вы бы ничего не сотворили, взяв бумагу, бисер, вафли да конфеты. Соберите розы с ромашками и гвоздикой. Ни ткани, ни ленты не понадобятся!

– Отвлекаешь, – буркнул Костя исподлобья, прыскавая во-

дой на листья.

– Да?.. Так что, Владимир?

– Подмети лучше пол.

– Подмети, подчинённый. – Костя расправил плечи, слегка приободрившись, и сощурился. – А то шляется, вопросы глупые задаёт. Зелёненький... помидор! Подметёт и пусть гуляет. Слышал, что сказал Владимир? Он не за тебя, а за меня.

Помощник виду не подал, что расстроился, выпросил бейдж со своим номером.

– Ты не подчинённый? Если нет, то заканчивай работу. – Я указал Косте на двери. – То-то же! И ты был зелёным когда-то. Нехорошо ведёшь, очень плохо, – сказал я с огорчением. – Кто так обходится с новичком? Помнишь, чтобы я обижал тебя? Никогда. Возможно, и было за что, но я не хотел упрекать.

Костя хихикнул стыдливо, промолчал. До вечера он ходил как в воду опущенный, стараясь не сталкиваться часто со мной или с помощником, пленённым мерным течением работы. Каждая минута у него не пропадала зря. Он самостоятельно впускал посетителей, бережно, даже почтительно обращался с ними, без суеты хлопотал над земляными горшками и к девяти часам раскинулся на диванчике, признавшись застенчиво, что устал. Я убедил помощника, что ощущать слабость обыкновенно. Свешивая левую ногу, он грустил, что между ним и Костей пробежала чёрная кошка,

и с робостью, сковывающей язык, говорил тихо:

– За что он так меня? Я ему ничего не сделал. Вы тоже думаете, что я безнадежен?.. Нет, вы заступились. Он ревнует?

– Вероятно, он не хочет, чтобы кто-то занимал его место, – предположил я громко, нагружая мусорный мешок. Кости в «Летнем розмарине» уже не было.

– Как я займу место, если не работаю? Вы пока не приняли меня.

– Вопрос времени.

– Если примете, то я займу своё собственное место... Вроде бы, не хочу, а всё-таки обижаю.

– Признайся, как тебе.

– Что же?

– Магазин. Есть талант или как?

– Не сказать, что бы уж талант, но люди были довольны. Видели, как они выгибали брови? Дружелюбия у меня не отнять, – похвалился помощник простодушно. – Я догадывался, что мне подойдёт ваша профессия. Не зря всё проходит. Костя потом примет меня и прекратит дуться.

– У тебя есть паспорт?

– Паспорт? – спросил он потеплевшим голосом. – Паспорт не для меня. У Анны есть свидетельство о моём создании и старый чек, который вручили Пустыркиным после оплаты. Я, знаете ли, что-то там стоил, но меня долго не продавали, года, этак, два. Странное было время, пустое.

– И чего не продавали? Ты бы послужил хорошую службу.

– Должен знать... Что вам приспичило? Не помню. – Махнул помощник рукой. – Это для того, чтобы устроить меня в магазин, я прав? Я принесу свидетельство и чек.

– Трудовой книжки, значит, нет, – проговорил я, припомнив, как помощник горел желанием овладеть любой профессией. – Я оформлю её для тебя. Чек не приноси. Свидетельства будет достаточно.

– Завтра? Так скоро! Не уснуть мне ночью, – признался он, радостно волнуясь и дрыгая смешно ногой, с которой слетел расстёгнутый ботинок. – Вы дадите мне настоящий бейджик? Не то, что этот, вон, какой серый и потрёпанный! А как насчёт формы? Между прочим, у меня есть чистая рубашка и неплохие брюки.

Мне и самому было приятно и беспокойно оттого, что нам предстояло работать вместе. Речь об обустройстве помощника в стенах «Летнего розмарина» ранее не заходила, и этот помощник был одним из немногих, кто стремился изучить флористику как искусство. Предполагаю, что он брал в пример Василия, который трудился без отдыха.

Следующим же днём Костя предпочёл не затевать ссору. Ему были предельно ясны мои указания. Если что и представлялось затруднительным, то он задавал вопрос в блокноте, тыча им мне безмолвно в лицо, и записывал заказы клиентов, которые звонили по телефону. Потом он отрывал стикеры и клеил их прямо на кассовый аппарат.

В обеденный перерыв я запустил помощника в тесный ка-

бинет. Мы присели за аккуратный чистый стол из европейского бука. Я вынул из ящика, запираемого на ключ, договор и трудовую чёрно-золотую книжку и приступил к заполнению титульного листа.

– Номер?

– Забыли? Что ж вы за работодатель гадкий?

– Звать тебя числом как-то неразумно, – оправдался я неуклюже и сказал механически во второй раз: – Номер.

– Десять тысяч триста восемьдесят пять.

– Дата создания?

– В две тысячи тридцать четвёртом году. Подтвержу слова свидетельством, – откликнулся он невозмутимо и показал голубоватый документ.

– Сколько было лет на момент создания?

– Ноль, – сморщился он, вжавшись спиной в стул.

– Наверное, из-за этого не продавали.

– Объясните.

– Ты был ребёнком. Ребёнка из детского дома не всякий заберёт, его кормить и воспитывать нужно. Сейчас делают помощников молодых, крепких, чтоб за домом ухаживали и заботились о безопасности. Мало ли, грабитель какой или убийца, а здоровяка нет рядом! О, ужасно, пришлось бы спасать и себя, и маленького.

– Не соглашусь. У меня другое мнение.

– Какое?

– А такое, что я!.. То есть, помощник, даже если он несо-

вершеннолетний, годится для многого, – вытаращился он потрясённо и с вполне ожидаемой горячностью начал доказывать собственную правду на примере знакомых ему помощников. – Девять тысяч сто сорок четвёртый известен тем, что спас двенадцать человек из-под обвала камней с утёса, а ему было всего лишь девятнадцать. Он не отличался любовью к спорту и выпивал в компании. Ну? Или как вам помощница по кличке «Панцирь», в которую в шестнадцать лет выстрелили семь раз. Она закрыла хозяина от пуль и выжила. Вы действительно думаете, что они слабаки?

– Ты говоришь о единичных случаях, – осадил я помощника резко, вернувшись к трудовой книжке. – Молчал уж лучше бы. Так далеко не уйдём.

– Да. Перерыв закончится, а мы не разобрались... Сомнения мучают. Откажись от них, вы бы взглянули на меня другими глазами! – договорил он и утих.

– Профессия, помощник флориста. Не подскажешь сегодняшнее число? Дату укажу.

– Шестое августа две тысячи пятидесятого.

– Подпись.

– И вашу.

Поставил печать.

Перед тем, как заключить трудовой договор, помощник вчитывался в смысл написанного и, перечитав раза четыре раздел оплаты труда, остановился на сведениях об ответственности сторон. Он расписался на втором экземпляре,

предчувствуя беспокойное будущее, и подавился смехом.

– Не с дьяволом заключаешь сделку.

– Лучше с ним, – повысил голос помощник.

– Шутишь? – спросил я, расплывшись в улыбочке. – Он слышит тебя.

– Какие тут шутки? Пока я на земле, я не боюсь ни дьявола, ни Бога. Они меня достанут в аду или в раю, когда я умру. В «Летнем розмарине» меня достанете только вы, ещё как достанете! Ну, теперь мы в одной лодке? – Он протянул уверенно руку. – Пожмите. Так принято.

– Принято.

– Мне надо срочно похвастаться Пустыркиным, что я получил работу. Разрешите позвонить, начальник?

– Разрешаю, – сказал я и подавил короткий смешок. – Уж очень ты не похож на работника. Скорее всего, не он.

– Зовите, как удобнее, но вы для меня теперь начальник. Можно взглянуть на книжечку?

– Возьми.

Он посмотрел внимательно на титульный лист трудовой книжки и, ярко искрясь, вылетел из кабинета. Костя, пришедший с обеда, заметил перемену, произошедшую с помощником, и решил поговорить со мной.

– Что он разогнался? Чуть не сшиб меня!

– Потому что работает впервые. Официально, – объяснил я, не переставая удивляться энергии помощника, который катался по магазину на стуле с колёсиками и кричал воз-

буждённо со слезами на губах: – Как хорошо, как прекрасна жизнь! Почему так весело? Коллеги, давайте ко мне.

– Вы всё же приняли его?

– Ты недоволен.

– Что ж, придётся как-то мириться с вашим выбором. Я не вправе осуждать. Но предупреждаю вас, чтобы он не болтался бесцельно. Кажется, он действительно счастлив. Как погляжу, вы тоже. Улыбаетесь. Когда в последний раз вы улыбались так естественно и просто? – спросил Костя, намекая на присущую мне чрезвычайную серьёзность.

Но то была не моя широкая улыбка. Помощник всего лишь заразил меня безоблачным настроением и верил, что поступая, как вздумается, он поступал порядочно и справедливо. Бесхитростная искренность в его поведении подкупала больше всего.

Глава пятая.

Злополучная тетрадь

Четырнадцатого августа всё шло своим чередом. Нас на полчаса проведаль Костяшкин и купил букет для дочери, у которой состоялась помолвка с добрым и вежливым, по словам довольного Дмитрия, молодым человеком. В приподнятом состоянии он полюбопытствовал, откуда появился новый работник. Заметив, что тот не человек, Костяшкин многозначительно хмыкнул и подозревал Костю, подмигивая мне правым голубовато-синим глазом.

– Уже сдружились?

– Не то, чтобы дружим, – замялся Костя, посмотрел на воодушевлённого помощника, но тут же осмелев, произнёс равнодушно: – Мы вообще не любим друг друга. Он делает свою часть работы, а я свою. Так, пустяк. Уж очень меня не устраивает этот типчик. Мутный.

– Он натворил глупостей? – удивился Костяшкин и крепко сжал ирисы.

– Да так... Ходит всегда весёлым, полным сил.

– Ну, что в этом плохого? Хорошо, когда у человека устанавливается гармония.

– Ничегошеньки плохого нет, – охотно согласился Костя и, как бы между прочим, отметил: – Да вот только эта бод-

рость мешает ему, портит. Пишет много, отвлекается от дел насущных.

– Пишет на рабочем месте? – спросил шокированный подобным обстоятельством Костяшкин.

– Именно, что на рабочем, – сообщил энергично Костя. – Четыре дня назад, как закончился перерыв, я ринулся помогать Владимиру, которому предстояло выполнить большой свадебный заказ. Также я сидел на телефоне и помогал обслуживать других клиентов. К счастью, их было не много. Естественно, мы так забегались, что сперва не заметили, как куда-то делся помощник. Я сразу пошёл искать, в кабинете его не было. Оказалось, что он сидел в подсобке в самом углу за ведром и шваброй и строчил что-то яростно фломастером.

– Дальше... Что было дальше? – не удержался Дмитрий с потемневшим иссиня-чёрным взглядом.

– Он был не с тобой разве? – спросил я, неприятно удивившись подчинённым.

– Был потом. Но не с двух до трёх уж точно. Так вот, я подбежал к нему и грозно так прокричал: «Чем ты тут занимаешься, пока мы батрачим?» Вздрогнув от неожиданности, он захлопнул тетрадь, лежащую на коленях, и попробовал убежать. Я поймал его за плечи, забрал, конечно же, тетрадь, как неопровержимое доказательство того, что он отвлекается на ерунду, и, удерживая за локоть, прочитал, о чём он писал.

– И? Что-то интересное? – спросил Дмитрий.

– Абсолютно ничего, скука смертная. Какие-то простенькие сочинения и, представьте, скверные стишки, которые дети в детском саду постесняются читать. (Это даже не песенка про зелёного кузнечика!) Помощник вырвался, выхватил тетрадь из рук. Он умолял меня не рассказывать об этом никому. И что, я должен терпеть? – вспыхнул Костя.

– Зелёный кузнечик, – изумился Костяшкин. – Он безалаберный, вот и всё!

– Вчера он отвлекался на тетрадь два раза и прямо-таки умолял, чтобы я молчал. Но нет!.. За кого он принимает меня? Он погубит «Летний розмарин», Владимир, вы обязаны на него повлиять. Если не выйдет, то уволить. Пока помощника не было, я мог не переживать. Теперь же я сбиваюсь каждую секунду и проверяю, что он делает. Для вас он прощачок, который развлекает клиентов, а для меня разгильдяй и шут гороховый!

Костя употребил несколько оскорбительных слов и, не постеснявшись Дмитрия, выдал вполне серьёзно и твёрдо:

– Ноги моей не будет в магазине, пока он здесь. Извините, но кто он такой, чтобы менять установленный порядок?

– Работник, – вздохнул Костяшкин глубоко. – Надеюсь, что всё разрешится наилучшим образом. Он неплохой, наверное, просто не привык.

Костя, вероятно надеявшийся на поддержку Дмитрия, сказал жёстко:

– Вы-то надеетесь, потому что не проработали и дня ря-

дом с ним. Ладно, отбирать у человека надежду в нашем мире незаконно. Пожалуй, я пойду. Чего стоять и болтать? – спросил он словно у самого себя.

Дмитрий узнал ради приличия, что у меня нового, а после спешно покинул «Летний розмарин».

Дождавшись закрытия, я вызвал помощника и Костю в кабинет. Они стояли друг напротив друга, совершенно потерянные и напряжённые. Костя, казалось, был готов придушить помощника.

– Номер десять тысяч триста восемьдесят пять, почему мне приходится выслушивать жалобы от твоего коллеги?

– Какие жалобы? – спросил он, точно не понимая, о чём идёт речь. – Костя, что ты сказал?

– Правду. Как ты делал записи в тетради в подсобке. Владимир, а вы знаете, что он не ответил на два звонка, хотя я целиком положился на него? Занятые новички пошли, занятые! – усмехнулся он невесело.

– Дмитрий Костяшкин, наш партнёр, всё слышал. Он добрый и благодушный, но ненавидит тех, кто витает в облаках и уж точно не любит тратить деньги впустую. Не отдашь тетрадь? – потребовал я, значительно повысив голос. – Или мне забрать её у тебя?

Помощник залился краской и потупил глаза. Мучительно запинаясь, но не отдавая тетрадь, он только делал большее самому себе и, в общем-то, зря упрямылся.

– Мне долго ждать?

– Партнёр? Почему он? Для чего сегодня? – воскликнул помощник горько. – Костя, – вымолвил он сдавленно, – зачем же ты меня опозорил? В особенности, перед Владимиром. Специально, да?

– Слушай, мы можем договориться. Я не увольняю тебя. Я буду забирать тетрадь, а после рабочего дня отдавать. Всё же по-честному? И листочка не прочитаю. Костя чересчур погорячился, когда полез в твоё личное дело.

– Вы мне не доверитесь теперь.

– Я дам второй шанс. Исправишься, не вздумаешь отлынивать и сидеть в подсобке с чем-либо другим (тетрадь-то уберу в надёжное местечко) – оправдаешь моё доверие.

Помощник был настолько унижен и раздосадован, что не смог сдержать слёз, опустил виновато голову, а как только поднял, то решительно зашагал прямо на Костю, побагровев уже не от стыда, но от гнева.

– Почему ты так относишься ко мне? Неужели, настолько ненавидишь? Незаслуженно обошёлся со мной, по-свински! Мне страшно, что из-за меня Костяшкин разочаруется в помощниках. Больно, что наши отношения с Владимиром ухудшатся! Не издевайся надо мной. Если так не хочешь, чтобы я работал в «Летнем розмарине», то будет по-твоему. Ухожу, ухожу! Забудьте, что в магазине появлялся стыдливый помощник. Его больше нет! – заявил он мрачно, обжёг меня немигающим взглядом и, наклонившись, прошептал кротко: – Вероятно, вы мой самый первый и самый по-

следний начальник. Жаль, что поработали так мало. Вышло бы нечто удачное с вашим-то чувством справедливости и с моей детской непосредственностью. Тетрадь я не отдам, даже если заставите.

– Совсем необязательно уходить! Не ломай дров.

– Обязательно, – подчеркнул нарочно Костя. – Возвращайся со своими стишками туда, откуда выполз! И бейджик прихвати, а то вдруг захочешь куда-нибудь устроиться снова.

– Видите, – сказал негромко помощник. – Он не любит меня, хотя я был добрым и покладистым. За тетрадь извиняюсь. До свидания.

Глава шестая.

Проклятие пятнадцатого числа

Помощник не возвращался, чтобы расторгнуть договор, и не выходил на связь. Казалось, что он пропал, умер. «Летний розмарин» тонул в унылости, и постоянные клиенты, которым был понятен и полезен работник, откровенно скучали без его серебристого смеха. На меня накатывала необъяснимая грусть.

Кстати, Костя болезненно реагировал на мои вежливые замечания. Иной раз было неуютно оставаться с ним наедине, так как он сразу же вспоминал с гордостью, как, что называется, выбросил своими силами мечтателя вон, и выпячивал грудь колесом.

– Ну, вы же понимаете, что я поступил так, исходя исключительно из наших принципов. Что с вами? Хотите сказать, я не прав? Так скажите в лицо, если вы начальник и владелец магазина!

Он внушал мне, что действовал на благо, но сам толком не верил в то, о чём так настойчиво высказывался. Каждый шаг и каждое слово действовало беспощадно на его нервы. Костя кусал ногти, озирался, если я выходил из кабинета, отворял дверь подсобки и проверял, что находится внутри, и злился на мелочи. Клиенты не трогали его. К сожалению, он совсем

извёлся, и раз подошёл ко мне впервые часов за восемь, не убеждая в свершившейся справедливости.

– Представьте, какая штука вышла, – запнулся он неуверенно и попробовал выговорить слова, дающиеся с большим трудом. – Вы даже не представите, что вышло и каким образом. Вот узнаете всё, будете... посмеёмся над историей и забудем о ней. Верно, у меня отменный юмор. Оцените, Владимир, розыгрыш.

– Какой розыгрыш? – спросил я, утомлённый присутствием Кости. – Ты мне надоел. Настолько, что мне хочется отправить тебя домой!

Он встал напротив кассы, под которой я собирал рассыпавшиеся монеты, и ударил кулаком по столу.

– Расскажу, обо всём расскажу, – затараторил Костя и захохотал беззвучно. – Помощник не писал в тетради на работе. Ходил с тетрадью, но не писал в ней в подсобке фломастером. На звонки отвечал. Это я так, уже по ходу выдумал. Выдумка лишь моя, больше никто не знал о розыгрыше. Он посчитал, что вы поверите мне, а не ему. К тому же, он не хотел моего увольнения, кем бы я ни был. Розыгрыш же придал ему серьёзности в мыслях и действиях. Первый блин всегда комом. Что только не случается забавного и глупого на первой работе? Ха-ха-ха!

Косте удалось ошеломить меня. Я не расслышал человека, зашедшего в магазин, кажется, по чистой случайности, и зашел на пару минут в кабинете, чтобы прийти в себя. Без вспы-

шек гнева и прочих сильных чувств, отравляющих сердце, я осмотрел Костю с головы до пят, когда он зашёл ко мне с робкими извинениями.

– Всё у тебя просто и забавно. Ты только объясни, что хорошего в злых розыгрышах? Ну, ты один посмеялся, молодец. А что дальше? Дальше-то что? Тебе чего не хватало? Помощник ничего не понимал, но подыграл тебе. Как ты искупишь вину перед ним? Ох, что он чувствовал... Безжалостен ты, Костя, безжалостен, словно нет у тебя души.

– Она у меня есть!

– Покажи. Одно название!

– Я не хотел ему зла. Вы понимаете же, – порозовел Костя, пригладив растопыренные волосы. – У меня была причина!

– Что ты хотел?

– Хотел, чтобы он ушёл.

– Мешал он тебе, что ли?

– Очень. Как он появился, вы сразу забыли про меня. Думал, что вы больше не будете учить меня. Есть же для этого новичок! – прокричал Костя и задышал тяжело, как после долгого плавания. – А меня забросили. Я с самого начала предполагал, что останусь середнячком, ни флористом, ни его помощником.

– Ты и впрямь мало получаешь.

– Что вы! – вскочил Костя мгновенно и захлопал носом. – Я не про деньги. Деньги мне нужны, но не очень. Меня другое волнует. Волнуете вы.

Догадавшись, в чём дело, мне стало жалко Костю и одновременно с этим немножко грустно и смешно. Он окончательно оробел, ужаснулся от того, что с ним творилось на самом деле, и отвёл в сторону мутные смущённые глаза, из которых капали слёзы.

– Верно говорил помощник, что ты ревнуешь. Ты как большой ребёнок, требующий внимания, – сказал я, чувствуя, как отступает злость. – Нельзя таким быть, Костя. Будешь клеветать на людей и останешься совсем один.

– Ничего не могу поделать.

– Исправляться надо. Бороться с комплексом. Сходи к психологу, он поможет тебе разобраться.

– Не пойду. Я ему не откроюсь.

– Если не хочешь, то и не надо. Я не заставляю. К помощнику всё же сходи.

– Как раз собирался. Завтра.

– Сегодня.

– Ни в коем случае! У меня, как это... расстройство. Да! Оно самое, – простонал Костя. – Нельзя переживать. Сниму стресс за вечер и с новыми силами пойду к нему.

– Сегодня я схожу. Но ты давай, не страдай больше, чем есть на самом деле, – погрозил я строго пальцем. – Всё же ты нарушитель спокойствия, так что потрудишься прилично. И не доводи ни себя, ни меня, ни помощника. Если что-то не понравится, обращайся, как всегда.

– Хорошо, – откликнулся живо Костя и, вытирая слёзы и

оглядываясь тоскливо, вышел медленно из кабинета.

В тридцать две минуты десятого я постучал в дверь Пустыркиных. Дверь отворил растерянный и помятый помощник. Сонечка в мешковатой пижаме с динозаврами выглядывала из-за его спины, хитро щурясь, и не переставала ослепительно улыбаться. Она спросила сонным голоском:

– Вы к нам снова в гости?

– Снова.

– Соскучились по нас? – пролепетала она мило. – Мамы с папой нет дома.

– Я не к ним, а к нему.

– Вы с его новой работы? Кажется, начальник! Вот, оказывается, какой вы. В прошлый раз были просто кем-то.

– Впустишь? – спросил я Сонечку, наклонившись, заметно взволнованный встречей с помощником.

– Впущу, конечно же!

Девочка отошла к пластиковой подставке под обувь. Помощник ласково спутал её непослушные кудри и приказал идти спать.

– Как же Володя? – спросила Сонечка разочарованно и окинула меня непонимающим взглядом.

– Не называй его так. Так ко взрослым не обращаются, – сказал помощник. – Он Владимир Беркутов.

– Володя, Владимир, да какая разница? – совсем развеселилась девочка и показала язык. – Спать не хочу! Буду бегать по комнате или строить домики из книжек!

– Не в мою смену, – ответил помощник, не готовый мириться с капризами Сонечки. – Ну-ка, марш спать!

– Нетушки.

– Ах, кое-кто не получит вкусностей! Я бы дал тебе что-нибудь сладкое, что ты по-настоящему любишь, – проговорил он лукаво. – С верхней полки.

Её глаза сразу засверкали голодным жадным блеском.

– Можно?

– Если осторожно.

– Вы не пожалуетесь маме? – доверительно обратилась ко мне Сонечка. – Она следит за тем, что я ем.

– О, за какое чудовище ты меня принимаешь? Не пожалуюсь.

Помощник отвёл девочку в кухню, дал ей три конфеты с кокосовой начинкой, эклер со сгущёнкой и налил кружку несладкого шиповникового чая. После отвёл в постель и, оставив зажжённой фигурную свечу в виде барана, от которого исходил пряный аромат, прошёл со мной размеренным шагом в комнату и с удовольствием плюхнулся на расстеленную кровать.

– Ей запрещено кушать на ночь, потому что у неё есть лишний вес и небольшие проблемы с сердцем. Скажу, что сладкое попробовал я. На крайний случай, объясню, что угостил вас.

– Где Пустыркины?

– А, да так, у Василия неполадки на работе. Анна поехала

к нему. Через час должны приехать. Зачем пришли?

Он положил голову на подушку и сделал вид, будто нечаянно задремал. Заворочался тревожно, когда я не ответил, жалобно замычал:

– Вы хотите меня вернуть? Я не вернусь, – напомнил помощник. – Не догадываетесь ни о чём? Костя обманул вас, а меня подставил.

– Сказал уже... удосужился.

– Ха-ха-ха. Да ну?

Помощник метнулся ко мне, засуетился вокруг кресла, привставая на носочки. Неглубокий сон его как рукой сняло.

– С какой стати так быстро? – издал он недоверчивый возглас.

– Совесть грызла.

– Представляю даже, как именно. Вы, наверное, не давали ему передышки. Он не выдержал вашего давления. Какая совесть? Это не про него.

– Наоборот. Видел бы ты, как он переживал... Впрочем, все мы переживали. Ты до сих пор работник «Летнего розмарина». Если не идёшь из-за Кости, то не беспокойся. Он попросит прощения.

– Вы его надоумили?

– Сам.

– Так уж и сам? Даже если это правда, я не приду.

– Но...

– Противно. Мне будет противно и тяжело!

– Мне что, уговаривать тебя надо?

– Попробуете уговорить, но не сумеете. Я всё равно не вернусь! И точка, – сказал он глухо, точно нехотя, услышал тягучий тихий скрип и почувствовал странную вонь. – Что такое? Сонечка проснулась, – догадался помощник и метнулся в коридор, когда раздался испуганный крик.

Возле тумбы валялась перевёрнутая свеча. Огонь, пылая, жёг ковёр и медвежонка, у которого плавилась крупная безносовая морда. Сонечка, разинув рот, плакала беззвучно с вытаращенными глазами и сжималась в комочек. Вдруг она протянула трясущиеся от страха ручки к помощнику, и он резко оправился от растерянности, вызвал пожарных и, намочив покрывало в ванной, накинул его на разгорающееся пламя, больно обжигая пальцы. Клубы серого дыма заволокли комнату. Громкий кашель, треск и топот раскалывали горячий зловонный воздух. Серели отчего-то фотографии за стёклами, отливающими рыже-красным цветом. Огонь потушить собственноручно нельзя было никак. Вот он перелез через кровать, зажглось сиреневое одеяло, загорелась подушка. Язычки пламени полизали ручки и выдвижные ящики, уцепились отчаянно за стену с картинкой, нарисованной бело-синим пластилином, взметнулись резко наверх. Слезы покатались втрое быстрее.

– Документы! – побагровел помощник.

– Где?..

– Заберите их из гостиной!

– Так где они?

– Они в тумбе, рядом с сервантом. Слышите меня?

Пробился неслыханным чудом голос, прогремел мощно. Сонечка уже не плакала, а тонко визжала. Забившись в угол, девочка скребла тупо ногтем клочок отходящих обоев.

– Мама, почему ты не приехала? – бормотала Сонечка. – Забери меня. Домой хочу, домой!

– Подождите!.. – остановил меня помощник. – Деньги там же, – вспомнил он вовремя. – Не забудьте. И уходите, пока не сгорели заживо. Я не справлюсь, – закашлял тяжело помощник и положил бледную ладонь на моё плечо. – Только помогите немного. Совсем немного, – попросил он умоляющим тоном и содрогнулся от усиливающегося жара за спиной.

– Помогу.

Со слезящимися глазами я добежал до гостиной, прихватил паспорта, деньги. Вынесся на заплёванную лестничную площадку, вскричал: «Пожар!» Соседи ожили, задвигались возбуждённо, неуклюже и высыпали на улицу в ночных рубашках, штанах и платьях вместе со мной, взъерошенным, мокрым от пота и взволнованным необычайно. Толпа глазела на окна, бурлила и причитала всякое. В основном, что-то обыкновенное и что-то своё.

– Это в какой квартирке огонь?

– А, предупредить Таньку надо! Что она там не шевелится?

– Сколько их ждать? Спать хочется.

– Не едут.

– Отчего телятся!

– Проклятие! – завывала бабка с кошкой и уставилась на меня с бессмысленным любопытством. – Ты устроил пожар?

– Нет.

– У Пустыркиных человекоподобный живёт. Почему он не вышел? Я-то на кухне стояла, в окошечко смотрела, как всё происходило. Анька поехала к своему, а Соня осталась с этим дома. Что ты сделал с ребёнком? – спросила она грозно. – Они, может быть, неплохие, но им не везёт чертовски. Ты зачем лезешь к ним? Неужели не трусишь? Ненормальный!

Бабка болтала без умолку, лаская урчащую кошку с полуманными усами.

– Не лезу я к ним. Помощник – мой работник. Я ходил сегодня к нему, чтобы решить кое-какие рабочие вопросы.

К тому времени, как приехали Пустыркины, пожарные уже принялись тушить пожар. С шумом плеснула вода из трубопровода, тугой струёй хлынула в подобие кострища. На людей обрушилась мутная волна гари, ударил в ноздри жаркий запах угольков.

Хороших новостей долго не следовало. Вся побледневшая Анна лежала на скамье, кто-то дал ей понюхать нашатырь. Она сразу же пришла в себя, хриплым беспокойным голосом спросила Василия, растянув тонкие сухие губы:

– Что с моей Сонечкой?.. Она до сих пор там?

– Всё хорошо, скоро, – утешал её муж, пуская руку в блёклые волосы, и глядел в раскрытое окно, откуда валил побелевший дым.

– Что, если нет?

– Ты не говори так. Её спасут.

– Хоть бы спасли! Хоть бы!

Василий подошёл ко мне, чуть ли не упав от давящей слабости, и жадно закурил. Я даже не мог представить, насколько ему было тревожно.

– Ну?

– А, вот, что успел прихватить. – Я передал ему последние семейные ценности.

– Это он попросил?

– Вы имеете в виду помощника? Да, это был он.

– Почему он не выбежал вместе с тобой? – спросил Василий, смотря сквозь меня. У него крупно тряслись пальцы. – Помереть хотел, что ли?

– Не мог оставить Сонечку.

– Дурак, полный дурак, – заругался Василий, бросил сигарету и обхватил крепко голову обеими руками.

– Вы про кого?

– Про себя, конечно. Я ведь подумал, что большие проблемы с машиной и есть действие проклятия. Представь, обрадовался даже тому, что дома полный порядок. Чуть ли не пляску устроил на капоте, сказал Ане, чтобы зазря не тряслась. А тут на тебе!.. Скажи, что случилось на самом деле?

Отчего пожар?

– Всё из-за свечи. Вероятно, Сонечка хотела её потушить и нечаянно задела.

Он несколько не удивился. Закричал на бабуку, когда она в очередной раз яростно напирала на него, испугал дремлющую кошка. Та расцарапала хозяйке щёку и, пролетев несколько метров, прыгнула в шуршащий куст за мышью. Качнулся гибкий хвост, хлестнул по трепещущим листьям.

Толпа загудела, с шёпотом покосилась хмуро и боязливо на Пустыркиных. Анна вскочила со скамьи, пошатнулась и упала Василию на грудь, плача надрывно. Мне и самому хотелось плакать, но не было сил.

– Спасибо вам.

– Да за что?

– Послушались помощника, остались с нами.

– За такое спасибо не говорят. Это обычное дело, – ответил я, не задумываясь.

– Но вы не убежали так, что пятки сверкают. На вашем месте многие бы даже их, – Анна показала на документы, – не забрали, потому что ни при чём.

– Смотрите-ка, лестницу поднимают!

– Да... Ну где же, где они? – заволновалась Анна и быстро отвлеклась от меня. Слезы благодарности всё ещё наворачивались у неё на глаза.

Мгновение длилось, как целый час. Ещё одно, и из окна навстречу пожарным выполз помощник с опаленной шеве-

люрой. Он был густо перемазан в саже. Белки глаз сверкали победно. Довольный и внешне совершенно беззаботный, он беспрерывно щебетал, тыкал пальцем куда-то в чернеющее небо, будто стараясь объяснить людям, какой урок только что усвоил. Его явно никто не понимал. На руках помощника, стиснув кулачки, хныкала беспомощно Сонечка, укрытая плотным жилетом, и вопила:

– Мама! Мамочка!

Глава седьмая.

Неоднозначное решение

Сонечка отделалась испугом и в отличие от своего спасителя, пролежавшего шесть дней в больнице, предназначенной только для помощников, не обгорела. Неделю она не отходила ни на шаг от матери, тихонько расспрашивала отца, куда делся медвежонок, и рыдала бурно. Сорок пятая квартира, к сожалению, была полностью уничтожена.

Пустыркины, пересчитав деньги, прописались в запущенной комнате в коммуналке с семьёй Улиткиных. Впоследствии здорово сдружились с ними, а перед этим позвали меня, чтобы обсудить одну нерешённую проблему, которая их сильно тревожила.

В кухне, пахнувшей жиром и варёным мясом, толкались дети, мигала беспрерывно лампочка, копошились мухи. Василий, хлебая куриный бульон, ломал хлеб на крупные серые куски. Отогнав от лица комара, залетевшего в форточку, он спросил, смущённо улыбаясь:

– У тебя нету свободного места?

– А что? Хотите ко мне переселиться? Домик у нас большой. Боюсь, Дарья Сергеевна не пустит.

– Не переселимся, не надо, – пробормотал Василий и набил рот хлебом. Прожевав, добавил слишком серьёзно: – Ре-

бёнок ведь у нас есть. Скоро школа, покупать рюкзак, тетради, пенал, туфли, юбку с блузкой придётся. Половина зарплаты уйдёт на сборы. Бесплатное-то образование бесплатно на словах.

– И?

– В общем, ты видишь, как нам живётся. Не сказать, чтобы ужасно, грех жаловаться, но почти на всё денег не хватает. Аня тут предложила продать помощника, так как он теперь нам обуза. Я в любой другой ситуации, естественно, не продал бы его. Он ходил к тебе в магазин, вроде бы, работал, но толку в этом мало. Если бы мы продали его на какое-то время, не навсегда, а потом, как переменится положение, вернули в семью, то он, наверное, понял бы нас. Сонечке страшно отдавать его в чужие руки. Она не хочет, чтобы помощника обижали. Я тоже не хочу. Поэтому я спросил тебя, есть ли свободное место. Не мог бы ты взять помощника к себе, например? Понимаю, понимаю... не можешь. Но ты подумай!.. – повысил неуверенный тон Василий и, оставив тарелку с бульоном, отряхнулся от липких крошек. – Мы не навязываемся, если так считаешь. Ты единственный, кому я могу доверить помощника, вижу, между вами есть какая-то связь.

– О чём вы? Мы едва знакомы, на самом-то деле.

– Не спорь, не спорь, – попросил настоятельно Василий и съел кусочек подтаявшего масла. – Он привязался к тебе, будто ты его первый в мире хозяин, а не начальник. Что-то

чувствует к тебе он, что-то очень хорошее.

– Помощник так со всеми, – возразил я решительно. – Он ко всем чувствует только хорошее. Создан таким.

– Не-е-ет, – протянул Василий, зажмурился, вспоминая нечто лихорадочно. – Не со всеми. Он тебя когда-нибудь точно восхитит, иголки-то покажет. Ну, заберёшь его?

– Заберу, если иголки не очень острые. Дайте два денька на подумать.

– Ладно, решайся, – согласился Василий и, подзвав Анну, успокоил её ласковым словом.

Она хлопнула весело в розово-жёлтые ладоши, вынула из холодильника пластиковый контейнер и открыла селёдку с луком. Дети столпились вокруг стола и заканючили жалобно рыбу. Извозились все в масле с укропом и, облизав перепачканные пальцы, побежали к раковине пенить руки в жидком ромашковом мыле. После подпустили к раковине и меня, обрызгали шаловливо пахучей водой, надули парочку мелких пузырей.

С помощником я давно не разговаривал. Он вышел за мной на улицу, остановил, легонько ущипнув за локоть.

– Как вы?

– Ничего. Так себе.

– Владимир, не злитесь на меня. Вы и впрямь злитесь? Но за что? – спросил помощник, перекривился, собирая слёзы широченным рукавом. – Кажется, есть много поводов.

– Не злюсь. С чего взял? Я горжусь тобой, как никогда

никем не гордился!

– Вы-то?

– Удивлён?

Он просиял, повис на моей шее и залепетал обычным своим мальчишеским голосом:

– Не знали, что приходил Костя? Он извинился, и я его простил. Объясните, что с вами не так.

– Да не души, отпусти! Вот так, дай отдышаться... Пустыркины мне кое-что предложили. Ни разу не догадаешься, что же.

– Но у них ничего нет, – сказал растерянно помощник.

– Забыл, что у них есть ты? Я предупреждаю сейчас, чтобы ты был готов переехать ко мне. Переедешь или нет?

– Думаю, у меня нет выбора. Если так будет удобнее всем, то перееду. Но для чего? Я настолько мешаюсь у них под ногами? Нет, это же не причина! Всё упирается в деньги, Владимир, мне ясно, что деньги ставят во главу угла. Пообещайте только, что вернёте Пустыркиным, когда они разбогатеют. Я уже тоскую без них, словно уехал на край света.

– Верну в целости и сохранности, – пообещал я под ярким фонарём.

Он махнул ладонью на прощание и скрылся в подъезде.

В среду, как я определился с выбором, Василий подал заявку на переоформление прав на помощника. Она рассматривалась в течение пяти рабочих дней. После того, как заявка была удовлетворена, мы приехали в многофункциональ-

ный центр. Помощник подтвердил, что ни я, ни Василий не принуждаем его расписываться в предоставленном ему стандартном бланке, и он полностью готов к тому, чтобы стать моей собственностью. В договоре были прописаны условия, которые я должен был строго выполнять; насчитывалось не менее пятнадцати пунктов, предусмотренных и для помощника, главной обязанностью которого являлось преданное, самоотверженное (и не смотря ни на что, всё же добровольное, если так правильно выразиться!) служение хозяину. Я допустил мысль, что он товар, но говорящий, живой.

– Где его браслет?

Василий подписал соглашение в полупрозрачной кабинке, стены которой прекрасно пропускали звуки, и ответил за уже официально чужого ему помощника:

– Проворонил браслетик-то. Вот досада! Ну, это не страшно, я прав?

– Жаль, конечно, что потерял. Владимир Беркутов, вы всё же купите новый, заказной. Если вы много времени проводите вне дома, специалист порекомендует браслет со встроенной функцией, с помощью которой вам легко удастся определить местоположение помощника.

– Он ему ни к чему.

– Ни к чему! – изумилась подслушивавшая девушка с проколотым носом. – А понимать? Вы их понимаете вот так, сходно? Они же, – понизила она голос до шёпота, – другие.

Василий, сердясь, крутанул у виска, и замахал папкой.

– Думай, что болтаешь. Брысь!

– Вы не бросайтесь, если не понимаете так, как понимает этот мужчина. – Она указала некрасиво пальцем на меня. – Мой бы давно загнулся. Знаете, как оно бывает, забегаешься как белка в колесе, не покормишь помощника, не погуляешь с ним, не отведёшь на консультацию. Он хворает бедненький, мучается чего-то, сам не понимает чего, а ты гадаешь. Вот тут-то и пригождается браслет. Глядишь, горит коричневым, значит, тоскует без дела, даёшь ему работы, да побольше, чтоб на неделю хватило!

Помощник слушал очень внимательно. Он повернул голову, улыбнулся ласково и вдруг сказал жёстко:

– А помощник, с которым вы обходитесь, как с домашним питомцем, явно думает про вас точно также. Не ложитесь сегодня спать, проверьте, чем он занимается ночью, – намекнул он с лёгкой усмешкой. – Кидает ли в стену браслет, который натирает запястье до крови, или разрабатывает план побега. Брысь! – повторил он громко, в точности, как Василий. – Пока я терпелив с вами, но это ненадолго.

Девушка обратилась ко мне с искренним возмущением:

– Угмоните своего помощника! Чего он встрял? Я не просила.

– Он не мой помощник, а свой собственный, – сказал я, как в старом известном мультфильме. – Это вы дали ему повод. Сами виноваты.

Она тотчас закипела и, растолкав толпу, выплеснула гнев

на ни в чём неповинную бабушку с увесистой тростью.

– Вот бы она ею ударила девку, – оскалился Василий. – Как по мне, только так научится манерам. Дура!

– Ну, тише, тише, – обнял его крепко за плечи помощник. – Вы не психуйте, а то быстрее состаритесь. Без презрения в зеркало не посмотритесь. И презрение не от того, что погубили красоту, а из-за испорченных по глупости нервов, испорченного здоровья.

– Да, сейчас я в самом расцвете сил, – согласился Василий и вмиг обмяк на мягком стуле. – Ну, идёмте! – подскочил он бодро. – Душно. Не люблю жару.

Глава восьмая.

Первый помощник в доме на холме

Пустыркины умудрились собрать маленький, но тяжёлый чемоданчик для помощника. Они проводили его без лишних слов и без слёз и пообещали, что будут писать письма на электронную почту, звонить два раза в день. В машине помощник робко заикнулся о сахарном мармеладе, переданном Анной, достал из кармана с десяток сладких кубиков и охотно поделился ими со мной. Он проводил нежным взглядом Сонечку, одарил её напоследок воздушным поцелуем.

Помню, как я назвал их семьёй и окончательно растрогался. Я мучился от слабости в салоне, но не включал кондиционер, почти не шевелился. Зато помощник крутился постоянно и припадал щекой к стеклу, оставляя размытые отпечатки. Вот он приплюснул нос, повеселел заметно. Засветился, как солнышко, пронзил меня золотистым лучом, идущим от сердца, и застонал:

– Когда приедем?

– Скоро.

– Дарья Сергеевна знает?

– Я говорил с ней. Она не горит желанием увидеться с тобой.

– Ничего. Я попробую ей понравиться, – решил помощ-

ник, повернулся ко мне абсолютно счастливый, чистый. Очень мне понравился.

– Раньше ты меня звал начальником? Теперь как?

– Как? – спросил он, вылупившись тупо.

– Хозяином?

– Владимиром, раз уж на то пошло.

– Хочу, чтобы звал хозяином.

– Никак!

Помощник упрямо выпятил губы, над его скулами выступил слабый румянец. Он коротко объяснил, что звать человека из семьи хозяином неуместно и грубо, что лучше всего называть по имени или придумать прозвище, которое бы звучало одновременно смешно и ласково. Я думал, думал, но отказался от затеи, связанной с прозвищем.

– По имени зови.

– Хорошо.

Помощник зевнул скучно, подперев голову рукой, и тут же закричал восторженно, тыкая пальцем в небо, где взмывала стая птиц. Они покружили плавно над соснами, трепеща крыльями, и полетели прямиком к зелёно-жёлтому холму, спрятались за верхушками деревьев, став незаметными даже для самого внимательно и зоркого наблюдателя.

Шуршала осень. Обдавала своим дыханием, красила кистью лес, срывала листья, обнажая коричневые узловатые ветви. И чувствовалась дождевая сырость и мягкая прохлада.

Помощник слегка приутих. У дома он забрал чемодан и, вбежав на крыльцо, закачался весело в кресле, но подпрыгнул, когда скрипнула дверь. Поклонившись скромно Дарье Сергеевной, вышедшей на дневную прогулку, он вскоре забежал в дом и поставил чемодан у дивана в гостиной. Помощник выбрал самую большую кисть, по всей видимости, из колонка и окунул её в розовый акрил. Он клал небрежные мазки на чистый холст, стоящий у входа в кухню, прикладывал палец к подбородку и поворачивался к нам. Дарья Сергеевна ожидала от него подвоха.

– Не смотри на картины! Ты не у себя, – выпалила она. – А то не продам ничего.

– Продадите. Вы не маратель какой-нибудь.

– У тебя взгляд недобрый, задумчивый слишком. Уж если промелькнёт мысль о том, что я плохо пишу, то именно так и будет.

– Ну, не волнуйся, – успокоил я Дарью Сергеевну и ласково поправил её старый платок. – Он, оказывается, любит рисовать. Неужели не поделишься тюбиками? (Будто с едой для космонавтов, кремом для тела или зубной пастой!) Не деритесь, как дети. В угол поставлю. Углов-то много, хватит на всех.

– Хватит, но он бездарность. Куда он мажет? Посмотри! Посмотри! – изумилась она, взмахнув сухими ладонями.

– Я так вижу, – подал голос помощник. – И прекрасно соображаю, что у меня выходит... Может, вы научите меня ри-

сованию? Хм. Какая красивая рысь в снегу! – Он указывал на картину, написанную Дарьей Сергеевной ещё в молодости, и обтирался влажной тряпочкой от засохшей краски. – Вот, здесь лежит картон. Берите и показывайте, если не нравится моё творчество.

– О, ты так уверен!

– Твёрдо.

– Не напишешь также, даю слово.

– Больно надо, – беззлобно откликнулся он и оставил кисть на столе.

Комната, подготовленная для помощника, находилась на втором этаже, напротив комнаты Дарьи Сергеевны и была почти пуста. (Одна кровать, один письменный стол с мощными ногами, стул, естественно, громоздкий шкаф с резными дверцами и матовая люстра.) Помощник пожаловался горько, что его не поселили с удобством, и, разложив вещички на кровати, предложил мне сесть рядом. Он ожидал точных указаний, вертел головой в сторону занавешенного окна, изнемогая от скуки, и ныл, разминая затёкшую шею.

– У вас есть список?

– Какой?

– Список дел. Что же ещё? Раз уж в магазин я не собираюсь, то присмотрю за домом. Вы напишите на листике и отдайте его мне.

– Чтобы мне такого придумать, помощничек... Допустим. Получишь листок. Тебе какого размера?

– Самого обычного. Не смешно.

– Не смешно. Ты не балуйся с Дашей. Она ведь серьёзно относится к тому, что ты говоришь.

– А кто тут не серьёзен? Я что ли? Мы повеселимся, – сказал помощник. – Серьёзно повеселимся.

– Определённо, она умеет веселиться.

За ужином Дарья Сергеевна хвалилась талантом и кормила помощника раменом и самодельным сухарями. Сухари были жёсткими и приторными от сиропа, но она хрустела с удовольствием и облизывалась. Подливала чай, звякала глубокой чашкой без расписного блюдца, а наевшись от пуза, вытерла мясистые губы, разыкалась и прикорнула тут же. Я вытащил желтоватую бумажку в клетку, протянул её помощнику.

– Длинный список, – обронил он негромко и шёпотом добавил лукаво: – За день не управлюсь. Так-с, что вы мне предлагаете? А? За какие услуги приходится жить в комнатухе с бледными цветочками?

Помощник зачитал с выражением, не скрывая широкой улыбки:

– Во-первых, убери страшные фигуры, которые находятся позади дома. (Забрось их в подвал, дальше я разберусь с ними.) Во-вторых, проведи влажную уборку. Ведро возьми под ванной, там же тряпку и чистящее средство, – остановился он, хитро прищурившись. – Как вы без меня ещё не задохнулись-то в пыли, бедолаги? Кхм... В-третьих, по-

чини ножку кухонного стола (инструменты в тумбе, в гостиной, где стоит глиняная свистулька и позолоченная ко-пилка). В-четвёртых, засыпь колодец. В-пятых, избавься от дерева растущего перед домом. Оно неизвестно откуда появилось и мешает парковаться! Постскриптум, знаешь-ка, не срубай лиственницу. Я уже так привык к ней, так она понравилась! Мы с ней любим друг друга, потому что она не тревожит меня. Я её тоже. В общем, даже не бери топорик, не дай бог поранишься. Пост постскриптум, может, как-нибудь выстираешь плед Дарьи Сергеевны? Он такой же чумазый, как Дарья Сергеевна, и тонкий. Стирай вручную!

– Ну и что?

– Вам бы от забывчивости таблеточки пропить, – сказал помощник. – Как-то Анна заболела, и мы не предполагали, что с ней делать. Пошла она к доктору, бестактному доктору, не жалевшему своих пациентов. Он обвинил её в том, что она часто переутомляется и не спит по ночам, как спят здоровые люди. Но, впрочем, прописал хорошее лекарство. Анна про-пила таблеточки и вновь стала бодрой и свежей. Познакоми-лись вы бы с нею тогда и увидели, как она изменилась.

– Это из-за постскриптума?

– Причём он? Другое дело пост постскриптум!

– Пустыркина болезненная женщина... Она не плохая, просто мягкая по характеру.

– Ой, и не говорите. Наверное, смерть сестры повлияла. – Помощник коротко всхлипнул и промокнул салфеткой ли-

цо. – Вот теперь представьте, как мне будет жалко, если и с вами беда приключится. Вы же ничего не скроете от меня? Вы мне доверяете, как самому себе?

На тот момент я не хранил тайн, но промолчал, так как не был уверен в ответе. Помощник взгрустнул, но через минуту вновь заметно оживился, когда я позвал его сыграть в домино.

– Костяшки? Вы бы ещё предложили шарады разгадать, – пристыдил он меня и напомнил почему-то радостно: – В самом деле, старик! Вы знаете, что есть компьютеры, игры с потрясающим сюжетом и красивой графикой? Мне как-то Сонечка сказала, что будет создавать компьютерные игры. Лучше уж компьютерные, чем настольные.

Глава девятая.

Имя

Лиственница молча собирала пыль косматой головой.

На залитом светом крыльце, под стрекот несмолкающих насекомых, помощник, поддразнивая меня, выкладывал кости на столике и качался в кресле. Оно противно стонало, отвлекало нарочно от игры. Всякий раз, когда я просил помощника успокоиться, он предлагал обратить внимание на травяных сверчков или совсем не тратить силы на пустяки.

– Как же надоело, что ты помощник! – неожиданно выдал я сам для себя вслух и взял кость из резерва.

– Я не могу быть кем-то другим, – улыбнулся он виновато.

– Ты не понял.

– А что?

– Вот меня зовут Владимиром, например, и мне приятно, когда меня окликают по имени. Но что насчёт тебя? Почему вам, помощникам, не дают имена?

Я затронул болезненную для него тему, но не пожалел о том, что спросил. Долго мне не давали покоя гнетущие воспоминания, и до сих пор смешила встреча с девушкой, которая находила речь помощников неясной и странной и потому (может, были и другие, более личные причины) не проявляла заботу к своему помощнику.

– Создатель считает, что так люди быстрее привязываются к нам. Я с ним не согласен. Нельзя привязаться, дав имя. Я же не пошёл за кошкой соседки сверху только потому, что прозвал её Чёртовой лентяйкой. И она даже не мяукнула, хотя должна была подать знак, – обиженно пробормотал помощник. Он пропустил ход, так как ему было нечем ходить, и продолжил говорить, не скрывая неприязни: – В меня тычут пальцем, спрашивают о браслетике, как ненормальные. Я не люблю его не потому, что он сдавливает руку (хотя, из-за этого тоже), а потому что он делает из меня бездушную марионетку, которая не имеет права чувствовать свободу. А мне так охота летать! Взмахнуть крыльями и унести в небо. О, было бы здорово!

– Мы ошибаемся. Прости.

– Вы не виноваты. Таково наше бремя, наверное, – нахмурился он сердито. – Я не могу его сбросить. Некому облегчить мою ношу. Знаете, один глупый мудрец как-то ляпнул, что помощники не умеют любить. (Думаю, он не имел в виду любовь к семье, хозяину, хобби или к жизни.) Кто его надумил на такую чушь? Всё ложь, неправда! Любим, ещё как любим! И я докажу, когда полюблю.

– Ты не любил ни разу?

– Нет. Вы объясните, что значит любить? – спросил он, слегка смутившись. – Я видел, как любят друг друга Анна с Василием. Они уже немолоды, но их любовь по-прежнему глубокая и сильная. Василий иногда долго смотрит на Анну,

щиплет её за бок и хихикает. Готовит, когда она болеет или ходит за лекарствами и целует очень-очень легко в лоб, чтобы ободрить. Если надо, нянчится с Сонечкой, когда Анна засиживается допоздна в продуктовом.

– Тут ты не по адресу, дружище.

– У вас была несчастная любовь! – представил помощник, сочувственно промолвив: – Трагедия...

– Первая любовь не всегда несчастная, если ты об этом. У меня вообще не было несчастной, – признался я скромно. – Просто мне не интересно, я плохой советчик и объясняю туманно, не полагаюсь на опыт, а на образы, зачастую расплывчатые.

– Уверяю, что вы прекрасно рассказываете. Что такое любовь, Владимир?

– Если кратко, то всё! Банально, но верно... Ничего в мире не происходит без любви, не создаются творения, и города не строятся. Если полюбишь по-настоящему (не отдавайся бессмысленным мимолётным увлечениям), то почувствуешь сразу же уютное тепло. Куда бы ни пошёл, она последует за тобой, раскроет потенциал. Ты примешь свой талант, начнёшь развивать его, будешь готовым к исполнению мечты. Она творит чудо, когда сковывает безнадёга, делает крепким, если искажается реальность, поднимает с колен и оправляет после падения, заживляя раны. Думается, ты многое теряешь. Может, самого себя? Кто знает, кто знает... Есть кто на примете?

Помощник дёрнулся, будто его током ударило, и, сжав крепче костяшку, рассмеялся в лицо натянуто. Наступила моя очередь брать кость из резерва.

– Не дурите, кого я сейчас найду? Не ходить же по улицам и присматриваться ко всем. То-то же, бред.

– А полюбить кого хочешь? Помощника... или человека?

– Без разницы, если он добр и честен со мной. Цвет же кожи, возраст, причёска, вера или пол не значат абсолютно ничего, если царит добро и справедливость. Важно проявлять гуманность (не путайте с терпимостью, доведённой до абсурда) в ней наше спасение, – возбудился помощник и воскликнул пылко: – Да, это настоящая любовь! А любовь есть принятие.

– Но что, если человек, в которого ты влюбишься, на самом деле презирает помощников или просто не хочет иметь с ними ничего общего?

– Не представляю, как я бы изменил его отношение к нам. В любом случае ему повезёт, потому что я не отступлю и не оставлю его в покое. Уж вы-то знаете, что я могу быть очень убедительным и надоедливym... Ладно, что мы о сложном болтаем?

– Оно не сложное, а жизненное.

– Допустим. Хватит! А то расстрою ненароком и вас, и будем вместе плакать над тем, что нельзя изменить.

– Ты от меня ни слезинки не дождёшься. Когда-нибудь говорил с создателем?

– Никогда. И для чего? Что бы я сказал, когда встретился с ним взглядом? Кстати, перед тем, как меня забрали Пустыркины, мы не виделись больше пяти дней. Подозреваю, что мы совсем его доконали.

– Ты победил, – перебил я помощника мягко.

– Уже?

– Набрал сто очков. Мы ведь до ста договаривались?

– Конечно.

Он качнулся ещё разок в кресле, скинул тёплое одеяло, в котором был укутан и, задрожав, покрылся мурашками. Запрыгав резво, чтобы согреться, он подул на руки, затёр их яростно и, наконец, произнёс:

– Собирайте домино и пойдёмте в дом. Холодно-то как!

– Это от усталости бывает. Знобит?

– Сильно.

– Что ж ты раньше не сказал? – спросил я, недовольно убирая костяшки со столика. – Поздно.

– Мне понравилось играть, – прошептал помощник восторженно. – Вы слушали, что я говорю... Спасибо. – Он поклонился мне, как при нашей первой встрече и скрылся за дверью.

Я поспешил нагнать его на лестнице. Он споткнулся от усталости и, потянувшись навстречу, потрепал меня шутливо по щеке, отчего она заметно порозовела.

– Какая пухлая. Много сладкого едите, как Сонечка, растолстеете так скоро. Что ещё? – спросил взволнованный по-

МОЩНИК.

– Я дам тебе имя.

– Так и знал, что этим всё закончится!

– Ты ждал?

– Я догадывался, что вы затеяли разговор не просто так.

Ну, какое же моё имя, какое? – торопливо заговорил помощник, теребя расстёгнутый рукав.

– Ты теперь Кеша. И никакого номера! Всех, кто продолжит звать тебя помощником, я предупрежу, что у тебя есть имя.

– Кеша... – вымолвил он потрясённо, едва слышно.

– Оно тебе подходит. Ты сердечен, мягок и невинен, как мне кажется.

Он был испуган и не верил мне, всё ждал какого-то подвоха. Ущипнул себя крепко за бедро, вскрикнул коротко и слабо, но вместе с тем счастливо. С губ его сорвался ликующий, уверенный возглас:

– Кеша! Я Кеша!

Взамен он пообещал выполнить за день все дела, которые значились в списке, и, нелепо пританцовывая, разбудил топотом Дарью Сергеевну, уснувшую в гостиной. Она босиком подбежала рысью к ступеням и заворчала:

– Что вам не спится? А? Дурачьё! Совсем не уважаете меня. Володя, ну у тебя-то должна быть голова на плечах!

Кеша на радостях порывисто обнял Дарью Сергеевну, нагнулся к её лицу и поцеловал небрежно и горячо в губы. Она

тотчас же проснулась, широко раскрыла выцветшие глаза.

– Ну, не мусоль, не мусоль меня! – покраснела Дарья Сергеевна. – Совсем ополоумел! Ты чего смеёшься? Думаешь это весело, когда не дают спать и целуют противными мокрыми губами? Тогда у меня для тебя плохие новости.

Кеша ничего не думал. Он хотел смеяться до упаду и неустанно повторять своё имя, которое искренне и безоговорочно любил.

Глава десятая.

Под досками

В воскресенье Кеша взялся за колодец. Работал он добросовестно, с каким-то отчаянным рвением. За отдыхом обтирал лицо и шею запачканной рубашкой, жадно глотал воду, которую набрал в бутылку, чтобы лишний раз не возвращаться в дом и не просить принести чего-нибудь нужного. Почти засыпав колодец крупным щебнем и гравием, он понял, что совсем забыл о песке и вскоре ворвался в мою комнату, оставив грязные следы. (Дарья Сергеевна после, раскорячившись, подтёрла полы.) Я был занят, договаривался с поставщиком о новых сортах белых и нежно-фиолетовых роз. Кеша дождался, пока я положу трубку, и только тогда спросил, где ему взять песок.

– А ты закончил?

– Осталось маленько. Вы бы дали, если он есть. Я сам достащу мешки.

– Они тяжёлые. К тому же, тебе ещё трудиться и трудиться, – заметил я и кивнул в сторону колодца, вокруг которого вились густые заросли.

– Что предлагаете?

– Я принесу их тебе.

– Вам должен позвонить Костя, – запнулся Кеша, не за-

кончив фразу, и, словно подыскивая слова, договорил непонимающе: – Разве нет?

– Ты подслушивал!

– Стены тонкие, – оправдался он и стукнул рядом с дверью. – Как декорация.

– Иди уже. Костя позвонит ближе к вечеру, а сейчас день. Иди, пока я не разозлился на тебя! – вспыхнул я внезапно, но Кешу совсем не испугал. – Слушай не мои телефонные разговоры, а меня. Подслушивать плохо, если ты не знаешь. Вроде бы, не маленький мальчик, а таким занимаешься!

Он улыбнулся таинственно, восхитился ещё раз тем, как я произношу его имя, и, будто ожидая с нетерпением моей помощи, помчал на улицу.

Он убежал, а я вышел на жару к сараю с поломанным замком. Давно я не проверял сарай и уже порядком отвык от того беспорядка, который ожидал увидеть. Перед тем как войти, я осмотрел пустые, жестяные, зелёные бочки и отогнал слепня, который настойчиво вился кругом и целился в губы. Утомившись, он сел на треснувшую дверь, загудел громче прежнего и вдруг атаковал меня. Я ударил по нему рукой, и он упал замертво в траву, больше не издавая назойливое жужжание.

Первым, что я почувствовал в мало знакомом сарае, был сладкий удушливый запах, который, казалось, исходил из дальнего угла, заваленного гнилью, куда не добирался свет. Убрал вёдра, я нашёл лом, заляпанный старой краской. По-

том вынес, шумно пыхтя, мешки. Почему-то я был уверен в том, что они валялись здесь всегда. Запах же усиливался, он делался тошнотворнее, и мне приходилось зажать нос прищепкой и носить по одному мешку. Кеша не понимал, что происходило, и спрашивал, почему из моих глаз брызгали слёзы. Мне было нечего ответить. Я безмолвно умолял, сидя на скамье, чтобы эта невыносимая вонь, преследовавшая меня всюду, исчезла и больше не досаждала. Как только колодец был засыпан, Кеша тут же скрылся под тенью, чтобы обсохнуть. Он склонился над скамьёй и стёр пот, поблёскивающий на выпуклом лбу.

– Ты не чувствуешь? – спросил я, не поднимая головы. – Совсем не чувствуешь?

– Чего?

– Запаха.

– Какого запаха?

– Гадкого. Как будто кто-то сгнил, кто-то сгнил, – повторил я механическим голосом и уставился невидящим взглядом на дом.

Кеша решил почему-то, что мне надо умыться и прилечь и потянул за руку в дом.

– Вот, сейчас, сейчас, всё будет хорошо. Ой, тут ступенька, ой, ещё одна!

– Мне всё видно. Не возись со мной. Погода такая... Показалось, не более.

– По вам не скажешь. Вы нервный.

Я настаивал, что полон сил и энергии. Отпрянул от него, когда он предложил провести на второй этаж, и бросился бегом к сараю с безумной мыслью разобрать его, но в последний момент резко остановился и выронил увесистый железный лом. Кеша прибежал и сел рядом на опрокинутую бочку. Он спросил недоверчиво, уже не утаскивая меня в дом:

– Откуда идёт этот запах?

Я указал вперёд, нервно кашлянув.

– Ну, там же ничего нет? – удивился он и без промедления скрылся в сарае.

Не прошло и минуты, как оттуда послышался ужасающий грохот. Кеша выглянул наружу и заскулил:

– Уронил кое-что. Но вы не переживайте, оно не разломалось. Это если бы разломалось, то да, а так нет! Я уберусь в следующий раз, как отдохну.

– Мне плевать, что ты там задел и что хочешь копать в мусоре! Скажи, есть ли запах или нет?

– Ничего, ничего нет.

– Так и знал!

– Что знали?

– Не скажу.

– Вы так всегда, – помрачнел Кеша и выронил рубашку, которую до этого крепко зажимал подмышкой. – Почему не хотите сказать? Я тогда здесь для чего нахожусь? Эх вы, глупый человек!

– Может, и глупый. Раз так, иди в дом. Я хочу побыть в

одинокестве. А ты делаешь мне хуже и сам не представляешь насколько.

– Ну и сидите! Ещё взрослым называетесь... Я хоть и маленький, но знаю, что когда кому-то плохо, его надо поддерживать. Вы, по всей видимости, не любите, что о вас заботятся.

Кеша поднял рубашку и, встряхнув её от грязи, ушёл.

Дарья Сергеевна до вечера от сарая не отходила, успела обойти его вдоль и поперёк. Затем позвала на вчерашние макароны с сыром и, догадавшись, что у меня беда с головой, намекнула неделикатно:

– Ты, кажется, не придуриваешься. Может, тебе дать кое-какой номерок? У меня есть знакомый по этим самым делам.

– Каким таким делам?

Дарья Сергеевна наклонилась ближе и шепнула в ухо, чтобы Кеша не услышал:

– Щекотливым. Ведь если тебе чудится запах, это не есть нормально.

– Тебе ли судить меня? Может, от усталости и прочего, – предположил я.

– Когда-то я зверски уставала, когда меня наняли швейей. Почти не ела, а всё за машинкой сидела. Мне тогда казалось (во сне!), будто по ночам иглы пляшут, и кто-то ворует шёлк прямо из-под носа! Некто разрезал ножницами ткань на мелкие куски, рассыпал булавки, а что вытворяла шкатулка! Её включали, и долго не стихала музыка. Дзинь, дзинь, разно-

силось эхо. Я же не могла проснуться, будто меня заставляли спать, чувствовала, как хозяйничают и топчутся с нетерпением за спиной. Меня будто бы хотели убить.

– И как, нашли вора?

– Не знаю, может быть, и нашли, может, и нет. Я уволилась, когда галлюцинации замерещились наяву. Страшно было работать в мастерской, населённой нечистью. Пусть, даже если она завелась из-за меня.

– Ты страдала, значит, от видений. У меня запахи наяву. Галлюцинации, говоришь?

Дарья Сергеевна энергично закивала и, отодвинувшись, опустошила тарелку.

– Так дать номерок?

– Психиатра?

– Его же.

– Рано.

– Не затягивай, Володя. Я переживаю за тебя, – произнесла она и, взлохматив волосы, добавила добродушно: – Как котёнок непослушный.

– А что сразу непослушный? Может, я хочу справиться без тебя? Если станет хуже, то попрошу номер. Пока поводов для паники нет, и ты не паникуй и не переживай, потому что я здоровый человек. Видишь, и аппетит не пропал! Температуры нет, и горло не болит, нос не заложен.

– Так у тебя не ОРВИ, не ОРЗ, – напомнила Дарья Сергеевна.

– И не грипп.

– Симптомы-то другие! – проговорила она почти сурово.

– Да что ОРВИ, что грипп какой-нибудь! Все болезни похожи друг на друга, и все они от нервов.

– Ну, ну, вирусы и бактерии тут ни при чём?

– Причём, но они любят ослабшие организмы. Мой-то вон какой, никакие болезни ему не страшны!.. Ах да, у меня же ещё есть вторая мамка под боком.

– Да хоть батька! Я не врач, пойми, и советами одними здоров не будешь.

Молча съев сморщенную грушу, Дарья Сергеевна присоединилась на диван к Кеше, и они заговорили нарочито невнятно и торопливо, по всей видимости, обо мне. Я их не подслушивал. Когда они уснули, и дали мне спокойно вздохнуть, я вновь прибежал к сараю, включил маленькую лампочку с копошащимся вокруг гнусом. Приготовил, на всякий случай, лом. Моё внимание привлекли щели в полу и маленькое тёмное пятно, расплзающееся по краю гниющей доски. Вонь, от которой я чихал и задыхался, теперь ощущалась менее остро, и слабо будоражила ноздри. Запах исходил откуда-то снизу.

Я неуверенно сжал лом, повертел в руках и прислонил его к округлой тумбе, у которой не доставало верхнего ящика. На втором этаже в одной из комнат зажёгся свет. Затаив дыхание, я ждал, пока Дарья Сергеевна уснёт. Никто не выходил из дома, не приотворялась дверь.

Через минуту я наконец осмелел, когда свет погас. Ко мне снова вернулась быстрота, и боязнь сменилась решительностью. С упорством, преисполненный надеждой, я отодрал первую доску. Обоняние, казалось бы, не подводило, так как под доской не находилось ничего подозрительного и странного. Я подумал: «Галлюцинации! Даша права, что мне лучше обратиться к психиатру». Но почему-то возникло стойкое волнующее чувство. Меня пронзил страх, откровенно, подленький. Приближалось нечто неминуемое. Отковыряв с треском доску, я весь покрылся липким потом, отбросил лом и сел на корточки, поведя фонариком из стороны в сторону, и окаменел.

На земле лежал истлевший скелет с расколотым черепом. Тёмные глазницы его глядели на меня уныло и враждебно. Возле согнутой левой кисти ползал червь, мелкий красный паук и желтел разорванный браслетик, на котором были начертаны неровные полустёртые буквы «В.Б.» Он был не человеком, а помощником! Сердце, стучавшее с тревогой, выпрыгивало из груди. Кое-как я совладал с паникой.

Я встрепенулся, когда меня больно укусили две-три мошки, намертво приколотил доски на место, положил тихо лом и, заперев сарай, выбежал наружу. Боясь обернуться, посчитал окошки, чтобы как-то забыться. Когда же я опомнился от потрясения, занималось утро, а я сидел в кресле и качался туда-сюда, теребя одеяло.

Кеша вышел на крыльцо с тетрадю и овсяным печеньем.

– Что вы тут делаете?

– Сижу.

– Понятно. Но почему не досыпаете? Вам в «Летний розмарин» ехать.

– Знаю. Решил встать немного раньше.

– В половину шестого? Вы что, жаворонок? – рассмеялся он отрывисто и захрустел печеньем.

– Может, и жаворонок, и сова, и голубь.

– Никогда не замечал.

– Присядь.

Кеша плюхнулся в кресло напротив. Я поинтересовался тетрадью, которую он никому не показывал и не давал читать. Нарастала нервозность.

– Вы хотите полистать? – спросил Кеша.

– Я больше тебе скажу, прочесть!

– Зачем? Тетрадь моё личное дело.

– О, я считал, что мы семья!

Перед глазами стояла удручающая картина. Первая мысль, пришедшая в голову, возмутила и поразила меня. Я представил, как жестоко расправлялся над помощником, как он кричал дико, проливая слёзы, каким осмысленным было выражение лица в последнюю секунду его предсказуемой, тягучей, но такой желанной жизни. Он ненавидел меня, рычал проклятия! Как же я убил его? Вернее, каким способом? Был ли у меня нож или я убивал тем самым ломом, о котором после благополучно забыл? Наверное, именно поэтому

я не заглядывал в сарай!

– ...обижу. Владимир, возьмите, – сказал он, наморщившись озадаченно. – Вы слышите меня?

– Конечно.

– Раз так, то ладно. Берите, в ней всё самое сокровенное обо мне, – произнёс Кеша ласково и протянул тетрадь. – Возьмите, не стесняйтесь. Что-то вам покажется пресным, что-то не очень...

– Я не стесняюсь. Сейчас так зачитаюсь, что пропущу работу!

Скупно улыбнувшись, я погрузился в чтение. Читал медленно, далеко не внимательно. Смысл написанного постоянно ускользал. Я начинал сердиться. Сделалось мне очень стыдно за слабость и равнодушие к Кеше. Он терпеливо ждал мнение по собственному простому творчеству и радостно заикался от волнения, если спрашивал, когда я закончу новую главу. Прошёл час, верно, самый бестолковый и нудный за последние годы.

– Пора вам на работу. Продолжите, как приедете, – сказал Кеша и, потянувшись, зевнул с большим удовольствием. – Ну как?

– Да... неплохо, – ответил я весьма уклончиво и, скрывая смущение и раздражение, пробормотал вполголоса так, чтобы мои слова не были восприняты серьёзно: – Красивый слог. Тебе бы подучиться, да в писатели или журналисты пойти.

Глава одиннадцатая.

Старуха в бархатном платье

Костя поливал гибискусы удобрением да всё спрашивал о Кеше. Он до сих пор испытывал стеснение и робко, и неловко отвечал мне, но больше не вытворял подлые штуки. Узнав о предательстве, Дмитрий Костяшкин отчитал работника. Я урезал ему зарплату за август, чтобы он и в дальнейшем не потакал своему эгоизму.

Посреди дня в магазин стремительно ворвалась старуха. Полная, невзрачная, с пунцовым лицом, которое прорезали глубокие скорбные морщины, она с потерянным видом бродила от цветка к цветку. Пухлой и короткой рукой она водила перед собой, другой поправляла жидкий светло-русый пучок. Иногда кроткий взор её задерживался на мне. Старуха смотрела с какой-то безмерной гордостью, как я обслуживал клиентов, и не подходила к кассе ближе, чем на два метра. Её серо-зелёные глаза смеялись. Их же наполняла нестерпимая горечь.

– Вы не знаете, кто она? – спросил Костя шёпотом.

– Не знаком. А ты?

– Нет. Фанатка?

– Лишь бы не моя! Я не очень хорошо отношусь к фанатам, особенно ярым. Почему она ничего не покупает?

– Не знаю. Может, вы ей симпатичны? – предположил со смехом Костя. – Вот бы стать таким же популярным у женщин! Они не любят меня. Я серая мышь для них, невидимка! Ничем не уникален, в отличие от вас.

– Следи за тем, что говоришь. Ну, кто я?.. Спрошу, что ей надо, и дело с концом.

– Заметьте, ситуация похожа на ту, что происходила с помощ... Кешей. Желает поработать?

– Но они отличаются между собой, – возразил я спокойно. – Ты постой тут, собери букет для мужчины. Вон он, около ромашек мнётся.

Я подошёл к старухе, позвал её тихонько и тронул за правое плечо. Она отпрянула от неожиданности, повернулась медленно, зажав плотно слабенькие кулачки, и сморщила горбатый нос, усыпанный нежными веснушками. Вблизи она выглядела, как светлый ангел.

– Извините, что беспокою, но... вам что-то нужно? Если так, вы бы могли обратиться ко мне. Я всегда к вашим услугам. Или Костя, то есть, Константин Котиков. Он окажет вам посильную помощь, если вы попросите.

– Нет, нет, нет! – поразилась старуха и скуксилась обиженно. – Почему же ты обращаешься ко мне на вы? Я разве чужая для тебя?

– Вы обознались.

– Саша! Сашенька!

Она приникла ко мне и зарыдала судорожно на груди, све-

таясь от долгожданной радости и печали. Тело её трепетало от страха быть отвергнутой.

С искренним непониманием я воскликнул:

– Пугаетесь! Обознались! Не знаю я вас.

– Как же? Что ты со мной делаешь?

Я высвободился решительно, но мягко из тесных объятий.

Костя был удивлён не меньше, но притворился, что не слышит нас, и отвлекал людей, которые с любопытством хотели понаблюдать за трогательно-драматичной сценой, и развесили уши.

– Да, ты забыл обо мне.

– Не плачьте, прошу. Хотя бы не здесь. Давайте разберёмся, пожалуйста!

– Не успокаивай, Сашенька, – произнесла она охрипшим до неузнаваемости голосом. – Только ответь, почему не связывался со мной? Ни слуху ни духу от тебя.

– Не зовите меня Сашей. Я Владимир Беркутов!

– Поменял фамилию? Родной, объясни, что случилось, – протянула она умоляюще. – Ты не скучал по мне? Я скучала очень-очень. Ты оставил меня одну. Может быть, ты не любил меня?

– Выйдем на улицу.

– Возьми меня за ладошку, – попросила старуха. – Я чувствую, что земля уходит из-под ног. А у тебя? Ты стал безразличным ко всему человеком. Не ожидала, что ты меня не признаешь. Как не признать мать?

Усевшись на лавку, она молча посмотрела на меня.

– Вы не моя мама. Я даже не знаю, как вас зовут.

– Тогда кто я? Самозванка? Уже как пятьдесят второй год

Олеся.

– Если бы! Вы запутались. Я и впрямь долго не общался с мамой, но прекрасно помню, какая она.

– Какая? – спросила Олеся лукаво и прищурилась. – Наверняка лучше, чем я.

– У неё весёлые завитушки на затылке, глаза такие же светло-карие, как у меня. Она тонкая, высокая, с пушком над верхней губой и намного младше. Не в обиду вам, конечно же. Знаете, что я думаю? Вы потеряли сына в аварии, или он умер от смертельной болезни, рака, к примеру. Вы настолько тоскуете о нём, что решили, будто он жив, и вышли на его поиски. Вот, насколько вы не верите в смерть! Увидали кого-то похожего на него (то есть, меня) через окно, когда проходили мимо «Летнего розмарина». И теперь достаёте со своей болью и одиночеством! Будьте так добры, не мешайте и будьте здоровы и счастливы.

– Слушай, дай-ка ещё немножко посмотреть на тебя. Ты теперь другой.

– Глядите. Кто ж вам не даёт? Только на расстоянии! – предупредил я строго и добавил с долей заинтересованности: – Что вы имеете в виду под словом другой?

– Взрослый. Я не видела тебя год, полтора месяца и девятнадцать дней. Много, очень много! Ну, нагнись поближе, хо-

чу тебя поцеловать в щёку. Что ты упрямишься, Сашенька?

– Не лезьте!

Я отвернулся, скрывая презрение в усмешке. Меня не переполняло сочувствие к Олесе, однако чисто по-человечески было её жаль. Понемногу пробуждалось сострадание, и даже захлёстывала нежность.

– У меня есть твоя фотография.

– Старомодно. Ещё и в кошельке?

Олеся, не ответив, расстегнула чёрную сумку из искусственной кожи. К замшевым туфлям уронила паспорт в потрёпанной обложке и ещё что-то мятое, засаленное и грязное, а когда подняла, недовольно кряхтя, проверила тотчас кошелёк и страшно разозлилась.

– Что там?

– Пропала. Я потеряла фотографию. Твою фотографию! Ну почему?

Она суетливо завозила в сумке, проверила все карманы, но, ничего не найдя, поникла плечами.

Всхлипнула с грустью и пролепетала виновато:

– Фотография была здесь! Клянусь здоровьем!

– Верю, верю, – проговорил я глухо, но проявил снисхождение к Олесе и улыбнулся мягко. – Не ройтесь больше и не клянитесь. Она, наверное, выпала по дороге сюда, или вы просто-напросто оставили её дома.

– Исключено! У меня отменная память. Я знаю, чувствую, что не выкладывала фотографию, – возразила она невозму-

тимо и накрыла ласково мою ладонь своей. – Живёшь неподалёку?

– Да так, далековато. Впрочем, мне нравится водить машину. Радио слушаю.

– Какое совпадение! У тебя есть любимая песня?

– Все песни задевают по-своему, и каждая из них любимая... Мне пора вернуться в магазин.

– Как же я? Что делать без тебя?

Старуха хотела было остановить меня, но вдруг пошатнулась и, завалившись обратно на лавку, промурлыкала загадочно:

– Дел по горло у Сашка. Обменяемся номерами?

– Не думаю, что это хорошая идея. И только попробуйте преследовать меня!

– Если и попробую? – пискнула Олеся с вызовом. – Брошишь на расправу полицейским? Ты очень меня разочаруешь. И так расстроил, когда уехал и не простился со мной. Сменил, оказывается, имя и фамилию, да устроился в магазинчик. Кстати, как твоё отчество?

– Измаилович, – ответил я сухо, стоя к ней спиной.

Олеся заахала.

– Всего лишь совпадение?

– До свидания.

– До встречи, – попрощалась она счастливо.

Я отворил дверь «Летнего розмарина», и сразу же, как Костя окликнул девочку, чтобы передать ей букет душистых

лилий, меня замутило.

Глава двенадцатая.

Посиделки в кабинете с зелёными обоями

Психолог Макаров был облачён в чёрное одеяние, сшитое ему, верно, не по размеру. Я медлил с рассказом, тянул всеми способами время, не встречаясь с острым, жёстким взглядом, от которого делалось неловко и душно, и глядел на стол с лампочкой в выпуклом стекле.

Поделился, наконец, наблюдениями и догадками. Мне было нечем дышать. Я был сильно озабочен появлением матери, о которой не слышал, и сходил с ума.

Макаров пододвинул пиалу, полную подушечек с карамелью. Он сгрыз кешью и, не переставая вяло жевать, спросил дружелюбным насмешливым тоном:

– Не едите сладкого?

Его лицо было небритым, щёки желтоватыми и впалыми. Носогубные складки глубокими. Единственной красивой и приятной частью его лица был аккуратный, округлый, пухлый нос красного цвета.

– Просто не хочу.

– Хорошо. Но я бы взял, потому что вкусно... И что вы думаете? Кто такая Олеся?

– Не уверен, что понимаю. Как по мне, никто!

– Вы же пришли сюда не для того, чтобы побеседовать за чашкой чая. Значит, загвоздка имеется. – Он поднялся с кожаного кресла и нажал на пищащий браслетик, желтоватый, как пыль.

В кабинет вбежала помощница с пепельными кудряшками, которые прыгали весело, совсем как живые, и напоминали тугие пружинки. Она забрала из рук Макарова стопку тетрадей на скрепке и бросилась стремглав за дверь. Во всём облике психолога сквозила небрежность. Он спокойно воспринял поспешность помощницы. Мне было непривычно, а при малейшем движении неудобно.

– Да вся загвоздка в том, что внутренний голос считает иначе. Он кричит, буквально вопит о том, что я с ней знаком! Внешне я уверен. Но это только внешне. Вы понимаете, как уладить разлад в голове, в сердце и в душе? Мне иногда кажется, что внутри меня живёт совсем другой человек, который, так сказать, редко выползает наружу, чтобы потом вновь закрыться в своей скорлупе. Он чего там делает? Чего хочет от меня? Кто он, и почему я его настолько плохо знаю?

– По всей видимости, – произнёс по-доброму Макаров, – вы когда-то попали в непростую ситуацию, даже безвыходную, пережили резкое событие, после которого стали ощущать себя не тем, кем вы являетесь на самом деле. Скажите, что вас по-настоящему поразило за последние, скажем, два-три года? Ну, может быть, вы перенесли операцию или у вас умерло домашнее животное, которое вы сильно любили?

– Никаких событий не было. Ни операции, ни животных, ни чего другого... Хотя, погодите-ка, есть. Да, есть! – воскликнул я. – Я переехал в новый дом, о котором мечтал всю жизнь. Приходится, правда, делить его с другой хозяйкой. Мы с ней в хороших отношениях, чуть ли не родственников. Я долго копил, чтобы переехать от мамы. Она меня чересчур опекала, так как я был её единственным сыном. Теперь у неё новая семья, она вышла замуж во второй раз, и у меня скоро появится младший брат, в котором я, естественно, души не буду чаять. Как видите, события есть, но все они безоблачные.

– Приторные. Точно всё? – спросил Макаров с упрямой решимостью. Он в любом случае не сумел бы раскрыть непостижимой тайны.

– Да. Я же сказал!

– А как же запах возле сарая? Вы случайно не охотник и не стреляете зверьё?

– Я против всякого насилия, а тем более насилия над теми, кто слабее и над тем, кто отличается от нас.

– Вторая хозяйка?

Я рассмеялся, представив Дарью Сергеевну с охотничьим ружьём и мёртвым зайцем, завёрнутым в старый платок таким образом, что наружу высовываются одни серые уши.

– Что смешного?

– Да так, немного пофантазировал. Она не охотница, не волчица. Поймите, человеку не тридцать и даже не пятьде-

сят!

– Разные женщины бывают.

– Не спорю, но она хотела помочь, – возразил я.

– Как?

– Совала номерок психиатра. В итоге, я пришёл к вам, потому что чувствую, что мои проблемы из-за внешних раздражителей.

– Вряд ли. Вы утверждали про человека внутри.

– Ну, из-за него тоже. Но в большей степени виноват не я!

Макаров сел за стол, начеркал что-то шустро на бумажке.

Пока я молчал, он говорил громко, с необычайной важностью, смотря мне прямо в глаза:

– Пропейте успокоительное, приготовьте ромашковый отвар. Ограничьте контакты, если возможно, с негативными людьми. Негатив бывает полезен, но как мне кажется, в вашем случае он пойдёт только на вред. Побольше радуйтесь жизни. В вашем окружении есть тот, кто даже в самый хмурый день поднимает настроение?

– Сомневаюсь... или же... да. Наверное. Он помощник. Его зовут Кеша.

– Настолько всё серьёзно? – спросил Макаров улыбаясь. – Понятно, он друг.

– О, нет, нет, нет! – затараторил я, смутившись невольно. – Я ручаюсь за него. Хороший знакомый попросил приглядеть за ним. У него проблемы в семье, квартира сгорела. А как я могу отказать? Нет, вы чего? Пф! Вот был бы он

человеком, то я ещё подумал, друг он или заноза.

Улыбка Макарова сделалась шире. Он привстал, и чтобы успокоить меня, протянул задумчиво и нежно:

– У меня ведь тоже есть друг. Я зову его обыкновенным именем, потому что он живой, как и я сам. И любимая есть, Диана. Она помощница и работает в крохотной редакции «Литературный уголок» вместе с друзьями. Правда, газет и книг они выпускают немного. Но я бы посоветовал почитать, что они пишут. Газета у них одна есть, называется «Живое слово». Никакой политики и экономики, никаких знаменитостей и денег и прочей ерунды, которой нас насильно пичкают.

– О чём ещё можно писать в газетах? – удивился я. – И рекламы нет? Продажи недвижимости, анекдотов, в конце концов.

– Вот это вы зря... Стихотворения есть, истории, рассказанные талантливыми помощниками. А новости хорошие. Хотя где-то хорошие. Помощники не отрицают, что в мире идут войны и люди умирают от голода. Они чаще нашего сталкиваются с несправедливостью. Как говорит Диана, если они будут писать о плохом, то не останется места для хорошего. От неприятных новостей читатели загрустят, совсем расклеятся и подумают, что всё злое есть нормально, и просто-напросто умоют руки. Ведь зачем идти против зла, если это есть наша с вами действительность? Как любят писать в начале книг или фильмов? Основано на реальных со-

бытиях. Мол, реализм, как же искренне, взгляните, куда катимся! И гроша не стоит любовь современных гениев очернять жизнь и показывать человеческие пороки и пороки общества. Да что показывать-то, что твердить одно и то же? А знаете, как звучит девиз «Литературного уголка»? Не разъединить, а сплотить! Я придерживаюсь того же мнения.

– Читателям не покажется, что добро в газете наигранное и лишь иллюзия, что редакция скрывает истинное положение дел?

– Это уже другой взгляд. Они не врут. Нет, ни за что! – горячо откликнулся Макаров. – Они стремятся к тому, чтобы читатели привыкали к свету, чтобы от прочитанных в журнале рассказов, написанным по реальным событиям, у них появлялось желание творить добро. Это их единственное желание. Кстати, помощники открыли книжный кружок для подростков. Уже записалось шесть человек. Помощники, однако, в чём-то лучше нас. Что интересное, их не программировали быть человеческими.

Я забрал бумажку и повернулся, чтобы выйти из кабинета. Макаров произнёс любопытную, но очень правильную фразу, которая вмиг всколыхнула меня:

– Человеком нельзя родиться, им можно только стать.

Глава тринадцатая.

Подвал с выключенным светом

Дарья Сергеевна выпытывала подробности похода к психологу. Она не притрагивалась к краскам, часто спрашивала о моём состоянии и настойчиво ухаживала, одновременно описывая жуткие события, когда-то происходящие в мастерской. Ей всё казалось, что прошлое следует за ней по пятам. Именно поэтому она боялась заштоповывать пододеяльник со здоровенными дырками и стирать одеяло, кстати, тоже.

В бумажке, исписанной Макаровым, кроме обыкновенных рекомендаций был указан адрес «Литературного уголка». Так как Кеше нравилось писать, я не мог не поделиться с ним хорошей новостью. Он отказывался ехать, ссылаясь на то, что не был раньше в таком районе и что обязательно потеряется, даже если воспользуется электронной картой города.

– Поезжай! Тебе будет полезно.

– Не сомневаюсь, что будет. А как же вы с Дарьей? – спросил Кеша озадаченно. – Я не оставлю вас.

– Ты давно не выходил, – настаивал я. – Забыл уже, наверное, как говорить с кем-то, кроме нас и Пустыркиных.

– Мне и тут хорошо. – Он отрицательно замотал головой. Его точно посетило тревожное видение. – К тому же, я до сих

пор не убрал крольчиху со двора. Она уже вся растрескалась и превратилась в чёрт знает что.

– Бог с ней, с этой крольчихой! Макаров ведь написал адрес, потому что в разговоре с ним я упомянул тебя.

– Правда?

– Он посоветовал почитать то, что там печатают. А как услышал, что у меня есть ты...

На самом деле, всё обстояло иначе. После слов Макарова о человечности, я крепко задумался о Кеше, о том, что он испытывал ко мне трогательное доверие, когда отдал тетрадь – самое ценное, что было у него из вещей, и сразу же передумал уходить. Вместо этого я попросил психолога начертать улицу и дом, в котором находится редакция, и поблагодарил его больше за полезную информацию о журналах, нежели за оплаченный сеанс.

Но я был хорошо знаком с Кешиной склонностью к упрямству, которое он унаследовал от Василия, и слегка приукрасил действительность. Когда, наконец, он согласился, я дал ему денег на проезд и проводил до ближайшей остановки.

Дарья Сергеевна напекла сырных булочек и, поджарив ломти пшеничного хлеба, щедро натёрла их чесноком. Она задабривала едой и объясняла заботу тем, что у неё улучшилось самочувствие и больше не гудят ноги, и она может теперь чаще готовить вкуснятину и пробовать новые рецепты. Так я узнал, что Дарья Сергеевна, будучи подростком, меч-

тала пойти в повара и готовила с удовольствием для матери, которая привила ей любовь к красивым и сытным блюдам. На вопрос, почему не исполнила мечту, промолчала, но взглянула на меня с неясной тоской.

Как только наступили сумерки, Кеша позвонил, чтобы я не беспокоился. Он сообщил, что скоро приедет, и чтобы я не ложился спать, так как у него приготовлен для меня сюрприз. Я не спал, а строчил много сообщений Косте, решившему взяться за размещение рекламы. Он смело подкидывал мысли и, конечно же, советовался, каким способом выгоднее продавать цветы, ведь заказы, в основном, поступали небольшие. Я одобрял большую часть идей, а от чего-то наотрез отказывался, пока во всём доме не замигал свет, и работу пришлось отложить.

Я мельком глянул в окно. Дверь сарая была распахнута настежь. Стояла тишина.

Одолевая зловещее предчувствие, я помчался опростелухой на улицу, прислушиваясь к едва уловимым шорохам. Раздался треск. Это лопнула голая ветка под ногами. Я сунулся с фонариком в сарай и тотчас оторопел от увиденного. Доски, которые я прибывал несколько ночей назад, были оторваны и расколоты вдребезги, виднелся кровавый след, тянущийся до крыльца, а ниже, где находился скелет, теперь чернела одна земля.

Не теряя ни минуты, я прошёл по следу в дом и спустился по скрипучей лестнице в освещённый подвал. Было пыль-

но и душно, по углам свешивалась паутина. Тут и там были прибиты деревянные полочки, стояли банки с испорченными солёными огурцами и помидорами. Рядом с железным ящиком с замком валялась тряпка и лежало велосипедное колесо, под которым тускло блестело бутылочное стёклышко. Дыша как можно тише, я проверил счётчик, и двинулся вдоль засохшей полосы. Она привела меня к пропавшему браслету, на котором были полностью стёрты буквы.

Я хотел было уйти, как вдруг свет померк, и кто-то невидимый ударил по трясущимся рукам. Я медленно сполз на колени и стал искать выпавший телефон. Нашупал мелкие осколочки. Неудержимый гнев обратился в страх, когда меня обожгло ледяным прикосновением, и неподалёку донёсся скользкий шелест. По подвалу разлетелся костяной хруст. Я притаился за фигурками животных, посадил занозы три, не меньше.

Зазвучал высокий жалобный голос:

– *Саша!*

Он вывел меня резко из оцепенения. Доползши на четвереньках до колеса, я разорвал тряпку и обмотал небольшим её куском стёклышко. Наконец, встал, слегка пошатываясь и постепенно привыкая к темноте. Я брёл вперёд, держась за стену, а подвал всё не заканчивался, и кто-то шептал лихорадочно постоянно:

– *Ты не дойдёшь! Ты не дойдёшь! Упади!.. Ну же, падай!*

На лестнице ускорил шаг. Одна из ступеней затрещала по-

до мной, рухнула, и я свалился вниз кубарем, потеряв осколочек.

– Как и говорилось, упадёшь! Упадёшь, не унесёшь!

Вспыхнул ярко экран. Я зажмурился, после чуть-чуть приоткрыл глаза и упёрся в стену. Мне удалось увидеть того, кто крепко держал телефон.

Скелет в красном платье трепетал впереди, как живой, и рычал одно и то же, не переставая:

– Не сбежишь, не скроешься!

Перекошенный от злости, он шёл на меня и держал одну руку за спиной.

– Прятаться некуда.

Я молился, чтобы этот ужас закончился, и, преодолевая дрожь во всём теле, говорил точно не своим сдавленным голосом:

– Не хотел... Послушай, я не хотел убивать тебя! Мне так жаль, так жаль... Не мсти, не наказывай меня! В меня тогда точно бес вселился, а иначе как бы я пошёл убивать? Я не виноват, у меня не было выбора!

– За свои поступки надо отвечать. Мама тебе разве не говорила, что всё тайное когда-нибудь становится явным?

– Говорила, может быть.

– Ты плохо её слушал. Ты слушаешь только себя и извиняешься потому, что боишься. Почему не заходил в сарай, когда Дарья Сергеевна просила? Давно пора очнуться, а не существовать.

– С каких пор знаешь о ней? Я не верю тебе!

Скелет навис надо мной угрожающе и, показав окровавленный лом, занёс его для удара. Помню, как закричал истошно, как меня расколдовал свет, жёлтый, как подсолнечное масло, и в подвале никого не оказалось, кроме меня и встревоженного Кеша с огромными заплаканными глазами. Он тормозил меня за плечо и похлопывал по щекам, изредка хлюпая с отчаянием в голосе:

– Очнитесь, умоляю! Это же я, ваш помощник.

– Кеша?

– Кеша! – сказал Кеша нарочито спокойно. – Не сходите с ума, не дёргайтесь, – сказал он и улыбнулся слабо.

– Доведи меня до комнаты, – попросил я мрачным тоном.

– Конечно, конечно! Дайте-ка помочь.

– Ты давно приехал?

– Недавно, минут десять назад... Господи, как вы меня напугали! – признался Кеша. – Бедный, бедный, что ж вы так трясётесь?.. Лучше не объясняйте. Всё потом, потом, больше не ходите в подвал! Я закрою его, чтобы ни одна крыса не выбежала наружу. Надеюсь, это была не крыса? Всех до единой перетравлю!

Я окинул мутным взглядом Кешу. От его участливого бледного вида и дрожащих ресниц заболело сердце.

Глава четырнадцатая.

Не машина, а человек

Как только мы оказались в комнате, я заметил кровь на одном из Кешиных мизинцев.

– Скажи честно, я напал на тебя?

– А? – Он оттопырил палец и показал его ближе. – Порезался о журнал, который привёз. Много-много журналов и газет про комнатные и дикие растения лежит в гостиной. Они и есть сюрприз.

– Ну а если честно? Я ведь не навредил тебе, не ударил? – спросил я тихо, ошарашенно и, переодев рубашку и сняв штаны, лёг в кровать. – Молчишь? Прав, значит.

– Не корите себя за то, что поцарапали, – попросил Кеша и закрыл ступни одеялом. – До свадьбы заживёт!.. Просто когда я приехал, то услышал, что вы о чём-то шепчете в подвале. Мне было страшно спускаться в темноту даже с телефоном, но вы были там, и я не мог трусить. Интересно, что свет вскоре включился. Я успокаивал вас, а вы метались по полу, как будто в лихорадке. Вы закричали, и я закрыл рот руками. Больше закрывать было нечем. Поранили палец, выбросили осколок и только тогда поняли, что перед вами я, а не монстр.

Стыдно было рассказывать Кеше о скелете, который чуть

ли не довёл меня до обморока.

До сих пор не ослабевала тряска, и грудь ходила ходуном. Мне два раза, кажется, послышался знакомый шорох и негромкий стук в дверь, который моментально утих.

– Вы почти что выгнали меня из дома. Избегаете всеми способами... Мне это совсем не нравится. Сначала чувствуете запах и сидите утром на крыльце, хотя не спите до двух ночи! Затем Макаров, Дарья Сергеевна, которая бьёт тревогу, подвал этот дурацкий! Попробуйте мне соврать! Я придушу вас собственными руками и не пожалею о том, что сделал! – воскликнул Кеша и весь потемнел от гнева, который клокотал в нём.

Я раздвинул губы, широко улыбаясь, и признался во всём спустя только пять минут. За это время я успел прорепетировать речь, которую собирался произнести, и на случай неудачной попытки подготовил несколько коротких фраз, какие, скорее всего, помогли бы мне оправдаться перед Кешей.

Он не перебивал, но изредка многозначительно хмыкал и тупо кивал. С каждым новым словом я донельзя обескураживал его, но продолжал говорить. Говорил торопливо и решительно, чтобы он поверил!

Но вот наступило молчание. Кеша присел рядом на кровать и притворился, что сердит и зол. В коридоре зашуршало кровавое платье.

– Поэтому-то вы, наверное, и забыли. Я бы тоже забыл,

если бы убил кого-то. А что насчёт сна?

– Он был пророческий или что-то вроде того. Я был, как те чёртики, что мучили помощницу. Я действовал так, как хотели они, зачем-то подошёл к клетке, снял с неё ткань, танцевал, как и другие. Возможно, теперь я не вспомню всего сна, но в нём помощница просила о помощи. Она когда-то так попросила, а я уподобился людям. Чтоб мне пусто стало!

– Бросьте. Люди не все одинаково плохи.

– Я плохой.

– Не наговаривайте. Был же повод, но пока не ясно какой.

– И всё же я плохой, потому что убийца не бывает хорошим по определению. Если продолжишь защищать меня, то ничем добрым это не кончится. Я и тебя убью.

– Не страшный вы. Дарья Сергеевна и то опаснее. Видели, какие у неё длинные кисточки?

– Но помощница в сарае не её рук дело.

– Вы не отведёте меня туда?

– Я не спятил.

– Так её можно увидеть? Отведите завтра, когда Дарья Сергеевна не проследит за нами. Она обязательно сунет нос в ваше дело и не спросит, что вы чувствуете.

– Главное, что ты спросишь. Ты ведь спросишь, правда?

Кеша растрогался, по его щеке скатилась слезинка, и он наклонился совсем близко и сказал:

– Вы холодный, никакой сейчас.

– Мне наоборот тепло. Я безумно устал и ещё боюсь, что

в комнату войдёт скелет.

– Так мы его и пустим! Если что, устроим на него засаду. Запасёмся сухими пайками. Я достану зверей из подвала, и мы поставим их вокруг дома, чтобы охраняли. Накупим камер и жучков на всякий случай.

– А на Дарью Сергеевну напаялим камуфляж, чтобы она сливалась с картинами, – добавил я, слегка повеселев. – Заодно спросим, есть ли у неё знакомый маг или же экзорцист.

– Давайте спросим, как представится возможность? – серьёзно спросил Кеша. – Любопытно, как они проводят ритуалы, и каких таких демонов изгоняют. Посмеёмся немного. Представляю экзорциста, который впервые сталкивается с неупокоенной помощницей. Он от страха стену пробьёт!

– Почему же стену?

– Потому что окна и двери мы заколотим досками для пущей безопасности.

Кеша рассмеялся звонко, после задышал тяжело и в который раз за вечер заплакал сильно, с горечью проговаривая:

– Где нам раздобыть колдуна, чтобы он был настоящим, а не шарлатаном? Тут Макаров бессилён, и все помощники мира не помогут, включая меня! Я бесполезный, какой же я бесполезный!

Он хорошенько выплакался и, отстранившись неловко, совсем запечалился.

– Ты полезен, потому что... потому что дорог мне.

– Какое облегчение!

– Серьёзно? Ты снова балуешься!

– Конечно же, нет.

Кеша раскраснелся, стянул одеяло и, блаженно откинувшись, расхохотался во всё горло, чтобы больше не рыдать.

– Поверили, поверили!

Я наградил его увесистым пинком под зад.

Он не ушёл, а остался в комнате, прилёг на маленький диван.

Скелет же в подвале чудился идиотской выдумкой, и жил на свете один Кеша, который прямо-таки светился дружелюбием, улыбался во сне от счастья, которое его давно поджидало, и доказательств о том, что помощники умеют нежно, горячо, безмерно любить, не надо было.

Глава пятнадцатая.

История для Сонечки

Диана согласилась посмотреть некоторые Кешины работы. Теперь он целыми днями не выходил из комнаты, торопливо исписывая листы (я предлагал ему компьютер, но он отказался, сказав, что так ему привычнее). Над одной из повестей он трудился более двух месяцев, мечтая поделиться радостью и страстью к чтению с Сонечкой. К концу сентября, когда мы с Кешей закопали кости помощницы неподалёку от колодца, история была завершена. Дарья Сергеевна тайно разглядывала черновики со жгучим интересом, а при нас держалась невозмутимо и сдержанно. Я дразнил её, и она не по-настоящему обижалась.

Первого октября мы собрались в гостиной. Кеша был торжественен, как никогда раньше. Он без всякого сомнения, без страха зачитал повесть.

Лети!

Глава первая

Неприметная тропа, по которой не спеша шагали двое, вилась всё ниже и ниже через пологий склон, заросший перистым ковылём. Заросли тянулись до самого берега и обрывались на последних досках, оставшихся от старой дорожки, неизвестно когда проложенной. За гнилым искривлённым забором ярко белела широкая полоса мокрого песка. Невдалеке от синих набегавших волн лежало здоровенное скользкое бревно, а над ним, как апельсин правильной круглой формы, между размытых облаков висело сочное солнце. Воздух был свежий и чистый. Пахло остро водорослями.

Лёша нёс ведро с лопаточкой и держал маму за открытую полную руку. Она очарованно смотрела на море в соломенной шляпе, которая так и норовила скрыть белый прямой лоб, и шла, касаясь бледно-зелёным платьем редких камней. Вытянутое лицо её выражало необыкновенное спокойствие. В тёплых глазах отражалась необъятная гладь.

– Научишь меня строить замки? – спросила с любопытством мама.

– Конечно. Взяла бутерброды? Я не хочу есть.

– Ты не обедал сегодня, – сказала она недовольно.

Лёша действительно не обедал. Весь день он вёл дневник и записывал наблюдения в толстую тетрадь. Занимался Лёша делом увлечённо и каждый день подолгу сидел за письменным столом с низким табуретом. Иногда размышлял он легко, иногда вовсе мучительно, и всё написанное казалось ему жуткой тарабарщиной. Папа особенно активно поддерживал Лёшу за упорное стремление к письму.

– Я был занят.

– Завтра у меня выходной, и мы сможем погулять намного дольше, чем обычно.

Мама пекла мягкие торты и печенья и развозила их покупателям, живущим в городе.

К сожалению, профессия кондитера пользовалась небольшим спросом. Всё больше людей отдавало предпочтение магазинной стряпне.

Лёша жил с родителями и бабушкой возле моря, в маленьком доме с сиреневой крышей и крытым балконом, выходящим на тенистые деревья. Он очень любил лежать под ними и читать книжки, взятые из городской библиотеки. Когда начинал хлестать ливень, и всюду гремел гром, он убегал в свою комнату и сидел расслабленно на ковре, совершенно поглощённый чтением. Бабушка поднималась к нему и вязала спицами мешковатые свитера в кресле. Часто она произносила мысли вслух и напевала зажигательные мелодии. Лёша очень раздражался и уходил на первый этаж, где висело молчание.

– Дольше – это на пять минут?

– Если захочешь, можно и на час! – радостно произнесла мама.

Наконец они спустились к берегу и оставили забор, наклонный к земле, истыканной острой, как игла, травой.

Мама вынула скатерть из плетёной корзины, расстелила на песке и разложила закуски.

Лёша отошёл в сторону и стал строить красивый песочный замок. Он аккуратно укреплял зубчатые башни с прорубленными окнами, после украшал их витыми ракушками, найденными неподалёку. Верхушки пронзали тонкие веточные шпильки. Перед тем, как похлопотать над одной из развалившихся башен, мама бросила шляпу на скатерть, чтобы та не запачкалась, и поправила платье.

Неожиданно налетел холодный ветер и испортил украшения. Море заблестело радужной рябью. Лёша расстроился, закончил с замком и ушёл выпить апельсиновый сок.

Мама решила исправить неважное настроение Лёши и, прогулявшись по берегу, отыскала гигантскую водную улитку. Она была явно напугана и пряталась в коричнево-бронзовую раковину, высовывая подозрительно наружу лишь рожки-усики. Мама положила моллюска на ладонь и отнесла показать его Лёше.

– Где ты её нашла?

– На камне. Бедняжку, наверное, отшвырнуло волной.

– Ай, какая страшная! Какая мерзкая!

Лёша небрежно тронул влажную улитку пальцем. Она моментально притихла.

– Она больше тебя боится.

Мама звонко рассмеялась.

– Не думаю.

– Я отпущу её в воду.

– А её не выбросит обратно?

– Вот мы сейчас и узнаем. Погляди.

Лёша снял шлёпанцы и спрятал ступни в молочных барашках пены, колышущейся на краю берега. Он позабыл недостроенный замок и дышал полной грудью. Ветер успокаивался и слабо трепал его светлые волосы. Над поверхностью хрустального зеркала жужжали голубые стрекозы.

Мама опустилась на колени и помогла улитке укрыться под полупрозрачным островом тины. Она расхрабрилась, показалась полностью из раковины и поползла вперёд настолько быстро, насколько это было возможно.

Лёша закатал штаны до колен и зашёл в воду. Он постоял так минут десять-пятнадцать под ослепительными лучами, после вышел к маме, которая сразу же обтёрла его розовые мягкие ступни, испачканные в песке, и расположился на горячей скатерти. Валяться на спине в тепле было величайшим удовольствием.

Мама перекусила бутербродами.

Они ещё долго бродили возле моря, пока не запылал закат.

Лёша вернулся домой и вдохновенно продолжил дневник. Вечер он посвятил странице, а когда дописал, то сразу же решил перечитать её.

Двадцать третье июня, четверг, 2050

Сегодня был ясный день. Мы с мамой пошли на море, и я построил большой замок. Он мне не понравился. Я очень хотел разрушить его, очень, очень, но передумал, потому что рядом была мама. Она всегда улыбается. Мне нравится её улыбка, но сам я не люблю улыбаться.

Не хочу идти в школу. Она далеко, и я не могу выспаться. Я ложусь рано, но долго не сплю, потому что не могу и много думаю. Я думаю о море и о том, что находится за ним. Мне кажется, что за ним что-нибудь да должно быть! Когда-нибудь я поговорю об этом с папой. Он долго рыбачит, он трудолюбивый рыбак и продаёт рыбу на базаре. Люди, наверное, очень много едят рыбы. Я то же хочу порыбачить, ну или по крайней мере выйти в море на лодке! На самой большой.

Скучаю иногда по папе, но как только сажусь за дневник, забываю обо всём плохом на свете. Я не сержусь на папу, ведь он хороший и добрый человек.

Бабушка поругала за музыку. Говорит, что я скоро оглохну. Ей не нравится вся старая музыка. Она за электронную, за поп музыку и всё время слушает её и старается танцевать. Потом её ноги сильно болят, и она плачет. Когда-нибудь мы перестанем ссориться насчёт наших вкусов. Когда-нибудь

бабушка перестанет упрямыться и оставит танцы, и её ноги окрепнут.

Ветер воет. Неуютно мне сейчас. А когда было уютно?

Я самый одинокий мальчик на планете, который любит море. Сейчас нарисую его!

Вышло достаточно хорошо, если не считать ошибки, которые Лёша наделал по невнимательности. Он страшно तो-ропился выразить мысль и гнался за нею сломя голову.

Несмотря на то, что писал он много и часто, поделиться творчеством ему было совершенно не с кем.

Мама хвалила Лёшу, но никогда не просила почитать дневник. Она была женщиной занятой и всегда выполняла безупречно работу.

«Но как же так, почему никто не интересуется тем, что я люблю?» – думалось порой Лёше.

Он нарисовал красочную картинку парусной лодки, катающейся по высоким волнам, после устало протёр мутные глаза, почистил зубы и лёг в кровать. Под ватным одеялом было приятно и уютно.

Лёша перевернулся набок хмурым румяным лицом к отворённому окну. Над чернеющими деревьями горели звёзды, искрился бледным светом тонкий полумесяц. В дверь робко скреблась собака Аврора.

Глава вторая

Папа сидел за обеденным столом, укрытым чистой льняной скатертью, и читал старый выпуск популярной газеты за двух тысяча сорок первый год. Единственный выходной он неизменно посвящал тихому задумчивому времяпровождению.

Крупный заголовок на первой странице гласил: «Изобретён чертёж быстроходного корабля, способного в считанные секунды переносить людей за пределы Солнечной системы».

Папа приступил к статье, выделенной жирным шрифтом: «Выдающийся преподаватель физико-математического университета Родион Китин был удостоен премии за самую перспективную разработку в ракетно-космической отрасли. Он долго занимался планом и восемь лет реализовывал замысел на бумаге. Подробный чертёж был впоследствии представлен на ежегодной Всемирной конференции в Санкт-Петербурге. Китин изложил суть концепции перед представителями государств и сумел убедить их в полезности нового изобретения. Сам он говорит, что не жалеет ни единого дня, когда разрабатывал проект. Теперь он направляет все силы на его абсолютную реализацию».

Папа изумился, но всё же воспринял статью неудачной и, выпив чай, перевёл рассеянный взгляд на Лёшу, когда тот спустился по ступеням в кухню, насквозь пропахшую тём-

НЫМ ШОКОЛАДОМ.

– Ты уже здесь! – воскликнул Лёша. Он кинулся в объятия папы.

Они крепко обнялись.

– Я скучал по тебе.

– Я тоже. Надеюсь, ты не сидел целыми днями в комнате?

– Нет. Я ходил гулять. Мама была со мной.

– А бабуля? Ты приглядывал за ней? – спросил насмешливо папа и улыбнулся полными губами. – Ты уже взрослый и можешь быть главным, пока меня нет.

– Трудно. Но я смотрел, чтобы с ней был полный порядок.

Мама бросила прихватки на кухонный стол и подала бабушке вонючую мазь от боли в ногах. Бабушка поворчала о чём-то сердито, впрочем, как обычно. Она нанесла мазь на худые костлявые ноги, поднялась на редкость неуклюже с просторного дивана и взяла очки с тумбы.

Мама подала свежее печенье с шоколадной крошкой. Она ласково потрепала Лёшу за плечо, когда тот загорелся замечательной мыслью. Казалось, всё лицо его было залито светом.

– Раз уж вы свободны, мы можем поехать в город?

– Я бы лучше полежал и посмотрел телевизор, – сказал папа. – Не представляешь, как я устал.

– Представляю, – обиженно буркнул Лёша. Он грустил от того, что слишком хорошо понимал папу.

– Не печалься. Возьми книжку и сходи почитать к морю, –

сказала мама ободряющим тихим голосом. – Но я не сумею прийти.

– Мне надо отдать книги. Я уже все прочитал.

– Так быстро?

– Они не толстые. Я их принесу, и ты сама убедишься.

Папа неуверенно помедлил, а затем отложил газету. Когда Лёша показал все имеющиеся у него читанные книги, он встал из-за стола и проговорил:

– Пошли в море.

Лёша с нескрываемым удивлением сжал порывисто ладонь папы. Его ладонь была большой, шершавой и пахла сильно рыбой.

Мама оставила их наедине и скрылась в гостиной.

– Сейчас же иди собираться. Я так делаю, чтобы ты развеялся. Потом полежу. Ты очень хочешь в море?

– Очень, очень! Неужели... Не верю, что ты возьмёшь меня с собой!

– А я возьму. Давай же, поторопись. Иначе я без тебя пойду.

Лёшино сердце радостно забилося. Он захотел расцеловать папу, зарделся в предвкушении счастья и побежал сразу же к себе в комнату. Там он написал немножко в дневнике угловатым размашистым почерком, пока его не начала доставать громким лаем непоседливая Аврора. Она энергично виляла чёрным лохматым хвостом и задирала тупую сытую морду.

Двадцать шестое июня, воскресенье, 2050

Идём в море! Я и мечтать о подобном не мог. Хочу собственными глазами увидеть дельфина или какую-нибудь здоровенную рыбу. Хочу дотронуться до её красивой переливающейся чешуи и вытянутых развитых плавников. Надо помочь папе...

В этот раз Лёша написал всё правильно, но мало. Он забрал школьную сумку и дневник с карандашом, чтобы написать о маленьком путешествии прямо в лодке. Он переоделся и выбежал на пустой двор, засаженный вьющимися клумбами, огороженными камнями.

Цвели и источали сладковатый аромат пунцовые розы. В благоухающих молоденьких пионах сидели изумрудные лягушки, выпрыгнувшие из неглубокого пруда. Над оранжевыми бархатцами сновали неутомимые пчёлы. Пролетела незаметно, как привидение, бледная бабочка и села на пахучий красновато-бурый цветок.

– Ну что тебе надо? – спросил Лёша, когда заметил собаку, бегущую следом за ним. Он остановился и заглянул в её ласковые чёрные глаза. – Меня папа только-только взял. Что я ему скажу, когда и ты явишься?

Аврора расстроено лизнула мальчишескую ладонь. Она разволновалась о чём-то сильно и тонко заскулила. Лёше не нравилось волнение, которое нельзя было объяснить. Он ду-

мал и пинал камешки.

– Ладно, я возьму тебя. Только пообещай, что не будешь баловаться.

Щеколда глухо звякнула. Аврора порхнула за калитку и понеслась вдоль дорожки.

Папа ожидал у берега в сине-белой резиновой лодке с моторчиком. Он смотрел задумчиво вдаль, где таял в бирюзовой дымке старый маяк, на котором лепились гнёзда, и раздавались птичьи крики.

Тучи прояснялись.

Лёша, похрустывая песком, забрался в лодку и снял сумку с плеча. Переставляя мокрыми лапами, немедленно пристроилась возле удочек Аврора.

– Она за мной увязалась.

– Смотри, чтобы не бросилась за борт, – проговорил папа шутя. – Я не поплыву за ней.

– Пусть только попробует, – уверенно произнёс Лёша. – Но ты поплывёшь, если что. Ведь я не умею. Я умею писать и то некрасиво.

– Поплыву.

Моторчик бодро загудел. Лодка качнулась и заскользила неудержимо вперёд.

Пока они катались, их обдавали мелкие солёные брызги. Аврора, несколько привыкшая к равномерному шуму, больше ничему не радуясь, крепко жалась ко дну. Она обвивала себя хвостом, мелко тряслась, а так как была любопытной,

то иногда подсматривала за Лёшей.

Когда лодка остановилась, он раскрыл дневник и положил его на колени.

– Он намокнет. Как напишешь на мокрой бумаге?

– Пока мы стоим, я всё сделаю.

– Не укачало? – спросил папа. В его взгляде читалась забота.

– Совсем нет... Ах, бедная Аврора, бедная девочка! Говорил же, проблемы одни от тебя.

Она подняла вопросительно морду.

– Да, я говорю о тебе, – утвердительно кивнул Лёша.

– Что это с ней? Хотя, понимаю. У неё первый выход в море. Ты, наверное, считаешь, будто я запрещал раньше, потому что не хотел и ленился.

– Нет, что ты! Знаю, как в море опасно. Я был маленьким, но я точно помню, что уже был так далеко от берега. Хочешь послушать, что я уже написал за сегодняшний день?

– Я же отвлеку тебя. Лучше напиши, пока не покатили на маяк. Вон он!

...Да как же. Оно молчит. Молчит море, что мы рассекаем на лодке. Как весело, как легко нестись навстречу небу, что обнимает нас! Как бесконечен безбрежный простор!

В глубине моря живут всякие чудовища, но ни одно из них пока не вышло на поверхность.

Я не унываю, что не вижу никого, кроме папы и чаек. Я

чувствую – это катание изменит меня.

Я пишу о всём, что меня будоражит, и не могу остановиться. Интересно, есть на свете люди, которых письмо воодушевляет так же сильно, как и меня? Есть писатели, которые пишут о любви, о тайнах, о приключениях, и все они очень похожи друг на друга, ведь они несут свет и помогают людям. Хорошо ещё, наверное, иметь музу! Я не думаю, что писатель без музы не является писателем. Только с музой всё происходит намного увлекательнее. Я нахожу своих муз в природе, потому что с детства близок к ней. Мои музы дремлют под ветвями старого дуба, растущего за домом, нащёптывают мне разные приятности, выходя из пены морской. Я люблю их за то, что они всегда рядом, и готовы помочь, как и родители.

Вот, папа кладёт мне руку на плечо, как мама на кухне. Он также трогателен, как она, и он не знает, насколько сильно мне нравится маяк. Папа говорил, как раньше маяк освещал путь всем великим мореходам, что долго странствовали и открывали новые земли. Давно это было. Сейчас же электронные лампы не горят, и он стоит одиноким столбиком возле скал, и никто не знает, что находится внутри него. Я считаю, что ничего. Но я проверю, если так надо будет, и заберусь наверх с Авророй. Если будет закрыт вход на маяк, то я обязательно спрошу папу, зачем его закрыли и кто. Зачем нам мучиться с дверью? Я ведь так хочу распахнуть её широко-широко, побежать по ступеням к фонарю и посмотреть

на море с высоты!

Аврора грустит. Она несчастное создание. Ей только два года, она юная и пугается любого шороха. Я же боюсь, что она убежит от нас навсегда из-за меня, потому что я не забочусь о ней, как нужно. Я смеюсь над ней, и мне бывает стыдно. У неё огромное сердце, оно намного больше, чем у меня, чем у папы и мамы, чем у бабушки. Оно несоизмеримо огромное по сравнению с нашими маленькими человеческими сердцами...

Заработал моторчик. Они подплыли к маяку, и Лёша выбрался из лодки, чтобы размять ноги. Он забрал сумку и поднял на руки тихую Аврору, испытывающую ужас.

– Ну же, побегай здесь, пока стоим.

– Она до сих пор нервничает? Ай, оставь её уже в лодке, пусть лежит там!

– Нет. Она должна быть смелой.

Лёша опустил Аврору, и она остановилась, поджав хвост.

Время от времени вздымались тёмные волны и накрывали ветхий мост, ведущий к полосатому маяку.

– Я хочу наверх.

– Зачем это тебе?

– Уж очень интересно. Пожалуйста, ты можешь идти первым! – протянул Лёша.

Он потянул за ручку двери. Та распахнулась без особого усилия, и наружу потянуло душной сыростью. Лёша за-

жал нос пальцами, чтобы не чувствовать тошнотворный запах плесени, скрылся позади папы. Он зажёл фонарик, который всегда носил при себе, и ступил в узкое полупустое помещение с круглыми стенами. Лестница шла напрямиком к главной части маяка через кладовую и другую запущенную комнату, в которой лежал старый коричневый шкаф и стояла убогая кровать.

Приходилось на носочках ступать предельно осторожно и медленно по неустойчивым ступеням. Лёша оступился на середине пути и, невольно охнув, крепче схватился за папин рукав.

Наверху он высунул голову из расколотого окна, закричал громко-прегромко: «Я здесь!» – и разбудил мирно спящих чаек. Они встрепонулись крыльями, покинули гнездо и улетели за светлеющий горизонт.

Мир был огромным и таинственным. Лёша хотел скорее повзрослеть и полностью изучить его.

– Не порежься.

– Постараюсь.

Он походил по разбитому стеклу и вдруг услышал громкий голос в отдалении.

«Это я здесь! А где ты?» зазвучал он явственно.

– Пап, ты ничего не слышал? – спросил Лёша и затаил дыхание. Он твёрдо верил, что голос ему всего-навсего почудился. Возможно, это были проделки ветра, усиливавшегося снаружи, или беззлобные шутки волн.

– Я слышу только тебя. А что?

– Я принял шум воды за нечто другое.

– За что же?

– Ты не поверишь. Кажется, что под маяком стоял мальчик. Он что-то сказал, а после замолчал. Я не понимаю, кем он может быть.

– Это была вода, – сказал с неловкостью папа. – Больше ничего. Да ты успокойся, подыши глубже воздухом, и всё пройдёт. Представляешь, я бы никогда не поднялся сюда, если бы не ты, – перевёл он тему разговора. – Я вообще бы мало чего сделал без тебя.

– Например?

– Я всю жизнь жил у моря и никогда не любил его. Не знаю, как такое возможно. С твоим появлением я захотел впервые пойти на лодке. А когда тебе исполнилось шесть, и ты торопился к берегу, то впервые очутился на волнах. Твоя любовь была настолько сильной, что передалась мне.

– Так не бывает. Но я верю, что с тобой произошло именно так.

«С кем произошло? Ну же, ответь мне, неизвестный мальчик!» задрожал голос, точно говорящий собирался плакать.

Лёша попробовал прогнать голос и бросился с раздражением вниз по лестнице. «Кому вздумалось подшучивать надо мной? Я разберусь с шутником, чтобы не доставал меня. Сумкой зашибу», – подумал он.

Папа в растерянности побежал за ним, и когда они оба

спустились наружу, то никакого другого мальчика не заметили. Аврора гуляла на мосту, весело махая хвостом, когда её окатывали пышные кружева пены. Она тотчас рванула к Лёше и залаяла, когда ощутила его смутное беспокойство.

– Да что с тобой творится?

– Я очень устал, – сказал он. – Домой хочу.

– Ты был так взволнован, когда собирался сюда, – заметил папа. – Как дневник? Хорошо пишется?

– Отлично, – огрызнулся Лёша. – Больше ничего не скажу, извини.

– Я не буду спрашивать. Потом, может быть, как ты успокоишься.

Выход в море был окончательно испорчен.

Лёша прыгнул в лодку и в мрачных раздумьях просидел так до самого конца, а на берегу дописал страницу.

... Так надеялся, что порадуюсь, а на самом деле разозлился! Я не ожидал, что папа поверит тому, чего сам не слышал. Если голос появится, то ему точно несдобровать.

Есть такой фразеологизм (то есть, устойчивое словосочетание), тараканы в голове. Что, если в моей голове появился такой таракан, и он хорошо знает наш язык? Тогда почему же он совсем один, где остальные тараканы? Или это только начало, и остальные скоро придут? Откуда?..

Я мало чего понимаю в тараканах и с брезгливостью отношусь к ним. Однажды, мама задавила рыжего таракана в

гостиной бабушкиной тапкой, и они весь день обыскивали дом на наличие насекомых. Я не выходил из комнаты, чтобы не повстречаться лицом к лицу с усачом.

«Ты не будешь общаться со мной?» спросил голос печально.

Лёша впервые решил ответить ему.

– Я не знаю тараканий язык.

«Так ведь, я тоже. Думаешь, значит, что я таракан?» рассмеялся голос.

– Что тебе нужно, и как ты залез мне в голову? – расстроился Лёша. – Если ты не таракан, то кто же?

«Обыкновенный мальчик. Я совершенно не опасный. Как и ты для меня», он был явно удивлён тем, что слышал другого мальчика.

– Точно. Ты не видишь меня? Но откуда ты взялся и сколько тебе лет?

«Взялся оттуда же, откуда и ты. Мне всего четырнадцать. Никитой зовут. А тебя как?»

– Лёша Вишневский. Я на два года младше тебя.

«Знал я одного Вишневского. Был он типом страшно подозрительным, мало разговаривал и вообще вёл себя довольно грубо».

– Как был? Он изменился?

«Не знаю. Он больше не дворник у нас, уехал, наверное, на родину».

– Так, – замешкался Лёша, – что делать? Ты раньше был немой, как рыба.

«Я скучал, а потом услышал тебя».

– Больше никого ты не слышишь? Даже моего папу?

«Там есть другие люди? Я считал, что ты живёшь в одиночку на затерянном острове, а вокруг ни души. Теперь ясно, что это не так. Ничего не делай, живи, как жил дальше, может быть, забудешь обо мне», посоветовал Никита и сухо закашлял.

– Ты болеешь?

«Нет. Кстати, а где ты находишься? Может, мы совсем близко?»

– Я живу возле самого Балтийского моря. У нас здесь много затонувших кораблей и трески.

«Что за море такое? Впрочем, неважно, Лёша. Я только не хотел мешать тебе, правда».

– Не хотел, но помешал. Я выходил с папой кататься на лодке и поднимался на маяк. Он был высоченным. Мне нравится смотреть с высоты.

«Ты сердишься?» спросил он смущённо.

– Немножко. Всю злость уже спрятал в строчках.

«Маленький, а уже пишешь!» сказал Никита с восторгом.

– Я не маленький. Хочешь, прочту, что у меня есть?

Лёша был не уверен, что поступал правильно, и где-то жил Никита, который знать не знал о Балтийском море. Казалось, всякий человек знал, что существует такое море.

Прежде чем прочесть несколько страниц на Лёшин взгляд, удачно получившихся, он спросил у знакомого не слишком доверчиво:

– Ты не рассказывай никому, что слышишь меня. Я не хочу, чтобы тебе не верили, а меня включили в список глупых детских выдумок.

«Было бы кому!» усмехнулся он.

– Как же родители?

Никита счёл нужным закончить разговор. Он молчал до тех пор, пока Лёша целиком не зачитал ему историю о девочке, получившей дар бессмертия за спасение бездомной кошки Плюшки из Тихого океана. Девочка жила бесконечную жизнь, оберегая людей, как ангел.

Никита иногда грустил и негодовал от происходящего в дневнике. История вызвала в нём доброе безграничное чувство. Ему было интересно слушать неравнодушный сосредоточенный голос юного писателя. Он был рад, что познакомился с таким удивительным мальчиком.

Лёша окончил читать и захлопнул тетрадь.

– И что я сделал?

«Не знаю. История была потрясающей! Ты так здорово пишешь, что я даже чуть-чуть завидую твоему таланту».

– Не стоит. У тебя самого есть любимое хобби. У всех оно есть.

«Есть, конечно. Я слежу за тем, что меня окружает, и делаю зарисовки в альбомах. Недавно начал совсем новенький».

У меня там уже есть рисунок блестящего шестикрылого жука, червя людоеда и пятнистого енота», гордо произнёс Никита.

– Какая гадость, людоеды, жуки! Как шестикрылый умеет летать?

«Замечательно умеет. Я бы показал, но не могу, ты же знаешь... Меня зовут на ужин».

– У вас вечер?

«Скоро наступит ночь. Обычно, я ужинаю часов в восемь-девять. Зачем спрашиваешь?»

– У нас половина второго дня.

«Мы очень далеко находимся друг от друга», заключил уныло Никита.

– Я тоже пойду. Возможно, ещё услышимся.

«Да. Если ты напишешь новую историю».

Глава третья

В школе у Лёши не было друзей.

Он сидел за третьей партой второго ряда вместе с Алисой Романовой, дочерью хорошей приятельницы матери. Они неоднократно публиковались в школьной газете, издавали сборник совместно написанных новелл и часто проводили перемены в классе за обсуждением прочитанных книг. Алиса любила короткие рассказы и миниатюры о дикой природе и людях, живущих на Севере, где выпадало много снега, и небо было подсвечено изумрудно-фиолетовым сиянием. Её манила холодная, но величественная Тундра, о которой столько можно было рассказать!

Как только начался второй месяц летних каникул, Алиса посетила семью Вишневых с отличной новостью.

Она постучала в дверь, постукивая от нетерпения красными балеточками. Лёша впустил её, угостил фруктовыми пирожными и напитком из цикория и отвёл в комнату, где играл в последнее время с конструктором.

– Ну, что там?

Большие Алисины карамельные глаза сверкали блеском радости. Она вынула из рюкзака несколько листов и протянула один из них Лёше.

– Это городской конкурс на лучший рассказ о Балтийском море. Прочти. Я подумала, что тебе его надо обязательно по-

казать. Там и критериев мало. Всего лишь оригинальность, соответствие жанру и грамматика с орфографией. Главное, что будет учитываться – лёгкий и красивый литературный слог. Я уже собираюсь участвовать, так как мне интересно, на что я способна. Всем участникам высылают на электронную почту грамоту.

– Любопытно! – сказал Лёша. – А, написано с одной стороны. Мало так.

– Ты станешь участвовать? Я же не зря далеко ехала. Меня мама ждёт. Не забудь, что работу можно подать до двадцатого июля. У нас в запасе восемнадцать с половиной дней. Есть какие-нибудь идеи? – спросила Алиса и принялась за Лёшин дневник.

– Идей много. Я не знаю, как их всех воплотить. Так, отдай его мне! – потребовал Лёша и, кинув красочный лист, забрал тетрадь. – Просто так нельзя брать чужие вещи. Что ж ты такая назойливая?

– Не назойливая я вовсе!

– А в голову лезешь. Я напишу, если придумаю о чём-нибудь хорошем, – сказал он и ласково улыбнулся. – Как мама?

Алиса побледнела и нахмурила брови, глядя на могучий дуб, растущий под окном. Она подошла к плакату с космическими звездолётами, взмывающими над бесчисленными кометами, и заплакала, казалось, без слёз. Её бледное лицо покрылось красными пятнами.

Лёше было безмерно жаль Алису. Он подошёл к девочке

и легонько обнял её за плечи, а затем отпустил немедленно. Она глянула на приятеля с тихой благодарностью.

– Что случилось? Расскажи, что с тобой.

– Я не знаю, почему мама не проводит со мной время. Но она довольна тем, что работает в главной парикмахерской города.

– Так ты об этом, – сказал Лёша. – Нет, тебе и не надо знать. Узнаешь, так спать перестанешь. Мама очень старается для тебя, поверь! Мой папа часто выходит рыбачить, и я долго не вижу его. Не сердись на маму, ведь она трудится для твоего же блага. Я не хочу, чтобы ты плакала.

– Почему-то я плачу и не могу остановиться.

Алиса вытерла слёзы и обмякла в кресле. Она протяжно тихонько всхлипывала, пока Лёша делал рассеянно заметки в дневнике. Жалобные звуки здорово отвлекали его. Но он не умел долго сердиться и расстраиваться.

– Ты некрасивая теперь.

Он принёс синюю коробку салфеток.

– Держи.

– Спасибо. Я пойду, пожалуй.

Алиса оставила красочные листы и вышла из комнаты. Лёша проводил её, убежал на берег и сел на бревно, чтобы хорошенько подумать над рассказом.

Балтийское море оставалось совершенно невозмутимым.

Он позвал Никиту.

«Ты хочешь поговорить?»

Лёша коротко пересказал о всём, что случилось. Знакомый выразил одобрение и предложил идею, с помощью которой, как ему думалось, можно было занять первое место. Лёше было не так важно победить, как заявить о себе другим людям. Он хотел, чтобы всякий конкурс проходил по справедливости и не отчаялся бы, если б проиграл.

«Только никто не проигрывает. В творчестве нет конкурентов», – считал мальчик.

– Ты прав. Но я знаю, что буду делать. Просто хотел поговорить.

«И что же?»

– Я напишу рассказ о двух мальчиках, которых объединило море. Они сдружились, и второй мальчик проделал длинный путь, чтобы встретиться с другом.

«Читал что-то похожее», заметил он добродушно.

– Рассказ несколько фантастический. Фантастика ведь не запрещена, я проверял. Грустно, что я совсем о тебе ничего не знаю.

«Спроси меня».

– О чём? – поинтересовался Лёша и покрутил графитный карандаш, которым набрасывал рисунки. На листе застыли гибкие высокие фигуры человечков.

«О чём угодно. Я отвечу».

– У тебя есть собака? Я так спросил, потому что у меня есть. Её зовут Авророй. Она любит играть с резиновой костью и спать на бабушкином ковре.

«Нет. Зато у меня живут рыбки. Я их кормлю, меняю воду и никогда не запускаю аквариум. Ещё ни одна рыбка не сохла! Я почти каждый день прихожу в домик на дереве и рассматриваю горное озеро. Вода вселяет в меня умиротворение. Очень-очень хочу увидеть огромных рыб! У нас здесь водится одна мелочь», вздохнул глубоко Никита.

– Тебе надо сходить в океанариум. Я был там в прошлом году. Там были тигровые и белые акулы и скаты, и пирании, и гигантские груперы, и много ещё разной живности. Уже забыл, как она называется.

«У нас нет океанариума. Есть только обычный зоопарк, который я часто посещаю с мамой. Она любит слонов и смеётся, когда они махают огромными ушами. (Или машут, как правильно?) Ещё ей нравятся попугаи. Я безумно люблю сов, ведь они мудрые и красивые птицы. Перед сном я представляю, как превращаюсь в сову и лечу к звёздам. Наверное, мне просто одиноко», признался он чуть смущённо.

Лёша раскрыл дневник и записал название рассказа: «На разных берегах!» В конце он поставил важный восклицательный знак и ухмыльнулся.

– Ты сам построил дом?

«Что на дереве? С отцом».

– Он строитель?

«Он столяр. У него золотые руки, и он хочет, чтобы я был мастером своего дела. Я пока не представляю, какое оно – моё дело. Нахожусь в поиске. А как выбрать, если мне хочет-

ся создавать компьютерные игры, летать в космосе и строить города?» спросил Никита.

– Займись все понемножку. Может быть, решишь быстрее, – посоветовал Лёша.

Время неслось вперёд.

Никита молчал, точно чем-то внимательно занимаясь, и его никто не отвлекал.

«Помнишь, ты говорил, что живёшь у Балтийского моря? Это где?»

– Ты не знаешь и про Калининград, где делают украшения из янтаря? У меня у самого есть тонкий золотой камешек с подковой.

«У меня зелёный турнит, но он не пустой, а с муравьём».

– Откуда он у тебя?

«Не знаю. Мама нашла его когда-то на улице, придумала название и забрала домой. После передала мне. Ты уже начал писать?»

– Да, поэтому больше не мешай, – попросил Лёша. – Я удивлён, что мы так много говорим.

«Прочти, как напишешь. Зови меня почаще, а то скучно, на стену лезу», попрощался Никита.

В течение полумесяца Лёша был занят письмом. Один раз ему с мамой и Авророй удалось заехать в город, и они ходили возле фонтанов, наблюдая за облачками, тающими в небе. Кругом шуршала влажная и густая листва, переливающаяся

частыми каплями. Ухоженная аллея с открытыми лавочками была красочна. Лёша слышал обрывки разговоров солнечных людей, гуляющих по набережной. Его мучили назойливые мысли, и он не знал, как рассказать о них маме и страшно не потревожить её. Он остановился на мосту с чугунными фонарями и окончил рассказ в голове, поставив мысленно крупную точку в конце предложения. Тетрадь он случайно оставил на дощатом столе в гостиной. Сейчас она бы наверняка пригодилась ему.

Аврора погналась за пятнистой бродячей кошкой, но не успела искушать её и вернулась огорчённо к ногам хозяев.

Алиса отправила написанный рассказ с заявкой по почте, но не победила. Лёша также не занял призового места.

Он почти не сомкнул глаз во всю ночь, хотя с ним и посапывала сладко Аврора, спрятавшая тёмный нос в одеяло, и размышлял, как следует действовать дальше. У него возникла мысль о крошечном и скромном домике на дереве, зеленевшем у каменистой горы, где летали зоркие орлы и кондоры с длинными крыльями. Что же делал Никита, когда ему было так обидно и горько?

Лёша написал первое письмо далёкому приятелю и вложил в самодельный конверт с мутной маркой. Затем спрятал его под матрац. Он выскользнул бесшумно через дверь с запасным фонарём и дневником в руках и побежал навстречу свежему яростному ветру и новому свету.

«Ты здесь, Вишневецкий?»

– Да. Я один, поэтому буду говорить.

«У тебя что-то важное?»

– Что-то! – изумился он.

«Это как-то связано с конкурсом?»

– С ним же. Меня никто не оценил, вот так. Что же делать? – спросил Лёша голосом, заглушаемым слезами.

«Почему ты плачешь, невидимка? Большой, а плачешь, как девчонка! Ты же не хочешь, чтобы над тобой смеялись?» – сказал с усмешкой Никита.

– Плакать не стыдно, я не робот. Грустно только, что у меня настолько плохо получается писать.

«Тебе не говорили, как ты пишешь».

– Я чувствую, что плохо.

«Недооцениваешь ты себя, не воображаемый мальчик. Ты молодец! Я знаю, что ты самый настоящий и не совру».

– А я не обману тебя.

«Ты живёшь где-то, и мы даже не можем поиграть друг с другом!»

– Так вот что.

Совершенно невероятным с научной точки зрения образом они поддерживали общение, но ни один из них не был готов терзаться сомнениями по поводу друг друга.

Лёша листал тетрадь с лёгкой улыбкой, которая появлялась перед каждой внезапной идеей. Он задумался, но не понял, почему так больно сжалось сердце в груди. Никита, вероятно, жил на другом конце моря, куда часто мечтала по-

пасть его душа.

«Но я не хочу тебя расстраивать».

Лёша окинул горящим взором сумрачный горизонт. Он встал поспешно с отполированного водой и временем камня, на котором сидел, и, направив фонарик в сторону маяка, решительно произнёс, точно самому себе:

– Мы поиграем. Я пройду через море и разыщу тебя!

Лишь на минуту воцарилось молчание.

Никита был изумлён Лёшей, но совсем не восхищён. Он твёрдо знал, что человека определяют поступки, а не слова, и никогда не верил бессмысленным речам и пустым мыслям.

«Что это?»

– Правда. Пожалуйста, подожди пару дней. Мне нужно подготовиться.

«Мы встретимся, и ты отведишь меня в океанариум к большим рыбам?» поинтересовался он.

– Куда угодно отведу.

«Нет же! Я не хочу... Вернее сказать, мне нравится, что ты повеселел. Я тоже же весёлый. Но путешествие опасно», предупредил Никита строго, как старший брат.

– Мне опасна бабушкина музыка.

«Что же она слушает?»

– Всё очень громкое и неприятное. Море же поволнуется и прекратит, не всегда оно злое.

«Мало ты о нём знаешь», понизил Никита голос.

– Я спрошу у папы или выясню обо всём из книг. Никто не

должен знать, что у меня в планах. Представь себе, что будет, когда я найду ваш дом! Я постучу в дверь, и твои родители удивятся мне, когда раскроют. Подготовь их, чтобы они не пугались.

Он наивно полагал, что пересечёт море и немного спустя благополучно вернётся домой.

Но порою трудно преодолеть стихию, а усмирить так и во все невозможно.

«Что же им сказать?» спросил Никита, казалось, не совсем осознававший намерения гостя.

– Скажи, что я есть на этом свете, и я иду к вам. К тому же, разве не ты меня позвал первым?

«На маяке», невозмутимо отозвался эхом его голос.

– Дождись и не забудь обо мне!

«Почему я должен забывать?»

– Возможно, когда я попаду на другой берег, то не смогу больше услышать тебя. Перед тем, как я сяду в лодку, ты скажешь номер вашего дома и номер улицы. Ты узнаешь меня по сумке и золотистому загару. По тому ещё, как я говорю. Запомни голос.

Глава четвёртая

Над лесистым островом, как назло, не затихал нудный ливень.

Лёша, никуда не сумев уйти, проводил дни с Авророй, которая с мученическим видом лежала на пухлой подушке и тонко и жутко кашляла. Она простудилась, когда играла резво под дождём и ловила лягушек.

– Ну, что же тебе хочется? – спрашивал Лёша. – Может, тёплой воды? Или варёного мяса?

Он чесал тусклую шерсть на большом животе и мягко гладил рукой за повисшим ухом. Аврора неотрывно глядела в его глаза с безграничной любовью, после ластилась и покусывала слегка пальцы с нежностью.

Бывало такое, что бабушка поднималась в комнату за полупрозрачной бумагой, на которой записывала старинные рецепты. Она стучала тихо-тихо в дверь, чтобы напрасно не побеспокоить больную собаку, и переступала неслышно за порог в стоптанных туфлях. Окидывая одобрителем взглядом Лёшу, бабушка переводила глаза на Аврору и плакала.

Неизвестно было Лёше, отчего старые люди льют часто слёзы, и почему незначительное трогает их за живое. Он смущался, когда не понимал некоторых чувств, хотя и сам был переполнен ими.

Тридцатое июля, суббота, 2050

Мне жаль, что я не могу сильно помочь Авроре. Мама почти не говорит со мной о её выздоровлении, возможно, потому что не хочет огорчать. Папа отвозил Аврору в город к врачу, и я разузнал подробности болезни. Простуда не смертельна, и она не умрёт, как я подумал глупо.

Я составил подробный план моего путешествия и приготовился к отплытию во вторник, когда родители будут заняты на работах. Бабушка спит допоздна, её трудно разбудить. Часто она вообще не завтракает и начинает день с обеда.

Я бегал за старой лодкой в кладовую и уже привязал её в надёжном укрытии. (Если шагать дальше по берегу, можно прийти к скале со сквозной пещерой.) Собрал сумку с дневником и с альбомом на случай, если закончится первый. Алисе же я успел сообщить, что пушусь странствовать. Она злилась, морщила носик, и я прекрасно понимал, почему она считает меня безрассудным.

Мне не страшно уходить. Я не знаю пока тяжести разлуки нежной, как некогда выразилась Алиса. Она нередко говорит умные слова и делает это таким образом, что её все со вниманием слушают. Я не слушаю, но прислушиваюсь, поэтому Алиса звонко смеётся. Помимо письма она умеет вышивать. Я видел, что она приносила вышитую крестом картинку маме, и та ласково хлопала её по плечу. Картинка была прелестная. Я попросил Алису обучить меня шитью, но

она сперва отказалась.

– Какое шитьё? Это дело не для мальчика. Из мальчика выйдет отличный писатель, архитектор, врач, да даже танцор, но никак не вышивальщик, – добавила она сухо.

– Всё не так!

– Что, всё?

– Мы можем быть кем угодно! Ты спроси у моего папы, что он делал в детстве. Он был увлечённым мальчиком и учился всему, что любил.

– А что он любил?

– Искусство любит и бисером узоры рисовал. Я как-то спросил его о хобби.

– Как же рыбалка?

– Рыбалка – это труд.

– Но он много сил вкладывает в него, – возразила Алиса.

– Он бы не был моим папой, если бы только трудился.

Хобби для сердца. Никакое сердце не выдержит изнурительного труда, если не подпитывать его любовью и творчеством.

На Алису фраза произвела желаемый для меня эффект.

Она пришла к нам в гости, и я показал ей простые воздушные узоры. Все они были красивыми. Она успокоилась, достала из рюкзака ткань и красноватую нитку с иглой и вышила шляпу мухомора. Я же доделал тонкую ножку и белые пятна, негусто покрывающие шляпку. Я был доволен тем, что сделал и в хорошем настроении поиграл с Авророй. Она впервые поднялась шустро с подушки и схватила резиновый

мяч в зубы. Её болезнь прошла совершенно неожиданно.

Алиса пообещала, что не выдаст меня, если её спросят, где я нахожусь, и ответит при крайней необходимости, когда пройдёт время. Мне оставалось дожидаться нового дня.

Я не слышал Никиту, но мне и не хотелось. Нам было хорошо, когда мы молчали. Он по одну сторону изрезанного берега, а я по другую. Мы больше раздумывали над тем, что скажем при встрече друг другу, и привыкнем ли общаться вживую.

Лёша осуществил первоначальную задумку. После ухода родителей он поцеловал в лоб спящую бабушку, оделся чуточку теплее, чем одевался ранее, прихватил сумку с запасом бумаги, карандашей, банок с кабачковой икрой и домашних рогаликов на сметане и ушёл к скале. Он отвязал лодку и, забравшись внутрь, услышал тотчас же оглушительный лай.

– Девочка, остановись! – потребовал Лёша. – Я не возьму тебя. Мы договорились же, пока ты болела.

Стряхнув с морды цветочную пыльцу, Аврора продолжила взбираться по острым камням, не жалея лап. Она не понимала, отчего её друг ввязывается в приключение, но желала пойти с ним, куда бы он ни направился.

– Не могу. Ты же понимаешь, что я не на прогулку иду. Море не для маленьких и хрупких. Прощай, Аврора!

Лёша миновал скалу и, выйдя на свет, с большей силой начал грести вёслами. Он оглянулся в сторону берега, чтобы

отыскать глазами собаку. Её нигде не было. Он забеспокоился, что Аврора прыгнула за ним.

«Нет, не утонула. Она умная, так что я не буду бояться. Верно, она убежит сейчас домой. Как хорошо, что она не человек и не умеет говорить», – думал Лёша.

Поднялось розоватое солнце и окрасило воду фиолетовым, жёлтым и пурпурным. Горизонт был сиреневым, как нежный плоский лепесток. Волнистыми невесомыми полосами плыли облака.

Было скучно и одиноко сидеть одному в лодке среди пустого ленивого моря.

Лёша дышал глубоко и тяжело, вёсла в его напряжённых руках стремительно соскальзывали. Сердце с непривычки билось учащённо. Он остановился рядом с маяком, чтобы дать себе передохнуть, хорошенько обтёр влажный лоб и позвал сухим голосом Аврору. Но Авроры больше не было. Она бегала далеко через шуршащие кусты пахучей полыни, подглядывала за куколкой, не появившейся не свет бабочки, и зализывала раны на мягких лапах, а может быть, спала в грубо сколоченной будке.

Лёша нарисовал в дневнике собаку, точь-в-точь такую же, как Аврора. Когда он в который раз окинул взглядом, полным надежды, путь, который прошёл, невдалеке от берега замигала блестящая точка. Лёша развернул неуклюже лодку и направился к ней. Точка оказалась позолоченным ошейником с выгравированным красивым именем.

– Скорее залезай ко мне! Ну же, тихо, тихо, отдышись.

Лёша затащил мокрую собаку в лодку. Аврора развеяла его смертельную тоску и, отряхнувшись несколько сердито, высунула язык.

Лёша пригрелся на солнце. Его клонило в сон.

– Эх, не надо мне спать. Я так всё самое интересное пропущу. Вперёд! Девочка, взбодри меня.

Аврора, точно улыбнувшись, встала на задние лапы, чтобы показать очередной собачий фокус. Она изящно балансировала и виляла липким хвостом в лодке, пока та не качнулась резко набок, и Лёша, решивший устроить перекус, подавился рогаликом и глухо закашлялся. Он остановил танец молниеносным движением ладони и поправил кепку на голове.

– Теперь я точно не усну. Хочешь, я спою песню? – спросил Лёша, убрав выпавшую банку. Аврора чувствовала, что друг обращался совсем не к ней. Она легла расслабленно под ноги.

Лёша потрепал Аврору за шерсть, с которой ещё стекали капли, взмахнул вёслами энергичнее и запел.

Громкий и пронзительный куплет он исполнил вместе с Никитой.

Музыка закончилась, когда завыл недобрый ветер. Чистое ласковое небо мгновенно затянуло тучами, и Лёша снял кепку и закутался в оранжевый дождевик. Он отдал несколько ложек икры голодной и продрогшей Авроре и остановил лод-

ку в нескольких метрах от нового маяка с блёклыми цветами. Подобные маяки он рассматривал в толстых книгах с чёрно-белыми картинками.

– Смотри, мы можем укрыться внутри!

Разбушевалось море. Чёрные волны пенились, раскачивая нещадно лодку.

Лёша отложил вёсла, и на мгновение ему показалось, что весь мир затих в невыносимом ожидании. Он хотел было вытащить лодку на ступени, перепачканные тиной, но до него донёсся дикий рёв. Аврора затрепетала от ужаса. Она смотрела огромными глазами на высокую мутную волну, которая неслась бешено на них, и жалобно плакала.

Лёша оставил лодку, схватил Аврору и прижал её испуганно к груди.

– Мы спрячемся! Я обещаю, что мы спасёмся! – прокричал он, забрал также сумку и подбежал к двери.

Шум неумолимо приближался. Лёша дёрнул за ручку, но слегка заржавелая дверь не открылась. Он заколотил в отчаянии ногой по толстому железу, и яростная волна временно оглушила его.

Глава пятая

По пляжу ходили встревоженные люди и спрашивали, качая головой:

– Что же творится? Откуда появился ребёнок? Зачем он один сидит у воды? Может быть, он потерялся и теперь не уходит в город, чтобы совсем не заблудиться? Почему он молчит? Ну же, пусть скажет хоть словечко нам, и мы тогда поможем ему! Мы обязательно поможем, чем сможем! Но если он ничего не произнесёт, мы не подойдём к нему даже.

Одна женщина в парике из каштановых кудрей сделала фотографию мальчика и растворилась в скрежете шин.

Лёшу встретил красивый, но неприветливый город из стекла. Между внушительными одинаковыми домами, выстроенными на славу и ослепляющими ярким блеском, были посажены маленькие садики. Мигали плоские крыши магазинов. Не смолкала танцевальная музыка у переполненного кинотеатра.

По всей видимости, недавно проходил праздник, так как всюду гуляли наряженные дети с воздушными шарами.

Лёша хотел надеть костюм Человека-паука, но у него не было денег. Как только он очнулся, обессиленный и помятый, к нему тотчас подошла девочка с чёрными косами.

– Наконец-то проснулся. Ты знаешь, что нельзя спать у воды? – спросила она неравнодушно.

Лёша не решился ответить. Он смахнул песок, раскрыл кожаную сумку, валявшуюся здесь же, и расстроился, когда увидел, что случилось с бумагой. Она вся вымокла, и на ней нельзя было писать. Дневника он и вовсе не нашёл.

Девочка ещё раз спросила, повысив голос:

– Больше не спи у воды. Слышишь? Тебя заберут в другое место. Ты там и дня не продержишься!

Он кивнул неуверенно, потому что не знал, где спать можно было.

– Тебе дать руку?

– Нет.

– Какое счастье, что ты заговорил! Давай хоть представимся друг другу. Меня зовут Кристиной. А ты кто?

– Я умею говорить. Уйди, – сказал Лёша и пошевелил онемевшими пальцами на ногах.

Он вспомнил, как держал Аврору, как её с ним разлучило море, и горько заплакал. Не погибла ли она? Выжила, должно быть, и сейчас бредёт одиноко вдоль одного из фруктовых садилов и воеет тоскливо, как волк.

– С тобой точно произошло что-то необыкновенное... Расскажи хоть немножко, иначе я умру от любопытства.

– Не необыкновенное.

– А что же? Как ты попал к нам?

– Был в море. Теперь на другом берегу с тобой.

– Никогда не ходила в море. У нас многие катаются на катерах, но у моей семьи его нет.

Близко продолжали перешёптываться люди, и Лёша назвал тихо своё имя. Его глаза застилала мутная пелена.

Он рассказал, что шёл вперёд из-за одного надоедливого и доброго голоса, и Кристина полностью поверила ему.

– Почему ты остановился на пляже и не идёшь?

– Кто мне подскажет, где нужная улица? Я не хочу ни с кем говорить, кроме тебя... Ты многие улицы знаешь?

– Все. Я живу тут с рождения. Так куда хочешь попасть?

– На Гранатовую улицу, дом двадцать пять. Он далеко, ведь Никита каждый день рассматривает озеро.

Кристина подумала маленько и пожалала худыми плечами.

– Не знаю Гранатовой. Есть Гранатная. Озера тоже нет, есть склон с водопадом. Что-то ты путаешь.

– Проведёшь хоть на Гранатную? – спросил с надеждой Лёша.

– Проведу. Руку?

Она помогла ему подняться, и он почувствовал, как у него кружится голова. По дороге он держал рваную сумку и много интересовался помощницей, устроившей экскурсию по городу.

– И зачем ты сидела рядом? – спросил Лёша.

– Просто.

– Просто не бывает.

– Ладно, ты прав. Я посочувствовала тебе. Не видела никогда, чтобы мальчик валялся совсем один.

Они прошли через обширную библиотеку с резными

дверьми и кремовыми скульптурными колоннами.

– Я хожу сюда, когда мне надо сделать реферат в школе.

Ты когда-нибудь писал их от руки?

– Да, несколько.

– Тяжёлое это дело. Но мои слова не всегда понятны учителям. Кстати, мой дядя учит молодых людей. Сегодня у него закончился отпуск, и он больше не занимается самокопанием. Я могу проводить тебя как-нибудь к дяде.

– Не забывай, что мы идём на Гранатную улицу.

– Точно! – вспомнила Кристина.

Лёша любил открытых и участливых людей. Во время разговора, казалось бы, ничего не значащего, он мог не мучиться угрызениями совести по Авроре и спокойно наблюдать за взъерошенной макушкой девочки в лиловом платье с тёмно-синими бантиками.

Экскурсия прошла быстро. Кристина остановилась возле футбольного поля, огороженного металлической сеткой, и указала на ряд домиков из красного кирпича.

– Это она. Одна из маленьких улиц.

– Мне искать надо?

– Нечего искать! Возьми и постучи к людям. Не прогонят и ответят, где двадцать пятый находится.

– Я постучу, – сказал Лёша, но никуда не пошёл. – Давай со мной.

– Ты что же, боишься?

Кристина взяла Лёшу под локоть, и они вместе поднялись

по лестнице к четвёртому дому и постучали вместе в дверь. Дверь отворила бабушка с деревянным крестом на груди. – Что такое? – спросила она ласково и надела очки, чтобы ближе рассмотреть детей.

– Не подскажите, где здесь стоит двадцать пятый дом? – спросил Лёша. – И где озеро?

В окне бабушки показалась голова породистой кошки. Она умывалась на подоконнике и лениво следила за мошками, кружащимися над бегонией.

– Мальчик, не сердись, но озера нет и двадцать пятого дома нет. По крайней мере, на Гранатной улице. У нас дома-то всего двадцать три.

Лёша постарался услышать Никиту, но тот не издавал ни звука. Неужели ему действительно мерещился голос, и не было Гранатовой улицы, о которой он так сладко грезил? Лёша был обижен на Никиту, но огорчения не показал.

– Мы ошиблись, верно, мы ошиблись, – повторила Кристина. – Пойдём домой, хватит с нас незнакомых улиц. До свидания!

– Ничего же, со всеми бывает. Переходите только аккуратно дорогу и смотрите по сторонам, – предупредила бабушка и, сняв очки, закрыла за собой дверь. Кошка спрыгнула с подоконника, когда её хозяйка оказалась на кухне с пакетом сухого корма.

Лёша ушёл на футбольное поле, совсем неподходящее для активных игр. Он сел возле полосатых ворот, измазанных

красно-белой облупленной краской, и, вынув конверт с облезлым письмом, глубоко задумался.

– Всё потеряно!

– Не горячись. Зачем было Никите тебе врать?

– Не знаю. Чего он хотел этим добиться? Мне надо вернуться к маме, папе и бабушке, – промолвил Лёша. – Я оставил их совсем одних. Им очень больно, что я не с ними.

– Знаю. Но ведь Никита ждёт? Ты пообещал, что поиграешь с ним, и вам будет весело.

– Обещал. А где двадцать пятый дом на Гранатовой улице? Он не назвал даже своего города.

– Может, он живёт дальше?

– Где?

– На другом материке.

– Но голос его шёл с моря. А теперь он не говорит со мной почему-то, – сказал Лёша и смял небрежно письмо.

– Что там написано?

– Описание рыбы, которая мне понравилась в океанариуме. Я бы написал много-много таких писем и отдал бы их Никите. На случай, если я не свожу его в океанариум.

Они возвратились на пляж, и Лёша покидал камешки в море со скуки. Люди не переставали переглядываться. Для них Лёша был всего лишь чужаком.

Кристина в который раз пригласила его в гости к дяде, и он согласился, несмотря на мрачное настроение.

В доме под стеклянным куполом царил беспорядок. Везде

были разбросаны мятые и старые бумаги, исписанные формулами и косыми строками. Гостиная была скромна и почти пуста. На стене, обклеенной простыми обоями, висела картинка механической детали, нарисованной синим карандашом.

– Твой дядя не поругает нас, что мы в доме без разрешения?

– Нет. Он говорит, что я могу заходить к нему, когда угодно. Особенно, если негде спрятаться от дождя и грусти. Я всегда грустная, когда плохая погода.

– Мне всё равно, что за окном.

– Повезло тебе, Лёша. Я вот не могу, когда пасмурно. Уж очень хочется рыдать. Ещё как представляю, что не убегу от дождя, так совсем настроение портится.

Дядя уже повернул ключ в замке и вошёл в прихожую. Кристина убежала за ним, а Лёша остался сидеть на диване перед картинкой.

«Что это за искусство такое? Он что-то делает своими руками? Наверное, гениальный человек», – догадался мальчик.

– Ты не поверишь! – радостно проговорила Кристина. – Подожди, не проходи. Дядя нашёл собаку. Сейчас мы вымоем её с шампунем и пустим к тебе!

Лёша заметно улыбнулся и взял с трепетом книгу из открытого соснового шкафа. Он давно не читал и хотел поскорее узнать, что читали в этой семье. Он полистал неторопливо книгу с позолоченными буквами на корешке и поставил

её назад, когда раздался топот быстрых лап.

– Встречай! – вскрикнула Кристина и всплеснула в ладоши.

Ему навстречу выскочила чёрная собака. Лёша без лишних слов прижался к ней и расцеловал её чистый мокрый лоб.

«Аврора, как ты?», – спросил он не вслух.

«Без тебя было страшно. Но теперь мы вместе, и мы защитим друг друга», – ответила она милым взглядом.

– Что же ты делаешь?

– Разве не видно?

– Дядя сказал, что эта собака бегала от человека к человеку и лаяла. С тобой она добрая.

– Потому что она Аврора. Она моя собака!

– Неужели? – удивилась Кристина, обтирая руки полотенцем. – Я представляла её другой.

– Какой?

– Большой и сильной, как ты и рассказывал.

– Так и есть. Она сильная, потому что не отчаялась и вернулась ко мне.

В гостиную вошёл плотный, широкоплечий мужчина с седыми волосами и румяными щеками. Он носил небезупречную рубашку, чёрные брюки и носки с золотыми драконами. Лёша тотчас протянул ему руку и поздоровался с ним, как взрослый.

– Спасибо, что нашли Аврору! – сказал он, преисполнен-

ный благодарностью. – Вы взяли её с собой. Вы хороший человек...

Мужчина чуточку смутился и потрепал мальчика за волосы, когда тот отпустил руку.

– Родион Китин. Можно просто Родион или Родя, как называет меня Кристина. Зови, как тебе удобно. – Он кивнул в сторону Авроры. – Теперь она с тобой, а это самое главное. Племянница никогда не приводила незнакомых мальчиков. Значит, вы подружились совсем недавно?

Дядя не отнёсся к мальчику с подозрительностью, но тот подумал иначе. Он решил не рассказывать всю правду, чтобы его не забрали в другое, скорее всего, страшное место.

– Я приплыл из Калининграда к вам в гости и потерял собаку. Потом встретил Кристину. У меня остался билет.

– Приплыл совсем один? – удивился наигранно Китин. – Тебе, вероятно, нет ещё восемнадцати. Или ты кажешься меньше, чем тебе есть на самом деле?

– Мне двенадцать, – сказал Лёша и облизал пересохшие губы. – Всего двенадцать. Но я приплыл не один. Я же говорю, что со мной была Аврора.

– Без взрослых? – допытывался он в шутку.

– С одним взрослым. Только я не скажу его имени. Он будет злиться, что я ушёл исследовать город и не дождал его.

Родион остановился взглядом на книге, которую брал Лёша и улыбнулся.

– Любишь книги?

– Люблю читать.

– Я тоже. Раз в две недели хожу в библиотеку и беру по три-четыре книги. Чтение полезно для ума. Полезно оно ещё тем, что будит наше воображение. Ты видишь то, что скрыто от других. Здорово, правда?

Лёша кивнул головой и снова обратил внимание на синюю картинку. Чем-то она неудержимо привлекала его и чем-то завораживала.

Кристина спросила у дяди:

– Мы сядем есть? Надо чем-нибудь ободрить и гостя.

– Чем-нибудь!

Китин спешно прошёл на кухню и там накрыл невзрачный стол с вазой, где дозревали твёрдые груши и зелёные яблоки. Они съели салат из кукурузы и домашнее имбирное печенье. Лёша никогда не пробовал имбирь.

Кристина грызла тихо кубик сахара, погружала его в чашку с прохладным белым чаем и кормила остатками мясной нарезки Аврору.

За столом они разговорились. Разговор можно было закончить, когда опустел расписной чайник, но Лёшу продолжало одолевать любопытство.

– Что за деталь в гостинной?

– Кажется, я не говорил о своей работе. Очень зря. Скажи-ка, мечтал ли ты когда-нибудь отправиться к далёким звёздам? Смотрел ли мультфильмы о космонавтах и приклю-

чениях на неизведанных планетах?

– Смотрел, как и все.

– Когда я был таким мальчиком примерно твоего возраста... – Он замолчал, предаваясь ностальгии. – Я был романтиком. Мне были не чужды восторженные мечтания, и мне верилось, что я сумею исполнить все сокровенные желания. Так же, как и ты, я прочитывал книги, представлял себя на месте любимых героев, хоть и следил за одними выставками по роботостроению. Мне было интересно, чем живут ребята, каким они видят будущее.

– Каким? – спросил Лёша.

– Прекрасным! Там было много мальчишек и девчонок, полных светлых надежд. Они делали хорошее дело. Я узнавал новости из мира науки и вдохновлялся идеями тех, чьи мысли были подобны моим, пока не стал развивать собственные. Так я сдружился с парнем, который был твёрдо уверен, что жизнь существует и за пределами нашей планеты. За пределами Галактики. И живут там не инопланетяне, а такие же люди со своими переживаниями и чувствами. В юношескую пору безумной увлечённости я строил чертежи разработок. Мне нравились мои знакомые и незнакомые. Мне хотелось общения, больше, больше общения! Я налаживал связи, но был слишком открытым и доверчивым. Мой друг поддерживал меня во всех начинаниях и давал советы. Он никогда не уговаривал меня следовать лишь одним путём, но верил, что я со всем разберусь и построю когда-нибудь

корабль, способный переносить нас в другие галактики. Деталь, про которую ты спрашивал, изготовлена специально для корабля.

Лёша слушал Китина, невольно затаив дыхание. Он и подумать не мог, что попадётся однажды к человеку, который исполняет настолько смелую и грандиозную мечту.

«Написать бы про Родиона Китина рассказ или повесть. Нет! Целую книгу, и чтобы она непременно трогала за живое!», – подумал Лёша.

– И как друг? – спросил он, и Кристина забрала его чашку в раковину. – Он трудится вместе с вами?

– Нет.

– Как же?

– Я говорил, что он верил. Уже как лет тридцать пять не общаемся, – ответил Китин, и его глаза заблестели грустью. – Не надо винить его в молчании. Я тоже много молчу.

– Значит, у вас есть команда, – заключил Лёша.

– Четыреста сорок три человека.

– По пальцам их не пересчитаешь, – сказал он, а после добавил: – Вижу, как вам плохо. Я больше не задам глупые вопросы.

– Не спрашивай о друзьях. У меня с ними большая проблема, – признался Китин и, встав из-за стола, расходился задумчиво по кухне. – Их нет.

– Чем люди из команды не друзья?

– Дружат, и я с ними с удовольствием дружу. Но их четы-

реста сорок три, а я один.

– Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей!

– Хорошо, Лёша, что ты так думаешь. Я думаю, что мне нужен один друг, который бы успокоил меня, когда терзают тревоги. Я знаю, как важна связь с миром и с обществом. Общество помогает стоять крепко на земле и делать земные дела. Но также я чувствую, что мне жизненно необходима связь с одним человеком. Такого человека я называю своей родственной душой.

Кристина выключила воду и повернулась к дяде с унылым видом.

– Ну, что ты говоришь гостю? Не доставай Лёшу, он устал.

– Ничего я не устал, – вмешался мальчик. Китин прогнал его дремоту. – Вы не останавливайтесь, если хотите.

– Нет. Кристина правду говорит. Я время от времени достаю болтовнёй.

Он убрал остальные тарелки и домыл их мыльной губкой вместе с племянницей.

– Уже поздно, твой взрослый не побеспокоится? Можешь переночевать у нас.

– Переночую у вас. Мне понравилась ваша компания, – проговорил Лёша.

То ли так действовала на него обстановка, то ли люди, но он действительно обрёл спокойствие.

Перед сном, сидя у круглого окна, откуда лил фонарный свет, он попросил Китина дать ему бумагу.

– Ты хочешь что-то записать?

– Я писал дневник, но он упал в воду. Мне хочется писать почти всегда.

– Ты случайно не желаешь стать писателем?

– Не смотрите, что мне всего двенадцать лет.

– Таланту возраст не помеха! – сказал Китин твёрдо и вынул из тумбы ручку и нелинованный блокнот с салатовой закладкой-ляссе. – Бери. Я пишу на других листах. Кристина вообще не пишет. Не любит она, всё печатает на компьютере.

Лёша считал, что злоупотребляет щедростью хозяина. Об этом он и высказался вслух.

– Ничем не злоупотребляешь. Не спорю, ты появился сегодня неожиданно. Я не ждал мальчика. Но если ты здесь, значит так и должно быть. Глупо отказывать тебе в простых бытовых вещах.

Он собирался уходить, но задержался ненадолго у двери.

– К тому же, ты соврал, что приплыл со взрослым.

– Да. Почему вы не поругали меня?

– Зачем ругать? Я не знаю, что ты натворил плохого. Но больше не обманывай! Ложь раскроется, а тебе сделается больно и обидно.

– Меня не заберут отсюда?

– Если будешь честным. Я уважаю честных взрослых и рассудительных детей. Если сейчас сядешь писать, то включи лампу, чтобы зрение не посадить.

Он ушёл, не пожелав добрых снов.

Лёша сделал так, как он говорил, и написал первые три страницы блокнота тесным почерком, после перечеркнул последний лист, когда увидел пять ошибок в семи предложениях, и переписал вновь. Каждое слово перепроверил несколько раз и расставил верно, как умел, все запятые. Он положил голову на буковый стол, пахнувший славной стариной, и уснул нескоро под храп Авроры, представляя голос Никиты, по которому скучал.

«Это я здесь! А где ты?»

Глава шестая

Днём Китин отвёл Лёшу на базу за водопад, где велось строительство космического корабля.

– Некоторые, особенно важные части, доставляют из других стран, – объяснил Родион. – Поэтому приходится их терпеливо дожидаться. Тебе, наверное, будет интересно познакомиться с моими лучшими строителями и фрезеровщиками. Один трудится даже во время отпуска.

Они пересекли испытательный центр и, свернув в коридор, вошли в ослепительно освещённую комнату, откуда из дальнего угла раздавался протяжный резкий звук. Человек в сером костюме с зелёной полосой на рукавах и в белой каске с защитными очками оставил работу на станке. Он поприветствовал Китина и обратился к Лёше:

– Ты важный посетитель. Сюда не заходил никто маленький, кроме Кристины. Тебе нравится космос? – Его губы растянулись в хитрой улыбке, выражавшей энтузиазм. Он снял каску с очками и отложил её на стол с инструментами.

– Да. А вам?

– Я не отдыхаю в городе и не пью соки, а потею здесь. Мне хорошо работать.

– Лёша видел картинку на стене. Он спрашивал, что на ней изображено, и слышал меня.

Фрезеровщик сложил большие грязные руки на груди, к

которой был прикреплѐн пластиковый бейдж.

«Вася Ловкий», – прочитал Лёша.

– Это невероятно... невероятный мальчик, который знает, что слышать взрослых, значит, ясно понимать их. Родя тебе показал корабль, предназначенный для теста? Покажи ему, покажи скорее!

Он спросил, внимательно наблюдая за Ловким:

– А где корабль?

– В соседнем здании, где сидит охрана, – отчего-то неспокойно ответил Китин.

– Зачем охранники?

– Они нужны всегда и везде, для безопасности, – проговорил Вася строго. – А что, если и впрямь что-то пропадёт, то как мы достроим? Мы так не успеем ничего. Нашим людям можно поручить любое дело, они не украдут ни болтика. Это так, чтобы удостовериться.

– Вы подозреваете кого-то, – сообразил Лёша. – Кого? Он строитель?

Китин смерил пристальным взглядом Васю, и тот глянул на него с недоверием. Полные злобы и вражды, они стояли в трёх шагах друг от друга, и стеснялись ссориться при мальчишке. Он не понимал, почему людей испепеляет ненависть, и встал между двумя мужчинами.

– Не злитесь, а лучше помиритесь.

– Ты что! – воскликнул наигранно Вася. – Чтобы я, да с чего-то разозлился? Да не в жизни! Что с ним, Родя? Не пе-

реживай, а то так нервов не хватит, если всех расстараяешься помирить.

Китин произнёс растерянно:

– Лёша, мы не ругаемся. Подойди ближе.

Он подошёл и попросил отвести его к кораблю. Они покинули недовольного фрезеровщика, склонившегося над столом.

– Как вы?

– Неплохо. Мне Вася не испортит день. Ты же о нём?

– Кажется, он обижен на вас за что-то. Не знаю, как на вас можно обижаться, – попробовал приободрить Китина Лёша. – Я бы никогда, никогда!

– Есть за что. Ты только не вступайся за меня. Я старик и умею промолчать, а он пусть несёт, что ему вздумается.

Лёша на ходу записал неразборчивые для остальных, но понятные для себя предложения.

По пути им встретились трое крепких и высоких охранников с тяжёлыми бдительными взорами. Они пожелали здоровья Китину и пожелали всего доброго Лёше. Мальчику нравилось, что охранники были воспитанные.

– Не дашь потом почитать? – спросил вежливо Китин, когда они сели возле корабля.

Мальчик дотронулся осторожно до ледяной конструкции и, убрав руку, смахнул незаметные слёзы. Он увидел своё донельзя растроганное и мутное лицо в блеске серебра.

– Если вы показали мне ваш корабль, то я покажу вам мои

записи. Но не сейчас.

Китин согласился посмотреть записи позднее. Он провёл Лёшу в лабораторию, где стояли стеклянные колбы, и представил его главному лаборанту, который занимался экспериментом. Потом показал площадку, откуда должна была стартовать новейшая ракета.

– Помимо корабля, мы проектируем другие аппараты. Если ты не уплывёшь в Калининград, я покажу, как она несётся вверх.

– Когда?

– Через два месяца, может, через три. Я не стану загадывать, – сказал Китин. – Давай зайдём в библиотеку? Я заберу книги.

Они вернулись в город через остров развлечений.

День стоял необыкновенно солнечный и весёлый. Лёша попевал за Родионом и хватался смущённо за его жилистую твёрдую руку, когда протискивался сквозь громкую толпу.

Двери в библиотеку отворились с тяжёлым скрипом. Китин первым вошёл в крупный зал с кожаными диванами. (Читальный зал пустовал, кстати говоря.) Они поднялись по лестнице к библиотекарю Дмитрию Помощенкову, который по обыкновению гулял между шкапами и полками и баловался шоколадом в синей фольге.

– Ты ведь приходил пять дней назад! Я точно помню, у меня всё записано в книжечке. Сейчас полезу в карман и... эх... Да где же она! – буркнул смешно Дмитрий и спрятал

недоеденный шоколад. Он вынул чистый платок и удивился тому, что он делал в кармане. – Чёрт, её нет! Кажется, я забыл книжечку. Не помню, где забыл.

Китин улыбнулся, хлопнул библиотекаря по полному плечу, и тот неожиданно рассмеялся, точно ему рассказали пре-забавную шутку.

– Ты рано. Так и быть, проходи. Любишь сладости? – спросил Дмитрий дружелюбно и протянул шоколад Лёше. – Бери, он с начинкой.

– Спасибо. Я люблю шоколад, – произнёс Лёша и отломал молочно-солёную дольку.

– Возможно, тебе нужна книга? Их у нас сотни тысяч! Я иногда боюсь, что пропаду в коридорах, настолько они длинные и запутанные.

Библиотекарь обратился к спокойному и кроткому юноше, чтобы тот забрал стопку книг в мягком переплёте и спустился на первый этаж. Китин же, Лёша и Дмитрий отправились вдоль красочных резных полок.

– А какую вы мне посоветуете? – спросил Лёша, пробежав глазами по томам с тиснёными корешками. – Я читал много. Мне нужна новая книга, интересная книга. Без всякой ерунды для малышей.

– Уверяю тебя, здесь нет детских книжек. Все наши книги умные, исключительно для взрослых! – порадовал Лёшу Дмитрий.

– Ты слушай его. Он советует всегда хорошее, потому что

сам такой, – сказал Китин.

Они подошли к шкафу, украшенному изумительной резьбой. Библиотекарь взобрался на стремянку и, потянувшись к книге с твёрдой обложкой, заклеенной скотчем, громко расчихался.

– У нас пыльно!

– Почему же? Никто не убирается? – поинтересовался Лёша.

– Никто, – подтвердил грустно Дмитрий и спрыгнул с шумом на пол. – Держи. – Он протянул книгу Родиону и улыбнулся масляной улыбкой. – А теперь подберём тебе, – обратился он к мальчику. – Что ты любишь?

– Много чего.

– Очень подробно!.. Для тех, кто любит многое, у нас есть отдельная просторная комната с круглыми окнами. Сейчас мы пройдем туда.

Дмитрий после почти не смеялся, хотя сперва казался простодушным весельчаком. Он не вынимал любимый шоколад и был мрачен и угрюм, как тень. Лёша вторым завернул в длинный коридор, настолько серый и настолько безлюдный, что в нём можно было услышать стук собственного сердца. Дмитрий признался в том, что его глодала смертельная тоска по прошлой библиотеке, той самой библиотеке, которая очаровывала людей.

– Вот вы знаете, я не понимаю тех, кто ушёл от нас. Они столько пропустили конкурсов и историй! Что мы только не

делали, чтобы заманить читателей... Решили раздавать книги просто так, бесплатно. Думали, что так легче и нам, и другим. Оказалось всё наоборот. Книги раздали, а когда большая часть закончилась, к нам перестали заходить совсем. С тех пор так и пыльно. Не то, что бы некому убираться, да только толку никакого. Всё равно и уборщикам, и моим помощникам, и мне самому отчего-то плевать. Надоедает иногда, но по-другому не получается, как бы мы ни старались, — произнёс Дмитрий, едва сдерживая слёзы.

— Может, поэтому и не заходят, — предположил Лёша. — Вы просто не убирались, опустили руки.

— А как их не опускать?

— Держите их повыше, не прячьте по карманам. И вообще, что за настроение? Я подумал, что вы мне просто предложите книгу, а вы нюни развели!

Лёша протиснулся перед тучным библиотекарем, у которого тяжело вздымалась грудь. Он был расстроен, что его учил жизни маленький мальчик и хотел его поругать. Но он промолчал, так как боялся подымать голос при Родионе Китине. Для него Родион был самым спокойным, мирным и добрым человеком, не способным громко ругаться даже на тех, кто вызывал у него презрение и злость. Он мечтал походить на Китина, а желание походить на своего кумира, без сомнения, честолюбивое желание. По крайней мере, Дмитрий думал только так и никак иначе.

— А что с настроением?

– Оно никудышное. Возьмите хотя бы моё в пример! Я не живу в этом городе, – признался Лёша. – Ходил семь дней и шесть ночей по морю, почти что без еды и воды, боролся со стихией. Под конец ей удалось меня сломить... Но не сломать! – хвастался он, ухмыляясь. Всей правды Дмитрию было знать необязательно. Нужно было поднять его моральный дух и прогнать печаль, точно сон. – Меня вынесло на берег, рядом со мной нет мамы и папы, хотя я по ним жутко скучаю. Есть только собака Аврора, Родион и Кристина, которая меня нашла и помогла. Больше я ни с кем особо не знаком. Но мне очень хорошо от мысли, что сегодня вы дадите мне книгу, которую я не читал. Я рад, и вы радуйтесь. Если не можете, я поделюсь с вами радостью. Поделюсь ею со всеми, кто работает здесь!

– Но как же? – воскликнул Дмитрий, внимательно смотря в глаза мальчика. – Как ты поделишься, если радость даже взвесить нельзя? А если и можно, то у меня нет весов. Первым делом покупать, тратиться... А от лишних трат радости не прибавится.

Родин Китин закивал энергично, читая стоя книгу.

– Я помогу. Помогу с библиотекой! Мы уберёмся, а потом создадим яркий сайт. У вас он есть?

– Кажется... наверное... – задумался Дмитрий и прошёл к дубовой двери с изображением компьютера, чтобы отворить её. – Мы только его не обновляли лет так пять.

– Видите, о вашем сайте никто и не знает. Распечатаем

листовки, сделаем рекламу огромных размеров, чтобы каждый в городе мог её увидеть! А дальше дело за малым. Не говорите, что не догадывались сами, а то я посчитаю вас ужасным библиотекарем.

– Догадывался, конечно. Но ты не сказал секрет деления радости на всех, – будто бы обиженно произнёс Дмитрий.

В комнате с компьютерами цвела жиденькая зелень и увядало абрикосовое дерево. Кто-то сидел за столиком и, уткнувшись в книгу, вероятно, очень интересную, читал с закрытыми глазами и сладко храпел. Он не просыпался, пока его не разбудил недовольный Лёша.

– Здесь вам не детский сад, сон-часа нет! Подъём!

Разбуженный человек вытаращился в изумлении на Дмитрия Помощенкова, схватился за волосы, влажные от пота, и вскочил со стула.

– Простите! Я задремал, не знаю, как так вышло!

Он пошатнулся, задел локтем стопку книг, и та рухнула на ковёр. Тотчас взмыло бледное беленькое облачко, через которое Китин просунул голову.

– А вы, как я посмотрю, очень не аккуратный. Эй, не убегайте с места преступления! – попросил он сонного читателя. – Приберитесь вместе с нами. Как-то совершенно некрасиво выходит, что вы хотите скрыться от нас.

Читатель вмиг проснулся, испугался даже и поднял больше всех книг, а потом убежал сломя голову из комнаты.

– Чудак.

– Просто не выспался.

– Секрет в том, что в библиотеку пойдут люди, – ответил Лёша.

«И кто знает, со сколькими я ещё сумею поделиться радостью», – проговорил он про себя, надеясь, что Никита услышит его и будет им гордиться. Но он продолжал молчать, и молчание это было скорее гробовым, нежели прекрасным и тихим, как раньше.

Глава седьмая

Чем больше человек посещали библиотеку, тем роднее становился Лёша Дмитрию. Он больше узнавал мальчика, считал его большим молодцом. В комнате с компьютерами он помогал Лёше писать и делал это с большой радостью, в особенности, когда видел, как у него получается развивать талант. За долгую уборку платил деньги. На них Лёша покупал бумагу, конверты и марки.

Родион Китин с командой достраивали корабль. Бывало, Лёша приносил Китину бутерброды и, поражаясь всему, что видел, смеялся добродушию охранников и поднимал глаза на звёзды, которые мигали, словно бы, одному ему.

– Я хочу рассказать тебе одну маленькую тайну, – как-то вымолвил тихо Родион.

Недавно прошёл дождь, и Лёша сидел на бревне, свесив босые ноги на кусочек мерцающего холмика. Он сиял прозрачной голубизной. Собственное отражение вызывало негромкий беззвучный смех. Хотелось смеяться ради всего-всего мира и всех-всех планет и летать высоко без крыльев.

– Точно маленькая?

– Она очень маленькая, но очень страшная.

Лёша отодвинулся, чтобы Родион присел рядом.

– Спасибо. Я уже говорил, что раньше у меня был друг.

– Но вы же не хотите говорить о друзьях! У вас проблема.

– Да, – смутился Родион, отведя взгляд на деревце, растущее неподалёку от лаборатории.

Лёша знал, что в его шумящей кроне было построено глубокое гнездо. Он лично выманивал птиц и кормил их семечками, а с недавних пор наблюдал за голубятами.

– Говорите. Я умею хранить страшные тайны.

– Ты единственный, кто будет её знать, кроме меня. А мне сейчас ой как тяжело! Думаю, тебе тоже.

– Да уж, нам не позавидуешь, – кивнул Лёша. – Расскажите, мне интересно.

Родион набрался решимости и провёл рукой по прохладной коре, пахнувшей сыростью. Одна из трещин в бревне зарастала бархатистым мхом.

– В общем, этот друг был чудесным, но необычным.

– Разве не все друзья необычные?

– Все, но он был самым-самым! Вот представь себе, что ты только-только приехал в деревню и после игр с соседскими мальчишками страшно проголодался. Родители приготовили сытный ужин. Вот они закармливают тебя пирожками с капустой, картошкой и грибами, бабушка курником. Вдобавок подливает четвёртую чашку компота из сухофруктов. Тебе уже тяжело, но ты ешь с улыбкой, потому что не хочешь никого обижать. Ночью тебе не спится, болит живот, и ты вертишься, сминаешь несчастное одеяло, шепчешь, мучаясь: «Я точно лопну!» И вдруг кто-то шепчет в ответ: «Хо-

рошо, что ты не воздушный шарик, а то от тебя давным-давно ничего бы не осталось». Ты отвечаешь: «Ага, точно». А самого словно обухом по голове ударили, ведь ты лежишь в комнате совершенно один! Но кто же разговаривает, кто он и почему ты его слышишь?

Лёша стал слушать Родиона внимательнее, так как история о появлении друга подозрительно напоминала его. Он отвлёкся от звёзд и холма, который ему нравился. Больше не хотелось летать. Полёт звали никак, и был он ничем по сравнению с другом, которого слышал один мальчик.

– Значит, так вы познакомились? Сразу поверили, что он есть?

– Только после того, как он начал меня преследовать. Он глупо шутил и обзывал меня болваном за наивные мечты. Мечтал я слишком часто. Он будто сидел в моей голове, и я бесился. Казалось, он просто издевался и ненавидел меня, хотя дальше болвана не заходило. Я хотел как-то наградить его сочным словцом, да только передумал. Всё же он делился со мной самым сокровенным и утешал, когда я плакал. Верю, по-настоящему ему не хотелось обижать меня. Бывало, принесу двойку из школы, накажут меня родители, отберут планшет, а он сразу обращается ко мне и жалеет, чувствую, что гладит невидимой рукой по плечу и ласково улыбается. И от этих его прикосновений ещё больше и грустнее делается, потому что человек есть, но его как бы нет. Но он рассказал, где живёт, и всё прояснилось. Он жил не на Земле,

а на другой планете, в другой системе, с которой нам не удалось установить связь.

– Но как же получилось, что вы поссорились?

– Мы не ругались. Я был занят чертежом корабля, всё грешил о том, чтобы отправиться к нему. Он злился, что я подвергаю себя опасности ради него. Мне же было всё равно на опасности. Я был молодой и глупый. В один день он просто замолчал и с тех пор больше не говорит. Не язвит и даже не смешит меня (у него это получалось больше всех, я задыхался от смеха, краснел, и у меня текли слёзы из глаз). Молчит. Поэтому я решил забыть о нём.

– Здорово забыли, раз набрали команду, – заметил Лёша, несколько озадаченный. – Выступили на конференции.

– Откуда знаешь?

– Из газеты. Мама их не выкидывает, потому что считает их ценными. Мол, скоро вообще газеты, журналы и книги не будут выпускаться, а те, что мы сумеем сохранить, можно выгодно продать. Или же оставить на память, что-то вроде семейной реликвии.

– Она права. И такие времена настанут, а пока лучше наслаждаться настоящим... Я ведь и впрямь не забыл. Забыл ли он?

– Наверное, нет. Если он действительно любит вас. Может, он ждёт, что вы прилетите? Надеется? Где он живёт?

– Помню, что его улица связана то ли с фруктом... то ли с ягодой. Абрикосовая или Малиновая, Яблочная или Еже-

вичная. Надо бы привести мысли в порядок и достать старые дневники. В одном из них я строчил о загадочной планете, близняшке Земли.

Лёша замер в восторге, заморгал почти что ошарашенно.

– Вы писали?

– Да кто ж не писал! Все когда-то стишки сочиняли и в писатели пробовались. Но у многих это проходит, как переходный возраст, или в лучшем случае остаётся хобби. Лишь некоторые выбирают судьбу, полную творчества, счастья и горечи. Выбирают люди сильные и смелые. Мне вот не хватило смелости, и я заделался обыкновенным чертёжником, – с деланным смехом произнёс Родион. – Как вы только умудряетесь писать без усталости? Привычка, что ли, как рефлекс или инстинкт? Что вам даёт сил стучать по клавишам компьютера или писать предложения в тетради?

– Я тоже раньше не понимал, а теперь понимаю, – ответил Лёша. – Когда я люблю маму и папу, мне хочется написать о том, как они едут на базар и покупают самую большую и сладкую дыню, если люблю море, то пишу о волнах, жаре и соли. Нравится мне сильно запах свежескошенной травы, больше похожий на запах сахарного арбуза, пишу о Калининграде и детских площадках, – воскликнул он с радостью и добавил скромно: – Но если люблю друга, то пишу о рыбах из океанариума. Никита так же, как и ваш друг, появился случайно. Я услышал его.

– Мы с тобой встретились не просто так, – заключил Ро-

дион. – Какое счастье, что наши друзья не инопланетяне, а люди! Может быть, они и живут на другой планете и отличаются от нас чем-нибудь, но всё-таки у нас общие ценности, и все мы хотим просто быть счастливыми. И если корабль не сломается, если дневники не потерялись!..

– Я обещал Никите, и я исполню своё обещание, – решительно заявил Лёша и, поднявшись, взбудоражил все звёзды.

Китин, до этого не веривший, что когда-либо найдёт верного союзника, вдруг запечалился. Но он гордился мальчиком и не собирался уступать ему в стойкости.

– А я своё, – прошептал он коротко и замутил воду.

Глава восьмая

Лёша не исключал вероятности, что ему не дано было летать, беспокоился, мало ел и из-за слабости писал немного. Если Кристина звала его играть в футбол, он отказывался, и она говорила, что он трус. Лёша в большинстве случаев игнорировал обидные замечания девочки.

– Сама трусиха. Я скоро полечу с Родионом и Авророй на другую планету, а ты оставайся здесь со своим мячом! – откликнулся он с большой гордостью.

– Кто бы говорил. Я бы полетела, но мне не хочется. Мне хватает забот на Земле.

– Какие у тебя могут быть заботы? Всё, перестань! – кричал он, когда Кристина крепко пиналась. – Остановись!

– Не останавлиюсь. Никогда! Никогда!

Она хватала его за руки, чтобы он не убежал, и смеялась беззлобно, почти что беспечно, пока из комнаты не выходил Китин и, взяв их обоих за уши, утаскивал на воспитательную беседу.

Как человек, который следил за окончанием важного дела, он мучился бессонницей и не скрывал нервозности даже от команды. Ему прощали неожиданные приступы страха и подозрительности. Больше всех, на удивление, относился к нему замечательно Вася Ловкий. Он, казалось, не испытывал к Китину неприязни, но всё же был насторожен и растерян,

когда тот поручал задание, а в это время уголки его губ чуть-чуть приподнимались в загадочной улыбочке. Лёша следил за ними и всё никак не мог понять, что изменилось.

«Наверное, все взрослые по-своему нелогичны. Сначала они злятся друг на друга, а потом резко дружат», – думал он с непривычной неуверенностью.

– Ему просто что-то нужно, – решила Кристина, лёжа на траве. – От дяди.

– Но что?

– Деньги! – догадалась она. – Что ещё-то?

– Опять ты за своё! Зачем Васе деньги, когда он и так богатый? У него же хорошая работа, есть дом и семья. Большего для жизни и не надо!

– Милый ты, Лёша, наивный. Если дядя сумеет улететь на другую планету и, может быть, отыщет там пришельцев каких-нибудь, его имя будет известно на весь мир. Он останется в истории, как Ломоносов или Гагарин. Дядя будет чертовски богат, у него появится много поклонников, которые также захотят создавать космические корабли. А представь, если рядом с ним окажется Вася? Ну, когда он полетит. Не спорю, Ловкий хороший работник и много полезного сделал, но он не вложил душу в изобретение, как дядя, он не грезил им днями и ночами, не страдал и радовался, потому что он просто Вася, который хочет денег и популярности. Вася самый настоящий лис!

– Хитрец какой. Но что, если я лечу с Родионом? Вася

пока не догадывается.

– Будь осторожнее с ним, – предупредила Кристина, и глаза её заблестели. – Каждый из членов команды заслуживает почестей и благодарности, но больше всех их заслуживает дядя, ведь он сердце корабля. Кстати, почему ты хочешь полететь? Чтобы сделать такой отважный шаг, нужна особая причина. На самом деле, я боюсь. Я и впрямь трусиха. Потому что неизвестно, что там за пределами нашей планеты.

– Ты не трусиха, – сказал мягким голосом Лёша. – Совсем нет. Все чего-то боятся.

– Не подбадривай, я лучше тебя знаю, какая я.

– Ладно. Я тоже боюсь, но надо. Если я этого не сделаю, то буду винить себя и называть по-всякому. Тем более, я уже как три недели назад ушёл... уплыл из дома. Пусть всё будет не зря.

– Не скажешь?

– Нет.

– Хорошо.

И Кристина поняла его, хотя была очень любопытна, а любопытство штука тяжёлая, ненасытная, как дикий зверь. Она раскинула руки, прикрыла глаза и загадала желание, чтобы Лёша с дядей обязательно нашли то, что искали. Она пожелала им счастья и удачи.

Двадцать четвёртое августа, среда, 2050

Завтрашним утром мы наконец-то полетим.

Мне удалось рассказать об этом Дмитрию, и он был в ужасе. Он отговаривал меня весь день и уверял, что это плохая идея. Я люблю идеи, особенно те, которые долго созревают в голове. Дмитрий хороший, слишком мягкий человек, но он не верит, что Китин совершит научный прорыв. В доказательство нашей неудачливости он привёл несколько строк из плохого романа, который взял с полки и открыл на первой попавшейся странице. Там было написано с красной строки: «Он не брался за учёбу, потому что было грустно и тяжело, и гудели осы». Уж очень глупо! Осы не будут мешать, если ты сам их не потревожишь. Да и какие могут быть отговорки, когда вокруг столько бесценных знаний?

Дмитрию нравилось так иногда гадать на книгах. Я пошутил, что он так скоро превратится в гадалку, а он, кстати, не обиделся и показал широкие браслеты и кости, хранящиеся в одном из тайных ящичков. Черепа на браслетах были уж очень страшные и кровавые. Я отвернулся, Дмитрий усмехнулся.

Мне делается лучше, когда обычные с виду люди оказываются очень необычными. Когда у них есть хобби, о которых я не догадываюсь. Мне хотелось бы, чтобы люди перестали вешать ярлыки (Дмитрий объяснил, что ярлык может быть не только в компьютере) и чтобы скорее разрушились все стереотипы, потому что они никогда нас не определяют. Жаль, что я поначалу считал Дмитрия книжным червём и не воспринимал его всерьёз. Он пачкался шоколадом и со-

вал не растаявшие дольки в руку, потому что был добр, а не глуп. Я привезу ему книги с другой планеты. Наверняка на нашей он все прочитал, иначе у него не была такая здоровенная голова.

Кристине пообещал, что не буду дурить. Хотя мне хочется! Она, как старшая сестра, всегда строга ко мне и смотрит на меня свысока, хоть и любит. Да, она меня любит, и я её тоже.

Многие действительно считают, что мы семья. Я и впрямь хотел бы иметь такую семью, но не могу. Страшно за маму, за папу, бабушку и Алису. Они все, кроме Алисы (если, конечно, она не проболталась, как это бывает), не знают, где я и что со мной. Да к тому же, я сам мало чего знаю, что будет дальше. Если нам повезёт (удача, приди, удача, приди!), то нас ждёт успех.

Родион нашёл старые тетради и, что самое прекрасное, узнал, где живёт его друг Роман. На той же улице, в том же доме, что и Никита...

Неужели Роман его папа? Мне было нелегко поверить в записи Родиона, и я перечитывал их раз пять точно, меня уже тошнило от букв, но я продолжал читать, пока не осознал весь масштаб и значимость полёта.

Кристина разогрела булочки с разными начинками и разлила чай по одноразовым стаканчикам, которые взяла на просторной кухне базы. Пока мы разбирались с дневниками (у Китина в тринадцать лет был неряшливый и неразборчи-

вый почерк), наступил вечер.

В конце концов, нас проведаль Вася Ловкий. Один из работников проболтался ему, что я полечу с Родионом. Он пододвинулся ко мне, поморщился, будто от боли, и взглянул на меня с тайным злым умыслом. От него веяло напряжением.

Хоть бы Родион и Кристина не уходили! Мне страшно оставаться с этим человеком один на один.

– Ну и как поживает будущий космонавт?

– Отлично. Вы зачем пришли? – спросил Лёша резко и провёл пальцем по старой странице, где были смазаны буквы.

– Что с тобой? Ты сегодня очень недружелюбный. Я тебя понимаю, понимаю... маленький ещё... Ты уже прошёл тест на здоровье?

– Ага.

– Ну и что? Есть что-нибудь, что может помешать? Проблемы с кровью, зубами или позвоночником?

– В отличие от вас, у меня прекрасное здоровье, потому что я младше. В этом мой плюс.

Родион, будто бы чувствуя, что мальчику беспокойно, передал ему последнюю оставшуюся булочку с малиновым вареньем, и хоть он не улыбался широко, на щеках его проступали маленькие ямочки. Как же тогда удивился Вася и обиделся на них обоих! Чтобы какой-то мальчишка отважился

отправиться в космос вместо него, да ещё и отвечал настолько дерзко и невозмутимо, словно его не пугало безвоздушное пространство и не пронзали до дрожи кометы, и планеты, и звёзды, и не сводила с ума вся безжизненная пустошь с клочками цветного тумана? Казалось, у Васи был особенный план на случай, если Лёша будет мешать, и он бы придерживался его в любом случае, потому что он никогда не отступал и не сворачивал с намеченного пути.

– Богатырское! – похвалил Вася с примесью лёгкого раздражения.

– Есть такое. Не хочу обижать, но вы сейчас не вовремя.

– А что, а что? – спросил Вася, засунув морду в страницы, обклеенные блестящими наклейками. – Ух, как красиво, как интересно!

– Не ваше дело!

– Почему же ты такой вредный? Родя, он не показывает мне их, будто стыдится дневников. Они твои, не так ли?

– Если он не даёт, то не лезь. Подай-ка лучше тот, что в сине-зелёной обложке, он мне нужен.

Вася подал дневник и как бы невзначай спросил:

– Полетите на планету? Не расскажете, что за планета?

– Пока я располагаю информацией о том, как она выглядит (даже рисунок детальный есть), в какой Галактике находится и как её найти среди множества других, абсолютно одинаковых галактик, в каких нет жизни.

– И?.. Как найти?

– Очень сложно объяснить. Не думаю, что ты поймёшь.

– Конечно, я же глупый! – выпалил Вася и, подскочив, ударил по одному из дневников ладонью. – Вы просто обязаны рассказать мне всё в подробностях, чтобы я поумнел.

– Не глупый ты, а раздражительный. Часто горячишься не по делу. Если так хочешь послушать, что это за планета, то слушай. Если чего-то не понравится, то перебивай и спрашивай, но не кричи, а то детей испугаешь.

Лёша тогда посмотрел на Родиона умоляющим взглядом, забрал блокнот и, подзвав Кристину, шепнул ей на ухо:

– Пошли.

Она была удивлена, но перечить не решилась. Они простояли минут двадцать за дверью, пока Родион шептался с Васей, вероятно, для того, чтобы ни у кого не было желания их подслушивать. Но тут завязался спор, и раздался оглушительный хлопок.

Китин вышел вскоре быстрым торопливым шагом и направился по коридору налево. Кристина бросилась бегом к дяде, и тогда Лёша остался совершенно один. Он позвал Никиту, но вместо него услышал пронзительный голос Васи, настроенного крайне решительно. Он весь дребезжал от внутреннего смеха, бросал на мальчика алчный и гневный взгляд и в тусклом зелёном свете походил на лешего, с которого свисали лохмотья. Да, Ловкий был взбешён не на шутку!

– Как ты попал к нам?

– На лодке.

– И что, твои родители знают?

– Почему они не должны знать? Я всё же маленький, как вы говорили, – вспомнил Лёша и невольно отошёл от Васи.

– Сбежал? Я прекрасно понимаю, что ты обманываешь! Как так получилось, что Китин не заявил, что нашёл чужого ребёнка? Почему оставил у себя? Ты ведь не бродяжка уличная, у тебя дом есть! – Вася тяжело задышал и выпучил глаза.

– Есть, но я не могу бросить начатое... оставьте меня в покое! Я полечу, полечу к Никите, и вы мне ничего не сделаете! – выкрикнул он и тут же осёкся.

– На той планете живёт кто-то? Инопланетяне?

– Люди, – поправил Лёша.

– Да какая разница, инопланетяне или люди, все из одной глины слеплены! Слушай, может, ты оставишь дельце на меня? Так и быть, я рискну жизнью и отправлюсь с Китиным, привезу тебе Никиту, если хочешь. Да, он будет счастлив побывать на Земле! Тебе ничего не будет угрожать. Только радость, веселье и удачно достигнутая цель, к которой ты, по всей видимости, не без отваги стремился! Ну, что скажешь? Здорово спать в тёплой постели, не бояться перегрузок (хоть они сейчас и минимальны, наука и не до того дошла), писать в блокнотике и играть с Авророй. После того, как вы встретитесь с Никитой, я сразу же обращусь в полицию, и за тобой приедут родители. Обещаю, они не накинутся на тебя, не рассердятся. Я объясню причину твоего побега и успокою их, а там вы все вместе отправитесь домой.

– Но как же Никита? – запротестовал Лёша. – Если его не пустят на Землю? А как он вернётся на свою планету?

– Это уже не твоя забота. И не моя. Китин придумает, что с ним делать. Поверь, он большой придумщик.

– Как раз наоборот. Он моя забота, потому что он мой друг. Он первый, кто поверил в меня и помог. Я не подведу его. Я сам хочу полететь!

– Ты не понял, – перебил мягко Вася. – Мы с Китиным договорились, что я полечу, а ты нет. Так что прости.

– Если я спрошу, договаривались ли вы или нет, что он скажет?

Лёша попробовал пройти, но Вася перегородил ему дорогу и откинул его сумку.

– Вот ты и попался!

Он схватил Лёшу за шиворот, закрыл ему рот рукой и поволок грубо на другой этаж.

– Если по-хорошему не понимаешь, я буду действовать по-плохому. Прости, что я плохиш. Я не виноват. Меня сделали таким команда и Китин. Он ведь никогда не верил в меня, считал, что я не справляюсь, а потому не доверял сложных поручений. Не брыкайся! Кому сказал, не брыкайся!

Вася ударил Лёшу по губам. Боль придала ему ещё большей отчаянности, и он укусил Васю за руку настолько сильно, что выступила кровь.

– Ничего, мне всё равно, – произнёс Ловкий и заскрипел зубами. – Я не падаю в обморок от одного вида крови.

На ступенях Лёша почти что вывернулся, но Вася поймал его и, рассмеявшись, сжал в крепких равнодушных объятиях. Он не желал добра мальчику, но и зла причинить также не хотел.

– Куда денешься? С тобой одна морока. Вот если бы ты согласился на моё предложение... Жаль, что ты безумный, ведь на твоём месте любой ребёнок обрадовался остаться дома, а ему бы взамен принесли что-нибудь на блюбочке с голубой каёмочкой. Мечтать полезно, но вредно. Я мечтал, что стану космонавтом и поучаствую в опытах над инопланетянами, но получилось быть только фрезеровщиком. Мечта сгубила меня. Я теперь не вижу счастья ни в чём, кроме как в исполнении мимолётных желаний. Зато они реальны. И ты столкнёшься с реальностью, и у тебя ничего не выйдет. Ты вырастешь таким же неудачником, как я! – воскликнул Вася, затащил мальчика в свою каморку и нащупал выемку за полупустым шкафом. – Не боишься темноты? Её не стоит бояться, она не обидит. И не реви, тебя не услышат. Как только Китин прекратит поиски, мы полетим на планету, и мне, наконец, полегчает.

Отворилась крошечная чёрная комнатка без окон. Вася бросил мальчика в холодный угол, и тайная дверь мигом беззвучно закрылась за ним.

Глава девятая

Лёша колотил руками и ногами по стене, но ему не открывали. Не представляя, сколько прошло времени, он обратился к самому себе, обиженный и здорово разозлённый подлым поступком фрезеровщика: «Ну ничего, как только Родион и Кристина меня вытащат отсюда, я задам ему жару! Будет знать, как запирать меня!.. Но как же полёт? Что, если ничего не получится? Что, если я расплачиваюсь за собственную глупость? Эх, был бы у меня блокнот!» Он кричал протяжно: «Помогите!» Но его действительно, как и говорил Вася, не слышали, и не откуда было ждать помощи.

Ночь убаюкивала Лёшу. Он ощущал отрывки снов на сладко слипающихся глазах, из которых почему-то катились слёзы. Чтобы не засыпать, он вспоминал о Никите, и ещё о том, как пообещал Алисе, что быстро возвратится.

В абсолютной тишине его обуял страх. И когда казалось, что темнота вот-вот поглотит его, прозвенел мелодичный голос.

«Я здесь. Я не оставлю тебя!»

– Никита?

«А кто же ещё? Ты что, головой ударился? Или с тобой разговаривают невоспитанные тараканы?»

– Нет, тараканы молчат. Это ты говоришь.

«Как ты? Почему кричал?»

– Вася закрыл меня в комнате... Ты не мог услышать меня. Я ведь считал, что ты живёшь на Земле!

«Не так важно, где живу я, потому что я очень далеко. И я слышал, но ты не отвечал. Странное дело, не правда ли? О Васе ты всегда говорил плохо. Он не заслуживает даже места на корабле! Я смекнул, что ты хочешь и к чему готовишься ещё с самого начала», произнёс смущённо Никита.

– И ты меня отговоришь?

«Хотел бы, но не стану. Я верю в тебя, Лёша!»

– Но я не верю в себя, вот что самое грустное. Кажется, у меня проблемы. Большие проблемы!

«Всё из-за болтовни Ловкого? Что он наговорил тебе? Да ты не слушай, не слушай его! Он просто жалкий человек».

– Жалкий не жалкий, а он мечтал раньше, как и я сейчас. Он до сих пор борется с ветряными мельницами, но не понимает, что дело только в нём самом. Может, он прав, что лучше не мечтать? – всхлипнул Лёша и утёр слезу. – Ведь всё насмарку. Я так важничал перед Дмитрием лишь потому, что был не уверен!

«Не знаю, с кем или чем борется Ловкий, и не мне его судить. Только он неправ. У него не выходит не потому, что он слабый или какой-то не такой, не потому, что не заслуживает мечты».

– Почему же тогда?

«Он рано сдался. Он не был, значит, так привязан к мечте, не был настойчив. Настойчивость ему бы ой как пригоди-

лась!», – размышлял Никита.

– Одна настойчивость?

«Нет. Страсть, желание, стремление, вера и трудолюбие! Всё нужное для исполнения мечты. Знаешь, а ведь я тебя очень жду. Пожалуйста, не сдавайся, ведь мечта близка как никогда раньше», – попросил Никита.

Слова поддержки отчасти успокоили Лёшу.

– Но что мне сделать? Как же выбраться?

«У тебя есть что-нибудь с собой?»

Лёша воспрянул духом и вынул огрызок карандаша из кармана.

– Карандаш подойдёт?

«Боюсь, что нет. Проверь, есть ли в стенах дыры, может, зазубрины. В общем, всё, что указывает на путь к свободе. Объявляю план «Побег» на радость всей планете Понт!»

– Так называется твоя планета? – впервые за долгое время улыбнулся Лёша.

«Да, моя. У нас водная планета, морская. И хоть я и родился на суше, откуда не видать Белого океана, мне совсем не любопытно, как он выглядит».

– Как тогда у вас не может быть океанариума?

«Всё очень просто, над водой пролегают тысячи мостов и железнодорожных путей. Прямо, как паутинка! Так, конечно, людям проще добираться до материков (у нас их всего три, и они малыши), но вся живность гибнет от пыли и мусора машин и поездов. Иногда, когда я выбираюсь в центр

посёлка и вижу чистое небо над головой, у меня поёт душа, но когда я смотрю за горизонт, где громоздятся тучи, нет птиц, то мне хочется плакать. Радует, что дороги скоро будут строить из отработанного пластика. Может, ещё не поздно спасти Понт».

– Никогда не поздно.

Лёша привстал, чтобы ощупать стену, всю холодную и скользкую, как после дождя. Стена уходила всё выше и выше, и потолок был настолько высок, что даже самый большой человек не дотянулся бы до него. Лёша не любил чувство беспомощности. Он пожалел, что в детстве ел мало «Растишки».

«Ну, что там с планом?»

– В процессе, – засопел недовольно Лёша. – Жаль, что я не кот и не вижу в темноте.

«Твои глаза уже должны были давно привыкнуть», с возмущением ответил Никита. Он ужасно волновался, что план расстроится.

Волновались все, кроме Лёшиных тараканов, которым было не всё равно лишь тогда, когда творилось нечто запутанное и немножко весёлое. Это лишний раз доказывало их невоспитанность и высокомерие.

Лёша царапал пальцы, но, несмотря на боль, продолжал искать что-то, за что можно было зацепиться. Он дотронулся до сухого гладкого камня, выпирающего над остальными. Раздался противный скрежет и Лёша вытянул руку, но стены

не коснулся. В отдалении послышался лай, а затем жалобный скулёж.

– Аврора? Авророчка! – позвал её ласково Лёша и побежал ей навстречу. – Как ты здесь оказалась? Вася притащил? Но как он словил тебя, ты же так быстро бегаешь! Лучше, чем гепард.

Она завыла и совсем огорчила Лёшу. Ему было тяжело слышать, как она страдает, и сочувствовал ей сильно.

Они встретились в туннеле и побрели на ощупь в кромешной темноте. Аврора держалась как можно ближе к Лёше и тыкалась болезненно сухим носом в его ладонь.

«Что там?» спросил с тревогой в голосе Никита.

– Идём куда-то, а сами не знаем куда. Думаю, мы на правильном пути и выберемся наружу.

«Зачем Ловкому понадобилась комната, в которой ты сидел? Ты покажи ему, кто тут босс, как выйдешь!»

– Обязательно, так и сделаю, – пообещал Лёша, хотя даже не думал, чтобы проучить Васю, ведь он был выше этого.

Аврора заметила кружочек света и кинулась вперёд без мальчика. Он ринулся следом. На обоих дохнуло свежим ветром, и они выскочили в комнату охраны, где было распахнуто окно. Младший охранник, прикорнувший на диванчике, мгновенно проснулся и, широко раскрыв глаза, неуверенно протянул:

– А это что ещё за гости?

– Димитрий, – обратился вежливо Лёша к охраннику, –

отведите меня к Родиону Китину, пожалуйста!

– А как... как ты вообще попал сюда?

– Димитрий, – с нажимом повторил Лёша, – я вам всё расскажу, но после.

– Но ведь половина пятого утра, а корабль запускают в шесть... шесть сорок, должно быть, – задумался Димитрий. – Вместо тебя Василий летит. Тебе нельзя.

– Вася обманул Родиона. Если не хотите помогать, то я вас больше спрашивать не буду.

– Мне всё равно, что у вас там приключилось, но я помогу. Димитрий открыл дверь, перед этим не забыв надеть тонкую шапку, и Лёша и Аврора последовали за ним.

– Почему?

– Потому что ты мне нравишься больше Ловкого. У него ещё и фамилия неприятная... настраивает на что-то гаденькое. А ты ребёнок. Детям я доверяю больше, чем взрослым.

Наступал рассвет, и понемногу пробуждалось солнце.

– Как же хорошо снаружи! – воскликнул Лёша, наслаждаясь утренней прохладой.

Авроре совсем полегчало, и она бегала по траве, искрящейся от росы, и кружилась с нарядными мотыльками.

Вокруг корабля суетились члены команды. Спиной к густым облакам стоял Родион и с печалью смотрел вдаль, точно ожидал кого-то.

Лёша подошёл к Китину и дёрнул его весело за длинный рукав. Димитрий поспешил уйти, не выслушав объяснений.

– Что ты здесь делаешь? Я думал, что ты уплыл.

– Куда я мог уплыть? Никуда, пока не исполню свою мечту и немножко вашу.

– Вася ведь попрощался с тобой! Я решил, что тебе не так важно полететь на планету, что ты изменил мнение.

– На Понт, – с гордостью проговорил Лёша. – Мы полетим на Понт вместе.

– Неужели Никита заговорил с тобой вновь! – засиял Родион, лаская Аврору.

– Да, и вот ещё что, – замялся мальчик. – Вася меня оставил в какой-то секретной комнатухе, бросил Аврору. Вы на него зла не держите, он не стоит того.

Родион вдруг улыбнулся нежно, грусть в его глазах пропала, будто её никогда там и не было.

– Да за что мне держать? Он, конечно, удивил меня, но я не сержусь на него.

Он наклонился Лёше и шепнул очень тихо:

– Если говорить по секрету, то я не собирался с ним лететь. Ни за что на свете!

Лёша улыбнулся и также спросил шёпотом:

– Можно мы возьмём Аврору?

– Мы часто запускали животных в космос, поэтому у нас осталось много маленьких костюмов и скафандров.

Как только все приготовления были завершены, и подошло время надевать скафандры и садиться на корабль, Лёша попросил у Васи отдать его сумку. Ловкий сделал вид, будто

между ними ничего не происходит и произнёс наигранным тоном, полным сочувствия:

– Ты потерял вещи? Ну как же так? Как ты отправишься домой?

– Пока никак. Я лечу с Родионом и точка.

Вася удивился настолько, что ему сделалось плохо. У него кругом пошла голова, и он спросил не без доли злости:

– Но ты же хотел уйти? Родя, что с ним, и почему он такой внезапный? Ай-яй-яй, кажется, что всё решено.

– Решено. Ты остаёшься, – ответил Родион.

– Но ведь...

Китин не дал ему договорить и продолжил серьёзно, буря недобрый взглядом Васю:

– Остаёшься и больше нам не мешаешь! Ты с самого начала хотел, чтобы Лёша остался, а ты полетел. Нельзя было по-человечески попросить или хотя бы не бросать его в мрачную комнату? Что, если бы он не выбрался, не встретился с Авророй? Ты бы убил их ради себя. И что-то мне подсказывает, что это именно ты воровал инструменты.

– Подавись своим блокнотом, – прошипел Вася и кинул сумку мальчику под ноги.

Ловкий рассвирепел, он одним ударом повалил Родиона и Лёшу и бросился на корабль, но его почему-то не остановили.

– Они с ним заодно?

Родион не произнёс и слова, он подал знак той части ко-

манды, которая должна была быть с ним на корабле с самого начала, и они кинулись влезать скафандры. Лёша застегнул костюм на Авроре, справился впопыхах сам.

Вася спустился в кабину пилотов, вцепился в руль и, закрипев зубами, повернулся к охране, которая бежала его скручивать. Димитрий сшиб Ловкого из кресла. Они закричали что-то бессвязное, покатались по полу, дубася свирепо друг друга кулаками. У обоих летели искры из глаз, и кабина крутилась беспокойно, как хомячье колесо. То утихал, то вновь поднимался шум металла, и уши резали яростные вопли. Родион мельком глянул на Васю, на его горькие слёзы и отвернулся. Постановывая приглушённо от боли, Ловкий наконец поднялся и без прежнего сопротивления покорился судьбе, несмотря на своё несогласие. Он был подавлен, шатался туда-сюда и плакал сильнее, чем когда-либо в жизни.

Нельзя было медлить ни минуты.

Аврора, не привыкшая ещё к одежде, просилась к Лёше на руки. Когда охрана вела разочарованного Васю наружу, она завыла на него по-волчьи и задумала укусить, но её оттащил Родион.

– Не бесись, всё хорошо, – успокаивал Аврору Лёша. – Теперь точно всё хорошо.

Ловкий протянул правую ладонь к мальчику и одними губами попросил прощения.

Он ушёл, не оборачиваясь, краснея не столько от слёз, сколько от стыда, а ему кричали вслед, что он урод. Молчали

лишь Родион и Лёша, но не потому, что они были настолько вежливыми, что знать не знали грубых слов, а потому что думали иначе.

Команда убралась. Вот-вот собирался стартовать корабль.

Лёша ждал затаив дыхание, когда же наступит шесть секунд и считал секунды с нетерпением и страхом. Аврора прижимала уши и хвост и плакала, уже тоскуя о земном солнце.

Когда же заревел двигатель и Лёша обнял Аврору, то не почувствовал ничего, кроме резко нахлынувшей эйфории, граничащей с ужасом. Он задрожал в кресле, закричал тонко, что не хочет лететь. Было слишком поздно. В иллюминаторе голубизна сменилась синевой. После замерцала чернота, произошёл невыносимый по времени скачок, и закипели мозги. На людей пролился свет.

Лёша первым увидел планету, мимо которой они летели. Это был не Понт, а другая планета с таким же красным пятном, как у Юпитера, но только в три раза больше и темнее.

– Господи, – еле вымолвила самая молодая женщина из команды и упала с сиденья, когда корабль ощутимо тряхануло. Она ударилась носом, и у неё пошла кровь.

Напротив Лёши кто-то упал в обморок, и его понесли в другой отсек. Аврора с любопытством побежала за людьми. На неё шикнули, и она вернулась с обиженным выражением морды и застонала то ли от скуки, то ли от волнения.

– Получилось, – проговорил Родион. – Я не верю, что у нас получилось!

Он повернулся к Лёше со слезящимися глазами, всхлипнул два раза, и тогда мальчик указал направо, на синевато-серую планету, но произнести ничего не сумел, так как потерял дар речи.

Глава десятая

Родион Китин сидел, прислонившись к стеклу, а на его коленях дремала, не ворочаясь, Аврора. После полёта ей снился долгий, крепкий и безмятежный сон о Земле.

Лёша понемногу привыкал к скорости, с которой неслышно грохотал поезд.

– Вы подойдёте к нему?

– Да, я подойду, – ответил Китин. – А ты?

– Мне-то зачем? Я к Никите, а к Роману не буду.

– Я не уверен, что он меня помнит, – с тоской произнёс Китин. – Я тогда был ещё подростком... Он точно забыл.

– Увидите, он вас сразу вспомнит!

– Ты так думаешь?

– Не бойтесь и назовите своё имя. Он знает ваш голос лучше многих других голосов.

Известный день, но неизвестное число и неизвестный год

Я пишу «известный день», так как он мне известен совершенно. День долгожданной встречи. Неизвестное число и неизвестный год, потому что я не знаю, в каком часовом поясе мы находимся. Зима сейчас или лето (если зимой здесь так тепло, то мне уже всё очень-очень нравится).

Мы приземлились на другом материке и узнали, что ули-

ца Гранатовая двадцать пять находится в посёлке Пассат. Я никогда не ездил в поездах и боюсь, что покажусь недалёким Китину.

Он рассказал, как путешествовал в разные города, и показал мне карту России с устаревшими обозначениями. Я попробовал выучить их наизусть, но у меня ничего не вышло. Затем мы отвлеклись на другое красное солнце и забыли, что хотели спросить друг у друга.

Родион глядел на меня немигающими глазами. Он рассеянный человек с рассеянным, но участливым взглядом, в котором я чувствую тревогу. Мне стал дорог этот взгляд и корабль, который строил Родион вместе со своей командой.

Я жалею, что так много не был с родителями. Не представляю, как приду к ним и что скажу, чтобы заслужить их прощения. Они, верно, сильно разочарованы мной. Только я горд за себя и Аврору, которая преодолела достаточно. Её по праву можно назвать галактической собакой.

Море было тихим, спокойным, и по небу плыли две ровные чёрные тучки. Что за чудесный день!

Перед высадкой Китин забрал чемодан, а я перекинул через плечо сумку. Местами она порвалась, и мне приходилось держать её крепко обеими руками, чтобы все бумаги и конверты не высыпались на грязь улицы.

Мы шли по посёлку, и я часто подымал голову и следил за странными птицами, которые кружили в густых, но редких облаках неисчислимыми стаями. Все они были огромны и

белы как снег и потому были хорошо всем заметны.

Я спросил у Родиона с любопытством:

– Вам когда-нибудь снились птицы?

– Да.

– И вы летали в своих снах?

– Летал. А почему спрашиваешь?

– Потому что они мне тоже снились. Но мы лучше птиц, ведь мы люди. Люди могут летать не только в небе.

Он согласился со мной. Я улыбнулся своим мыслям, и мы спешно миновали лавочку с диковинными чучелами. Ещё сонная Аврора подошла к продавцу, нюхнула его разок и ринулась за нами.

Невдалеке показался дом. Я забеспокоился, что не сдвинусь с места, если окажусь возле деревянного забора, как ни странно, с алыми гранатами. Родион подтолкнул меня локтем и уверенно предложил пойти первым. (Рядом с этим человеком я быстро смелел.) Аврора, точно чувствуя, куда мы идём, стремительно обогнала меня. Я бросился за ней, всё также аккуратно обходясь с кожаной сумкой.

Перед самой калиткой я восстановил сбивчивое дыхание и крепко взял влажную ладонь Китина. Он кивнул, и я нажал на кнопку звонка. Во двор вышла некрасивая женщина с большим носом и спросила серьёзным голосом:

– Вам кого?

Я заговорил с ней первым.

– К Никите. Он мой друг.

– Не знаю я таких друзей. У него их мало. Я тебя не видела.

– Может быть, вы и не видели. Мы с ним давно дружим, – твёрдо проговорил я и застыл, когда заметил краем глаза мощное дерево и шатающуюся лестницу.

– Насколько давно?

– Не больше двух месяцев, в общем.

– Мало, очень мало, – возмутилась женщина и махнула на меня рукой.

– Не для нас.

– Вас я тоже не знаю. Не видела ни разу, – обратилась она с подозрением к Родиону.

– Он не к Никите, а к Роману. Позовите, пожалуйста, вашего мужа, он всё сразу поймёт!

Из домика спустился ловкий мальчишка.

Я окликнул его по имени. Он обернулся и испуганно спрятал лицо ладонями, будто не доверяя всему, что видит. Я несколько раз позвал Никиту по имени и, отодвинув решительно его мать, кинулся по дорожке. Потом остановился в нескольких шагах от друга и спросил взволнованно:

– Ты не забыл обо мне?

– Не забыл.

– А если бы я прилетел позднее, ты бы узнал меня?

– Узнал.

У меня градом полились слёзы. Я выронил сумку и, упав на колени, стал собирать бумаги, которые разлетелись по

разные стороны. Никита опустил тихо рядом. Он взял одно из писем, внимательно прочитал его и обнял меня за плечи.

– Что это ты пишешь? О чём рассказываешь?

– Ты никогда бы не побывал в нашем океанариуме. Я записал всё, что помнил о рыбах. Кто попался?

– Крылатка.

– Есть у нас такая опасная рыбёшка, – сказал я, утирая слёзы. – А ещё кто?

– Она одна на этом листе. Ну же, не плачь, – попросил он меня мягко. – Ты всё-таки напугал мою маму. Не надо было её пугать.

– Я не хотел.

– Ладно. Пойдём-ка успокаивать её.

Никита помог мне собрать сумку, и я с радостным предвкушением указал на домик.

– Ты покажешь, что внутри?

– Торопливый какой! Покажу, но не сейчас. У нас не принято с гостями сразу по деревьям лазать. И где же твой загар?

– А он должен быть?

– Должен. Ты сам о нём говорил. Я запомнил.

– Я забыл.

Я поругал себя за забывчивость, и мы двинулись вперёд по травяному узору.

– Напомни мне, с какой ты планеты?

– Моя планета Земля.

– И всё же ты отведёшь меня в океанариум. Когда-нибудь.

«И всё же мы не одиноки», – думалось мне, а вокруг кипела жизнь, и Никита освещал её искренней улыбкой.

Конец (а кто слушал, тот молодец!)

Кеша закончил читать и, отложив в сторону печатные листы, откусил ломоть пиццы, приготовленной Дарьей Сергеевной. Он уже не упивался восторгом и не задерживал дыхание, как если бы у него возникал к нам какой-нибудь вопрос, а спокойно ждал критики или похвалы, хотя, конечно же, больше хотел второго.

– Ну, как?

– Сияешь прямо как самовар, – заметила Дарья Сергеевна и легко коснулась кончиками пальцев Кешинового носа. – Умница.

Он смутился, но не надолго и ответил со взрослой серьёзностью: «Спасибо». Затем перевёл такие же серьёзные и пытливые глаза на меня и, доев пиццу, спросил уж очень настороженно, будто я собирался врать:

– А вам? Вам понравилась история?

У меня болело в груди, и сердце было готово разорваться на части. Сделалось тесно и жарко. Я оказался абсолютно пустым от внезапного прилива счастья и сделал неуверенный шаг навстречу Кеше, чуть ли не запинаясь о ковёр под ногами. Дарья Сергеевна заметила, что я весь дрожу, и подлетела ко мне зорким коршуном, попросила присесть. Я не

послушал, потому что не понимал, что со мной происходит, и как долго это будет продолжаться. Кеша раскрыл объятия в полном недоумении и радости от того, что его творчество нашло отклик в моей душе и в моём сердце, он был слепым в своей эйфории и не видел, как я страдаю.

– Так понравилась или нет? Скажите! Не бойтесь, я не расстроюсь, если всё настолько плохо. Эх, я так и знал, что мало приключений! Наверное, Сонечка заскучает, она всё же любит, когда происходит всякое.

Я еле-еле улыбнулся и вдруг прошёл мимо помощника, буравя его недружелюбным взглядом.

– Кто ты?

Он обозвал себя Кешей.

– Кто, кто... Не придуривайся, – попросила женщина, убирая большую тарелку.

– Не говорите со мной так, никогда! Вы мне никто и звать вас никак... Мне надо... надо выйти.

Помощник Кеша вышел на улицу вместе со мной, и я пошёл в сарай и переломал много досок, ободрав руки в кровь.

– Да где же она?

Я прекрасно помнил, что помощница сто тысяч была погребена именно здесь. Теперь же земля пустовала, и страх и тревога начали одолевать с большей силой, как и вчерашним вечером, потрясения которого до сих пор не отпускали меня. Только я поднялся и вышел, как на меня упал оранже-

вый лист и прилип сразу же к волосам. Я снял его, повертел двумя пальцами и огляделся, не поверив глазам. Шла осень, вот-вот мечтал пойти морозящий дождь, и сыростью и холодом окатывало, как из ведра.

– Погодите, не кипятитесь так! Скелет в платье не придёт, а если у вас вновь проблемы, то обратитесь, так и быть, к Макарову. Он ведь остался в телефоне?

– Что ты от меня хочешь, а?.. Слушай, ты тоже это видишь, или у меня крыша едет? – спросил я его, перейдя на нервный шёпот. – Или это проблемы какие-то, беды, так ерунда сплошная... сплошная ерунда, о которой хоть не говори, хоть говори кому-нибудь... Ха-ха-ха, я догадывался, что в жизни всякое бывает, но чтобы в разгар лета со всех деревьев облетали листья, да ещё и ты, помощничек, женщина, с которой я перекинулся парой фраз, домик... Господи, всё слишком живо, чтобы быть сном! Возможно, я не проснулся и хожу во сне? Господи, ударь меня скорее, а то я свихнусь! Раздави, как букашку, чтобы мне полегчало! Чего же ты тянешь? Потому что ты слабак и трус, ты всего лишь воображение!

И Кеша исполнил моё желание как следует. Он ударил не слабо по одной, а затем и по второй щеке, чтобы я прекратил истерику, и повёл к крыльцу.

– Так вы ничего не помните?

– Где помощница сто тысяч? – спросил я, немного успокоившись в скрипучем кресле.

– Мы... Наверное, мы закопали её кости. Она вас пугала, точнее, её дух или призрак, не знаю, как назвать... И вы не помните, что жили в этом доме дольше года?

– Сейчас, получается, двух тысяча пятидесятый? – спросил я и вскочил как ужаленный.

– Получается, что так. Вы болели чем-то наверняка весь год с тех пор, как убили помощницу, – предположил Кеша и смутился от осознания того, что теперь мы приходились друг другу случайными знакомыми.

– Я могу доказать, что не убивал. К тому же, не это сейчас главное. Главное, что центр по производству помощников запятнан кровью и грязью, и мне очень хочется изменить положение дел.

– Но как?

– Я расскажу, что помню. Про всё, что было. Кажется, что мы действительно виделись. Мельком, когда я убежал из центра и давил цветы. Ты кричал вслед, чтобы я остановился, и обещал, что когда-нибудь найдёшь меня и...

– Давайте по порядку, – усмехнулся Кеша. – А поругать я вас и так успею.

Глава шестнадцатая.

Ожившие воспоминания

Когда же я всё-таки вышел на улицу и последовал за Бросовой, меня вполголоса окликнул Виктор. Он остановился у каменной дорожки, ведущей напрямиком к цветнику из лилий, и попросил об одной услуге, которую я ему должен был оказать на праздничном вечере.

– Видишь ли, для меня помощница сто тысяч настолько ценна по одной простой причине... по причине, о которой ты не догадываешься. Я не стану хитрить и что-то доказывать, но мне страшно об этом говорить вслух.

Виктор замялся и замолчал, я подтолкнул его дружески в плечо, но он никак не отреагировал, а только встал как вкопанный. Я сжалился над ним и не шутил, но мне страшно хотелось. Он вынул ярко-жёлтый браслетик из кармана с крупно выведенными буквами «В.Б.» и сунул его мне под нос, как собаке. Я отодвинулся в сторону, потому что заболели глаза и помутнел тёплый цвет.

– Для кого? А, для помощницы сто тысяч! Но что они значат?

– Я назвал помощницу сто тысяч в честь Виктории Бросовой, – произнёс необыкновенно ласково Виктор. – Она и есть Витуша.

– Неужели вы влюбились в неё? Боже, сколько вам лет? Не говорите, я знаю сколько, это просто выражение!

– Мне не важно, что ты думаешь теперь обо мне, и меня мало интересует твоё мнение. Раз уж у тебя есть предрассудки, то мне тебя жаль. Из-за подобных взглядов легко пренебречь действительно важным, а я не хочу наступать на одни и те же грабли. Я дам помощнице имя при всех гостях, которые будут присутствовать в центре, и нас снимут и покажут в новостях. Ты разве не устал видеть, за кого их принимают? Я устал, потому что они мои творения, и я люблю их, как собственных детей, которых, к сожалению, у меня никогда не получится.

– Вас могут возненавидеть, а в первую очередь не понять.

– Ты же понял.

– Я ваш работник, не более того, а вы мой директор. У меня нет выбора, приходится соглашаться во всём, чтобы не вылететь отсюда.

По лицу его промелькнула тень огорчения, но он скрыл её и сразу оживился, сорвав осторожно лилию и поднеся её к носу.

– Тем более хорошо, если каждый человек в центре, думающий об отношениях работника и директора так же, как ты, будет за меня. Я очень надеюсь, что ты за, чтобы у помощников было имя и были права, как у простых людей.

– Плевать, я ни за кого. Ни за вас и ни за помощников. Мне скорее безразлично, что с ними будет, как сложится их

жизнь в будущем. Но что от меня требуется-то?

– Я подготовил одну прекрасную речь. – Виктор задержал в одной руке лилию, а другой вытащил из нагрудного кармана потрёпанный лист, который отражал все его старания и расстроенные нервы. – Не мог бы ты выступить с нею под конец?

– И всё? Её прочесть или выучить наизусть?

– Как всегда возмущаешься! – порозовел Виктор и умудрился обидеться. – Мне очень не нравится, когда ты ведёшь себя настолько своенравно и не чувствуешь, насколько значим центр.

– Ничего, я так, по привычке. Лучше я выучу, давно ничего наизусть не заучивал.

Я скомкал лист, хотел было уйти, но Виктор издал престранный смешок, и мне пришлось обернуться.

– А что значимо для вас, Александр? Вы отстранённый всегда. Может, вам не нравится центр или людей не любите? Бывает такое, бывает, если человек уж очень одинокий и не видит никакой другой радости в жизни, кроме затворничества и книжек.

На вы он обращался лишь в крайних случаях, когда сильно беспокоился или переживал перед масштабными событиями, на каких ему случалось давать интервью или распространяться насчёт дальнейших планов, связанных с помощниками.

– Наверное, у меня и впрямь нет значимого, как, напри-

мер, у вас. Если бы мне был дан шанс увидеть мир во всех оттенках, побывать в новых местах и впервые полюбить по-настоящему, то я непременно им воспользовался, – произнёс я и убежал в беседку.

Выучить текст оказалось сложнее, чем я предполагал. Первую, можно сказать, вступительную часть было запомнить проще всего, середина же давалась с трудом, в отличие от простого конца, который меня совсем не задевал. Переделав его по своему вкусу, я предупредил Виктора о небольших изменениях в речи и отправил их по электронной почте. Он одобрил, но со скрипом, вероятно, раздосадованный тем, что я проявил самовольность.

На вечере я был в старом костюме, оставшемся после выпускного.

Виктор произнёс речь с большой гордостью, и гости тотчас ринулись к закускам. На сцене без украшений играла фолк-группа, и некоторые люди становились ближе, чтобы послушать красивую музыку, и неуклюже пританцовывали в такт без всякого стеснения. Одна из женщин подозвала меня, так как подумала, что я раздаю напитки, а затем кинулась навстречу пожилому мужчине с густой бородой и поцеловала его в пьяные губы. Перед заключением вечера меня отыскала Виктория. Кирилл Михайлович беспардонно кружился рядом с нею в чёрном парике и просил выпить на брудершафт.

– Ну, как тебе?

– Скучно. Не люблю я мероприятия, где много жрут и любезничают.

– Так ведь ты тоже уплетал сыр за обе щеки! – рассмеялась она звонко и перестала выглядеть плохо, как раньше.

– Он в сырах знает толк, – сказал Кирилл Михайлович, жадно облизываясь.

– Жрать не значит уплетать. Тем более, у меня сырная зависимость, и мне можно.

– У меня есть зависимость от шоколада, но я же не бегу к шоколадному фонтану с бутылкой, принесённой из дому.

– Она у тебя в сумке, что ли, лежит? И чего ты с ней потащилась? Вроде бы, не на вокзал пришла.

– Подумаешь, не успела заехать домой!

– Ну да, засмотрелась на симпатичного мальчика? – встрял Кирилл Михайлович, пробуя тарталетки с креветками и авокадо.

– Он не собака! Но я действительно думаю над тем, чтобы взять ребёнка. Я бы его кормила, купала, книжки перед сном читала. Что за наслаждение чувствовать себя матерью!

Виктория приложила указательный палец к губам и хохотнула, и у меня по спине побежали мурашки. Вряд ли она в самом деле представляла, что значит воспитывать маленького человека.

Больше я не разговаривал ни с кем, кроме Виктора. Я спросил, за что он полюбил Бросову.

– Да ни за что, – отозвался он. – Если я люблю, то без

причины. Витуша мне была дорога с самого начала, когда появилась в центре. Она проявляла ко мне доброту, терпение, да и за помощниками ухаживала неплохо. Мы подходим друг другу, потому что имеем общие цели.

– Но вы точно не знаете! Как же вы можете утверждать?

– Я не утверждаю, а чувствую. Она бывает несносной, странной немножко, но разве плохо отличаться от других?

– Вы клоните снова к помощникам? Нет, давайте не будем сейчас о них! Как скоро заканчиваем?

– Ты подожди, не торопись, – прошептал с предвкушением Виктор и выглянул в зал. – Лучше посмотри, сколько народу собралось!

– Большая часть здесь ради бесплатной еды и шампанского. Я хочу выступить и поехать домой.

Помощница сто тысяч сидела в отдалении ото всех в тёмном углу и, плача, как дитя, перебирала лохматые пряди. Виктор нежно взял её за подбородок и поцеловал в щёку.

– Отведёте в кровать? – спросила она мягко и чуть не завалилась на столик с пустыми бокалами.

– Нам пора показать тебя всем-всем! Какой уж тут сон?

Он вдруг поднял её осторожно на руки и понёс к сцене, но перед лестницей опустил на пол, чтобы она не стыдилась своей слабости.

– Я обещаю, что скоро отведу тебя в комнату, где ты будешь отдыхать. Ну, ну, не грусти, милая! Как только всё закончится, ты снимешь платье и бусы.

С позволения Виктора я вышел к микрофону и обратил внимание скучающей толпы на музыку симфонического оркестра, звучащего из колонок. Шёпот гостей перерос в шумное жужжание. Я повысил голос, и они все разом замолчали, поджав губы.

– Виктор, создатель помощников, которыми мы все активно пользуемся, желает показать вам самую качественную, не похожую ни на что работу. Она была создана в непростое для компании время, когда каждый неосторожный шаг мог привести к краху, но риск оправдался. Помощница сто тысяч, без сомнения, останется в памяти и в сердцах и запомнится каждому из нас, как совершенное творение и безусловный идеал, к которому мы стремимся с неутомимым упорством. Поприветствуем же творца и его создание!

Зал потонул в бурных аплодисментах. Виктор повёл за руку помощницу сто тысяч в центр сцены и остановился вместе с нею в полупрозрачном круге, на который был направлен свет прожектора. Я отошёл чуть поодаль, чтобы не мешаться.

Виктория хорошенько пригляделась к платью, в которое была облачена модель, и, кажется, облегчённо выдохнула. Она знать не знала, что Виктор испытывал к ней сильные чувства и собирался предложить выйти замуж после того, как разойдутся гости. Я пообещал следить за ситуацией в случае непредвиденных задержек.

Через половину часа нудной презентации (от стихотворе-

ния, посвящённого освоению ресурсов Луны, и до откровенного разглагольствования насчёт живучести помощницы и неожиданной проверки её костей на прочность увесистым молотком) Виктор, наконец, позволил вновь обратиться к залу. Кто-то сопел, пуская слюни, а некоторые и вовсе были увлечены подвыпившими собеседниками, и лишь репортёрам приходилось не спать, а работать.

– Вижу, что вы заскучали...

На этих словах Виктория закивала головой и сказала что-то Кириллу Михайловичу. Тот прихватил сумку и выскользнул из зала.

– Ну так ничего, ведь сейчас начнётся самое любопытное!

Виктор взял микрофон и приобнял измученную помощницу за плечи.

– Я бы хотел сделать одно заявление. Как вы уже знаете, при создании помощников я полностью доверял мнению простых и честных тружеников, которые нуждались в поддержке общества и государства. Я решил заниматься тем, что мне удавалось лучше всего, а позже озаботился судьбами тысяч людей. Но я до сих пор не могу смириться с тем, что помощников используют в качестве рабов и беспощадно эксплуатируют. Думаю, вы понимаете, к чему может привести наша лень и что означает, когда жестокость берёт вверх над справедливостью. Мы отбираем возможность у помощников распоряжаться своей жизнью и создавать вместе с нами новый мир.

Тут воскликнул работник центра, который ухаживал за садом:

– Но браслеты на них не просто так? Как понять, что они думают, что, так сказать, чувствуют?

– Хороший вопрос, – улыбнулся слабо Виктор. – Возможно, помощники несколько наивны, но браслеты им действительно не нужны. С самого начала, когда я только начал их создавать, для меня они казались пришельцами из другого мира, но после того, как мы пообщались, я стал их лучше понимать. Когда, например, вы знакомитесь с человеком, вы же не всегда чувствуете его раздражение или возбуждение? Но после наблюдения, а впоследствии сближения с ним вы можете предугадать его действия и научитесь читать мысли. Между особенно близкими людьми создаётся особая связь, которая также возникает и у помощников.

Работника устроил ответ, он смягчился и продолжил внимательнее слушать Виктора.

– И сегодня я бы хотел надеть браслет помощнице сто тысяч не потому, что я не понимаю её, а потому что люблю, и назвать именем родного человека. Прошу любить и жаловать, Виктория Бросова!

Настоящая Виктория застыла и не смогла вымолвить ни слова. Зал был растерян, ведь никто не ожидал, что помощнику дадут имя.

– Витуша, выйди, пожалуйста, на сцену, – попросил Виктор с застывшими слезами.

Виктория в недоумении шагнула по ступеням, остановилась на мгновение, словно передумала подниматься. Зал зашумел, с моей стороны раздался одобрителный свист. Виктория сделала шаг и вдвое ускорилаь.

Виктор надел помощнице браслет, она подняла на него лицо с потёкшей тушью и прошептала:

– Я пойду? Уведите меня отсюда, прошу! Мне так страшно, что они пялятся на меня, так страшно! Я не выдержу!

– Ещё немножечко, совсем чуть-чуть! Пстой с нами минуту.

– У меня ступни стёрты в кровь.

– Хорошенькая, хватит жаловаться. Я ведь тоже не люблю разговаривать, а приходится. Вот, улыбнись Витуше, она так рада тебя видеть!

– Ну, ну, рада она видеть.

– Конечно. А ты сомневаешься?

Помощница незаметно коснулась шеи, и её всю передёрнуло от жгучей боли.

Виктория сказала Виктору громко-громко, чтобы все услышали:

– Вы же не обещаете, что будете любить, пока смерть не разлучит нас? Я планировала погулять, перед тем как строить семью, но вы добрый человек, и если я вам откажу, то вскоре очень сильно пожалею об этом.

– Я не намного старше тебя, – рассмеялся Виктор громко сквозь слёзы.

– На целых восемнадцать лет, – подчеркнула Виктория и добавила игриво: – Вы мне нравитесь. Что уж тут таить, сильно нравитесь! Но я не готова дать ответ. Чуть позже и не при камерах.

– Меня устраивает уже сам факт того, что я тебе небезразличен. Раздумывай сколько угодно, я подожду.

Помощница стала никому ненужной, а потому потускнела совершенно. Я подозвал её и предложил довести до комнаты, и она согласилась.

Еле как она брела рядом со мной, то и дело проверяя шею. Перед комнатой помощница спросила меня заговорщицким тоном:

– Вы верите, что она настолько хорошо относится к Виктору, сколько говорит о нём?

– Не знаю, я не задумывался. А тебе какое дело?

– Самое что ни на есть понятное! Он обещал, что не забудет обо мне, а сам отвлёкся на девушку.

– Почему бы тебе не спросить Викторию напрямую? Она не ужалит.

– Руку по локоть откусит зато! Не буду ничего спрашивать.

– Тогда не ной и не плачься. Я чужой человек.

– Но ведь вы зашли в гардероб зачем-то.

Помощница скривилась, со злости рванула бусы, и они рассыпались по полу.

– Были единственным, кто спросил, что у меня болит.

– Ты хныкала громче младенца, а я не особо отношусь к малышам. И вообще, глупый у нас получается разговор, и ты глупая и трусливая, раз боишься спрашивать о том, что тебя гложет.

– Сами вы такой!

– Как скажешь, – отозвался я кисло и ушёл к Виктору без всякого желания что-либо делать.

Я с лёгким волнением договорил речь, и вечер закончился. Виктория сумела украсть Виктора, и они уединились в его кабинете на шестом этаже.

Гости разошлись, а вместе с ними куда-то подевались и работники, которые должны были остаться убирать зал.

Водопад по стеклу не давал наступить оглушительной тишине.

Я позвал людей, но мне не ответили. Тогда я вышел на улицу и обогнул пустынный центр.

Из раскрытого окна на этаже, полностью занятого помощниками, донёсся дикий крик. Мне было жутко от мысли, что с кем-то случилась беда, и я ринулся по лестнице через чёрный вход, а как только добежал, то увидел помощницу сто тысяч, ползущую на четвереньках по коридору в разорванном платье. За нею медленно вышагивала Виктория с железным ломом в крови.

– Что ты творишь, дура? Остановись!

У меня временно помутился рассудок, и я выхватил лом Бросовой и встал между нею и помощницей, у которой вы-

рывались хриплые стоны из груди. Она умирала, и было неважно человек она или нет. Я страшился холодного гнева Виктории и её лица, которое ничего не выражало. Как только она приблизилась, я инстинктивно махнул ломом, но рассёк только воздух, а затем взвалил отяжелевшую помощницу на плечи.

– Сдался ты мне! Я тебя не убью. Просто решила припугнуть, как и Виктора, чтобы он перестал нести чушь о правах помощников и их именах, – сообщила Виктория без сожаления. – Но с ним я перестаралась.

– Зачем же ты это сделала?

– Для того, чтобы доказать, что человек был, есть и будет выше всякого другого живого существа. Я лишь за то, чтобы наши же создания видели в нас, в первую очередь, хозяев, а не друзей или врагов. Как и говорил Виктор, мы жестоки и бываем грубы по отношению к помощникам, но мы имеем право пользоваться ими, как захочется, потому что мы их творцы, а они наши творения.

– Ты не создавала помощницу сто тысяч и ни тебе её убивать.

– Я человек, а значит у меня есть права и свобода, и я поступаю так, как считаю нужным.

– Разве это не эгоизм?

– Вовсе нет. Проявление силы, если тебя так устроит. Мощество подкрепляется действиями, а не словами о мире и дружбе.

– Гадина! Я доберусь до тебя, обещаю, дрянь! – крикнул я ей и побежал к выходу.

По коридорам слонялись работники, как призраки. Они вываливались из каждого угла и пугали меня протяжными криками и шептали, что я не спасу помощницу и что уже всё решено. Но я не сдавался и продолжал бежать, пока не оказался в саду, где с фонариком гулял престранный юный помощник. Он сразу заметил, что я бегу по клумбам, а не по дорожке, и кинулся следом, грозясь рассказать о неосторожности работникам. Несмотря на то, что я плохо его слушал, некоторые фразы мне накрепко запомнились, и я не мог выбросить их из головы.

– Вот встречу я тебя однажды, и ты не будешь помнить. Да, да! Украду твои цветы, чтобы знал, как тяжело заботиться о них! Украду, а потом ты побегаешь за мной также, как я сегодня бегаяю! Устанешь, ой как устанешь!

И я выскочил из центра на тихую дорогу и спросил еле дышащую помощницу:

– Жива?

– Пока... пока да. Помоги, спаси меня! – произнесла она и прикрыла глаза от яркого света приближающейся машины.

Женщина с платком высунулась из приоткрывшейся двери с ошалелым видом.

– Где девчонку так потрепало? – спросила она, перепугавшись крови.

– Да так, попала в небольшую передрягу.

– Хорошо, что я всё-таки живу далеко, а то в городе совсем не безопасно, столько разборок случается!.. Она ведь помощница, не так ли? Садитесь, я доведу вас до больницы.

– Мы так испачкаем всю обивку, – извинился я смущённо, когда мы тронулись с места.

– Уж лучше она поправится, а кусок ткани я почищу. И пятнышка не останется. Кстати, откуда у вас железка?

– Отобрал у одной особы.

– Значит, бились девушки? С ума, что ли, сошли? Надеюсь, не из-за какой-нибудь мелочи.

– Я подробностей не знаю. Помощница мне не особо знакомая.

– Даже если и так, то вы поступили правильно. Ведь нет такого конфликта, который нельзя решить словами. Оружие, как по мне, придумали те, у кого нет весомых аргументов, а железка, без сомнения, очень серьёзное оружие.

– Не железка, а лом.

– Да, я так и сказала. Лом, – с уверенностью произнесла женщина. – Учтите, что носить его всюду плохая идея. Мало ли, что подумается.

Она была болтлива до тошноты, но необычайно мила и внимательна. За недолгий путь она успела высказать своё мнение по поводу создания новых помощников и похвастаться тем, что её дом стоит на холме.

– Они живут там как кильки в бочке. Домики стоят впри-
тык друг к другу. Эх, не повезло же им, как мне! – улыбну-

лась она впервые счастливо. – Как говорится, дом, милый дом.

Помощница не отвечала, когда я к ней обращался. Мы подъехали к больнице, но она уже была мертва.

Как в бреду я вынес её на руках и последовал за женщиной по зловонным улочкам, пересекая тенистые скверы бесшумно, как мышь, уносящая лапы от хищной птицы. Я задыхался и обливался потом, изнемогал от усталости и тяжкого бремени, которое на меня возложили. Не чувствуя ног, я спрятался в позабытом женщиной сарае и, подождав, пока она уснёт, включил фонарик на телефоне и осветил пол, который скрипел подо мной. Вдруг пришла мысль спрятать помощницу, чтобы о ней не знал никто, кроме меня. Женщине, если она увидит, как я крадусь мимо дома, конечно же, солгал бы.

Отодрав доски ломом, я скинул помощницу вниз и, залатав дыру, умылся ледяной водой прямо из бочек. Затем свалился на мешки, а утром выбрался из сарая с адской головной болью и вышел к дому, удивляясь, как меня к нему занесло.

Вышедшая на крыльцо женщина предложила компоту. Она с нездоровым дружелюбием расспрашивала о вчерашней помощнице и о том, что с ней случилось.

– Она жива хоть? Ты намекни, чтобы я не мучилась!

Я уходил от темы и молчал, опустошая помаленьку сладкую кружку.

– Умерла, – воскликнула она и всплакнула.

– Знаете, я ведь приехал по другому поводу. Вчерашним вечером я ушёл от матери, и теперь мне некуда пойти. У меня есть кое-какие деньги, отложенные на чёрный день. Если бы вы сдали комнату...

– Парень, притормози-ка! Я давно живу одна и не терплю, когда ко мне лезут всякие оболтусы.

– Не оболтус, а хороший человек, – возразил я решительно. – Устроюсь на работу и буду вам помогать по дому, чем смогу, конечно же. Знаете, у меня есть один план по открытию цветочного магазина. Так что я не ленивый, продуманный.

– И как тебя зовут, продуманный мой?

– Владимир Беркутов! Показать паспорт?

– Давай.

– У меня его сейчас, к сожалению, нет, но я приеду с вещами чуть позже и покажу, что он на самом деле есть.

Глава семнадцатая.

В редакции

Дослушав, Кеша с невозмутимостью сообщил, что Викторию Бросову назначили главой центра и что вместо неё помощников создаёт Кирилл Михайлович, который ранее возился с оформлением документов. Как я догадался, он не выдавал убийства Виктории, потому что был с самого начала с нею заодно.

– Не подвезёте? – попросил Кеша. – Уверен на сто процентов, что вас не пустят, но меня запросто. Я бы прикинулся потерявшимся и попросил приютить меня, а ночью прокрался в кабинет Виктории, для того чтобы найти хоть какое-нибудь доказательство её вины. Глупо, конечно, она наверняка давно всё уничтожила, но попробовать стоит.

– И для чего тебе это надо? Зачем мне помогаешь? Как я понимаю, у тебя не было проблем в центре.

– Не совсем. Я не расскажу вам о том, как я жил до Пустыркиных. Знаю, что вы не знакомы!.. Просто когда вы были Владимиром Беркутовым (как непривычно, что вы больше не он), то дали мне адрес редакции, которой заправляют одни помощники. Они встретили меня и согласились дать работу, если я отправлю некоторые рассказы и самую большую повесть. Я как раз читал вам её и Дарье Сергеевне перед

тем, как вы вспомнили. Меня тронуло... да, именно тронуло, что вы думали обо мне, когда были на грани! Поэтому я не останусь дома. Я с вами.

– Но я не умею водить.

– Умеете. Вы всегда ездили!

Кеша отворил дверцу машины Дарьи Сергеевны и вынул из бардачка права с фотографией Беркутова Владимира Измаиловича.

– Подделка. Я что, с ними ездил всегда?

– Они настоящие. Вы сдали, как рассказала Дарья Сергеевна, в марте этого года, и она оставила вам машину, так как перестала водить.

– Мне страшно услышать, что я ещё сделал!

– Так-то ничего ужасного, просто жили. У вас открыт «Летний розмарин», ну, магазин цветочный.

Я всё больше поражался тому, что говорил Кеша. Делился он с упоением и, не успевая рассказать одно, сразу же бросался к другому. Было заметно, что он боялся смертельно надоест. Но я не жаловался на скуку. Под конец он пообещал как-нибудь провести меня по важным местам, которые врезались ему в память в день нашей второй встречи.

Я всё же не решился садиться за руль, и нас довезла Дарья Сергеевна. Кешу вскоре впустили во двор, он исчез за высокими воротами.

– А у него получится? План совсем уж ненадёжный. Вот усомнится охрана в честности нашего шпиона, возьмёт и

словит его, приведёт к Виктории!

– Сплюнь, не то сбудется!

Дарья Сергеевна поплевала и постучала кулаком по деревянной части руля, начищенной до блеска.

– Теперь точно всё пройдёт как по маслу... Я жалею, что тогда выпил компот. Если бы ты допыталась до меня, расспросила о помощнице! Может, у меня бы мозги встали на место, и не вёл я себя, как идиот.

– Ты первый, кто попросился жить в моём доме. Я ведь всегда была одна, мечтала карьеру построить, да не вышло, потому что всё падало из рук на кухне. Разбивала нечаянно тарелки и чашки. Помню, как пролила суп на гостя. Он был весь красный, и с его уха свисала вермишель. Конечно, я пробовала устраиваться в другие кафе и даже замахивалась на ресторан, но неудачи настигали и там. В мастерской меня хотели изжить. Я настолько отчаялась, что подалась в рисование, вплотную занялась картинами. Уже тогда мне было совершенно ясно, что я не могу работать в коллективе. Людям неловко, что я рассеянная, витаю часто в облаках и из раза в раз совершаю одни и те же ошибки. Поэтому я живу подальше ото всех на холме, где мне комфортно быть собой.

– Мы похожи с тобой чем-то.

– Наверное. Ты уедешь к матери?

– Она навещала меня?

– Да, пришла к тебе в «Летний розмарин». Ты не признал её.

– Я уеду, но на день, а потом вернусь. Мне хочется остаться с вами. Не знаю почему. Хочется оставить имя и фамилию, но уйти из цветочного магазина, мне в нём делать нечего. Передам его Косте. Пусть он работает и нанимает помощника. Мне до флористики как до Луны пешком.

– И куда ты пойдёшь? Если удастся наказать Викторию, может, в центр? – предложила робко Дарья Сергеевна.

– Ни за что. Я туда ни ногой! Просмотрю вакансии, а там видно будет.

Дарья Сергеевна согласилась, что повторно устраиваться в центр, даже при другом начальстве, не стоит.

Мы выбрались наружу, чтобы размять ноги, и погуляли вдоль дороги.

Дарья Сергеевна задремала в машине и проспала так до часов семи, пока не стемнело. Луна осветила моё напряжённое лицо.

Я написал Кеше сообщение по мессенджеру. Он прочитал, но не ответил. Наше беспокойство окрепло, когда он скинул фотографию Кирилла Михайловича, спящего за письменным столом в кабинете, который до этого принадлежал Виктору. Меня вдруг захлестнула обида. Закипев от злости, я поставил телефон на спящий режим и отвернулся от Дарьи Сергеевны до того, как успел ни за что расстроиться и накричать на неё. Она нашла блокнот и ручку и зарисовала синюю степь, простирающуюся за окном.

Я уснул, хотя совсем не хотел спать. Меня разбудила Да-

рья Сергеевна, ласково, но решительно тряс ладонью плечо.

Кеша заскочил в машину и, велев Дарье Сергеевне скорее уезжать, бросил мне жёлтый лист, сложенный надвое.

– Виктория написала Кириллу Михайловичу прямо перед тем, как убить помощницу сто тысяч. Видимо, она решила, что письмо безопаснее, ведь его можно порвать в клочья, и никто не узнает о содержании. Она предложила одному из коллег отравить Виктора, а взамен повесить после того, как займёт высокий пост. Теперь он в тюрьме.

– Но почему Михайлович оставил письмо? – спросил я удивлённо.

– Виктория в конце призналась, что хотела бы видеть его в роли создателя и что ситуация с Виктором на вечере была бессмысленным фарсом... Стойте! Не домой, а в редакцию! В редакцию, я сказал! Мы сейчас же напишем статью. Ни один помощник и человек больше не пострадает!

Не осталось ни капли от Кешиной сдержанности. Он сказал, что, наконец, готов отправиться в долгий путь, а когда Дарья Сергеевна повернула не туда, даже ругнулся сердито и потребовал перечитать письмо.

Диана допоздна сидела в «Литературном уголке». Как только мы переступили порог, она холодно пригласила нас пройти в кабинет, оклеенный газетными вырезками и увешанный фотографиями. При виде меня и Дарьи Сергеевны у неё невольно закрались подозрения. Она говорила с особой теплотой в голосе с Кешей, закрываясь от нас густыми

пепельными волосами. Когда же Диана чуть осмелела и медленно повернулась ко мне, чтобы подробнее расспросить о случае, произошедшем более года назад, я поняла, что она пыталась безуспешно скрыть. Всё её плоское загорелое лицо, нацелованное солнцем, было изуродовано затянувшимися рубцами. Над верхней тонкой губой выделялся заметный белый шрам.

Дарья Сергеевна после долгого сна была бодрa и особенно болтлива. Она встревала в разговор и глядела на помощницу, как на дикого зверя в его естественной среде обитания, что очень не нравилось Кеше. Он попросил Дарью Сергеевну подождать в машине, и когда она ушла, сделав напоследок обидное замечание, извинился перед Дианой за её беспощадную прямолинейность.

– Старики, как дети. Любят лезть туда, куда не следует.

– Если все были, как они, то весь город бы давно знал, что со мной. И так, почему вы считаете, что я должна выпускать статью с таким... содержанием? – спросила она и скривилась презрительно. – История завершилась, да и мои ребята будут против, я без их ведома не напечатаю ни слова. Мы не готовы к тому, чтобы выступать с шокирующими заявлениями, и писать о том, к чему абсолютно непричастны. Я не представляю, чего вы хотите добиться. И пришли вы только за тем, чтобы я выслушала и сделала всё по-вашему?

– Не по-нашему, а по-правильному. Другие редакции не возьмут меня, потому что посчитают, что я клевету на Вик-

торию и Михайловича и завидую им. Наверное, в какой-то степени так оно и есть. Но ваш девиз нести добро и свет, так? Один раз поступиться принципами можно, ведь тогда восторжествует правда.

– Что до правды, то я бы предпочла её не знать. Или копаться в чужом белье и окунаться в интриги, до которых мне тем более до лампочки. Я совсем не думаю о том, что получаю взамен, но всегда стараюсь предугадывать последствия. Они волнуют меня больше, чем убийство человека, пусть и создателя.

– Владимир не всё договорил тебе. Я скажу за него, – твёрдо настроился Кеша. – Надеюсь, что это останется между нами.

– Продолжай.

– Той ночью умер один человек и один помощник. Умерла помощница сто тысяч.

Перед моими глазами расплылось её мягкое бескровное лицо, бусы, звякающие по плиточкам, и безвольная рука на потной шее. И вот уже я воскресил образ высокого скелета в платье, которое выбирала Виктория, потому что она всегда подражала популярным модницам и не терпела, если кто-то решал, что у неё нет вкуса. Про себя я раскаивался в том, что не успел спасти помощницу. Смерть её заставила меня врасплох, когда я был пустой, как и теперь, и подкосила настолько, что я выдумал нового идеального себя, который с мудростью относился к невзгодам и людям, не бросался из

крайности в крайность, а потому знал и чувствовал, что есть настоящее счастье.

Кеша упомянул, где мы закопали кости. Диана вдруг разразилась слезами.

– Смерть не щадит ни людей, ни помощников, и она не выбирает, кого забрать, исходя из значимости забираемого. Виктор и помощница сто тысяч оказались перед нею равны. К счастью, наверное. Ваши читатели поддерживают помощников, а это означает, что они первыми должны узнать о убийствах Виктории и пойти против её строгого порядка. Сегодня я попал в центр и увидел, что стало с садом. Его забросили, как и площадку с качелями. Помощникам редко дают выйти наружу, и они общаются шёпотом. За ужином они почти молчат. Я молчал со многими. Одна из помощниц рассмеялась слишком громко от шутки, рассказанной подружкой. Два больших работника вывели хохотушку насильно из столовой и, кажется, наказали. Вернули через минут пятнадцать. Заплаканные её глаза умоляли меня взять крепко за руку. Я сдавил сухие пальцы и прошептал, что если ей полегчает, мы можем устроить им пакость, которую они не забудут. Она согласилась, и позднее, когда шёл показ кино, снятого одним из охранников, мы устроили погром в их комнатах. Я не прошу от тебя многого. Просто поверь, статья не может быть не напечатана. Отвернуться не получится.

– Возможно, ты прав. Но если нет, то боюсь, что «Литературный уголок» закроют. А без него нам не жить.

– Не закроют, я не допущу!

– И что же ты сделаешь? Ты не сотрудник. Никто!

Кеша вышел из-за стола и, упав на колени, попросил Диану сжалиться надо мной.

– Вставай, вставай, не унижайся, – отозвались мы с Дианой хором.

– Не надо за меня всё делать, будто я пустое место.

– Может, я стою на коленях не только за вас, но и за людей и помощников, что жили, живут, и когда-нибудь будут жить на свете? Я бы не стоял, если был никем! Кстати, мы долго ехали. Дарье Сергеевне, вон, тяжело управляться с машиной, но она согласилась ради нас, – давил Кеша на жалость. – А уже ночь, спать давно пора, но мы здесь. Кто знает, устроюсь ли я в редакцию или нет, неважно... Но оставить в беде тех, кого люблю, я не могу, духа не хватит и смелости.

Диана всплеснула руками и, кинувшись вытирать платком лицо от слёз, произнесла обречённо:

– Статью будете писать одни. Как будет готова, приезжайте.

Кеша сразу же подскочил и шепнул, что со всеми помощницами легко договориться, если проявить терпение.

– Отправь мне по повесть по почте, как выдастся свободная минутка. Я очень хочу почитать её, – добавила Диана задумчиво.

И следующие три дня мы провели в Кешинной комнате, в которую я когда-то поселил его. Работа за компьютером

отнимала все силы и желание спать.

Изредка Кеше звонил Василий Пустыркин и расспрашивал, как продвигается работа, тем самым сильнее нервируя его. Сонечка отбирала телефон и делилась секретами, которые разбалтывали школьные подружки. Она догадывалась, что Кеша приготовил сюрприз, и пробовала угадать, что её ждёт, пока он лежал на диване и ждал, когда подействуют глазные капли.

Я дополнял статью и как очевидец описывал событие в ярких красках, но настолько грубо и неосторожно, что Кеше приходилось начисто переписывать самые неудачные предложения. Зато, к удивлению, мне понравилось доставлять недостающие запятые и вообще исправлять ошибки.

Законченную статью я прочитал Дарье Сергеевне, которая от беспокойства впала в состояние апатии и не писала картины. Позавчера к ней приходил клиент и выпрашивал продать «Медуз в небе», но она отказалась отдавать любимицу за большие деньги. Сейчас же она жалела об этом и накинула на картину облезлую простыню, чтобы не видеть её и не расстраиваться об упущенной возможности.

– Это всё? – спросила она, от скуки жаря оладья. – Вы ничего не забыли?

– Нет, остальное будет лишним. По крайней мере, так сказал Кеша. Я верю, что он знает, как лучше, иначе бы он и пальцем не пошевелил и к письму не притронулся.

Единственное, мы не упомянули о пропаже тела помощ-

ницы сто тысяч.

В «Литературном уголке» Диана представила меня маленькой команде и показала статью. Верстальщик, толстоногий помощник с белыми клыками, как у вампира, заразился Кешиным энтузиазмом. Он отодвинул ноутбук, на котором был открыт файл с макетом газеты, и, подбежав ко мне, пожал крепко руку и поблагодарил за участие в столь мощном проекте. Либо мне показалось, что он преувеличивает и смеётся надо мной, потому что я человек, но его воодушевление охватило каждого из присутствующих, в особенности, Диану, которая оттаяла и с преждевременным оптимизмом заверила в успехе.

– Знаешь, мы тут с коллегами собрались и порешали, что ты нам годишься, – заявила она, не скрывая чувства общности. – Всё же, ты неплохой парень, да и чухню не пишешь.

– Да хочет он, я по глазам вижу, – сказала художница, на воротничке рубашки которой были вышиты бордовые розы. – Горит весь, зубы показывает.

– Да, всё я хочу, – ответил Кеша. – Но с одним условием. Без него я не согласен писать.

– С каким?

– Владимир устроится к вам корректором. Он внимательный и придирчивый, что ещё надо для такой профессии? Тем более, он помогал со статьёй, и вы увидели, что он крут.

– Думаю, мы бы сделали исключение. Одна статья – это не серьёзно. Время покажет, оно расставит по местам.

Глава восемнадцатая.

Один подслушанный разговор

В кафе напротив «Литературного уголка» за обедом встретились две приятельницы. У одной, что работала в крупной страховой компании, оказывается, сменилось начальство, и после этого пошли увольнения, в большинстве случаев сопровождавшиеся скандалами. Ругались без понятной причины как мужчины, так и женщины, которые были твёрдо уверены, что им недоплачивали.

– Но а как же доказательства?

– Да были какие-то обвинения с их стороны. Правоту они не доказывали, только на словах. Я обычно не обращаю внимания, что и где делается, мне лишь бы отчёт вовремя сдать. Ты-то как?

– Хорошо, бывало и похуже. А вот ты всем довольна? – не унималась девушка. – Новый директор не задевал тебя замечаниями? Я знаю, как это бывает, когда мир переворачивается с ног на голову. Не хотелось, чтобы ты изводилась.

– Пустяки, – покраснела она, и лицо её озарилось в улыбке.

– Ну, рассказывай. Мне же интересно, что у тебя нового!

– Эй, не торопи! Я ранее думала, что заболела как нектасти, скакала температура. Меня сильно морозило, не спасали

одеяла и таблетки. Я и пролежала дня два дома в постели, вроде бы, полегчало. А как вышла, то ощутила страх. Нет, ты не пугайся, меня не обижали! Страх этот от чувств, от непонятных чувств. Может, я странная и настолько погружена в заботы, что забыла о личной жизни?

– Ты влюбилась? – догадалась она и сделала глоток сладкого кофе.

– Да. Он директор, в конце концов, а я простая сотрудница, и мне казалось, что нам не по пути. Но я смотрела на него, и у меня быстро краснели щёки, и я стеснялась называть его по имени, даже если говорила шёпотом. Если он хвалил меня, как и остальных, я думала, выделяет он меня или нет, запоминала его жесты и интонацию. Мне нравилось, что он собранный, серьёзный, и любая его неожиданная улыбка успокаивала меня и делала немножко радостнее. Вчера он позвал меня в кабинет, чтобы обсудить выдачу зарплаты. При разговоре с ним я не поднимала голову, и он решил, что у меня проблемы. Я сказала, что всё в порядке, засмеялась совсем невесело и заплакала, потому что он видел меня настоящую. Он пригласил меня пойти с ним в поход, когда я уйду в отпуск. Я больше не плакала, мне было смешно, ведь он заботился о себе, ему нужна была компания. Отказавшись, я весь день не находила себе места. Вечером, когда выключила компьютер и собрала сумку, он подошёл и пообещал, что точно возьмёт меня поход, иначе я скисну, как молоко. Кефир мало кто любит. Я назвала его дураком, а шутку его неуместной

и неуклюжей. Он сказал, что будет смущать меня как можно чаще, чтобы я не расслаблялась, и что я несчастная, когда мои мысли путаются.

– Он флиртовал с тобой?

– Не знаю, что с ним было, но он говорил всё, что думал.

Мне хотелось сквозь землю провалиться и не слышать ничего о буйной реке, через которую мы можем проплыть с группой смельчаков, о костре и широких деревьях, о палатках и котелках, о пластиковых стаканчиках с горячим чаем. Он был открыт передо мной. Впервые я увидела, как он трепещет от восторга. Мне вдруг стало уютно, и я заплакала, но уже не от грусти, а от счастья, потому что он тоже был счастлив по-настоящему и не скрывал своей детской радости. Вероятно, он ни при ком больше так не лучился. Он признался, что я единственная, кто видит в нём не помощника, а человека, у которого есть цели, планы и чувства. Проводив меня домой, он поцеловал меня в лоб, и я впервые задалась вопросом, почему все те люди уволились на самом деле? С чего они вообще взяли, что он плохой руководитель, откуда недоверие? Я не понимаю их и никогда не пойму.

– Не люблю осуждать, но не могу сдержаться. Когда же размолвки между людьми и помощниками закончатся?

– Давно пора. Мир не стоит на месте. Все мы делаем шаги к примирению. Гляди, через лет десять всё образуется!.. Ох, сколько времени. Побегу, а то клиенты закусуют. Пока, Дианочка, удачи!

– Надеюсь, скоро увидимся, – произнесла Диана и, подзвав официанта, у которого на руке виднелся след от браслета, посмотрела на бейджик и подумала: «Действительно, мир не стоит на месте». Она подняла взгляд и сказала доброжелательно: – Евгений, очень приятно! Можете принести клубничное мороженое и блины с мёдом? У вас очень вкусные десерты!

Эпилог

Как только статья была готова и вышла в свет, я посетил психолога Макарова, который, казалось, дожидался меня с нетерпением ещё с прошлого раза. Узнав о том, что я избавился от проблемы, усложнявшей жизнь, он настоял, чтобы я выложил обо всём ему начистоту. Рассказ о смерти помощницы, повлекшей за собой непредвиденные последствия, поразил его до глубины души. Макаров предположил, что я перенёс психическое расстройство, называемое диссоциативной фугой, при котором человек забывает о том, что происходило с ним до травмирующего события и ни с того ни с сего переезжает в новое место, придумывает имя и фамилию, подделывает документы и устраивается на работу, которая ему совершенно не близка. Кеша подтвердил, что у меня всплывали эпизоды из прошлой жизни.

Перед тем, как пройти курс реабилитации, я взялся за неотложные дела. Сначала передал «Летний розмарин» Косте Котикову. Я посчитал, что никто лучше его не справится с магазином. Он вкладывался в работу вместе с сестрой за время моего отсутствия и успел близко сдружиться с Костяшкиным.

Встреча с матерью оказалась болезненной. Мы не знали, что сказать друг другу. Она долго плакала, а я обнимал её за плечи и потом ждал, когда она постряпает медовую ков-

рижку в честь моего возвращения. Ей было достаточно того, что я сидел на старом низеньком стульчике, стучал пальцами по столу, как в детстве, и насвистывал нехитрую песенку. Она подходила ко мне не раз со спины и гладила рассеянно волосы руками в муке. Мной овладевало спокойствие, я закрывал глаза, представляя, что спал в кровати поверх одеяла после сытного обеда, а на этаже сверху скулила чихуахуа, со двора, изрисованного цветными мелочками, звенел детский смех, лилась у кого-то монотонно вода, и запахи, и все звуки из отворённого окна напоминали родной дом.

Кеша потратил часть первой зарплаты, чтобы издать книгу для Сонечки. В день её рождения они загадали желание и задули свечи на торте с варёной сгущёнкой, а затем я присоединился к празднику. Пока взрослые пили и ели, мы втроем читали повесть в гостиной. Я с удивлением обнаружил, что знал, кем был Родион Китин и почему он решил создать космический корабль. Кеша просил не болтать, иначе будет не весело, а грустно.

В редакции мне дали два месяца испытательного срока и вскоре сократили до одного, когда по городу разнеслась новость, что Кирилла Михайловича поймали и посадили в тюрьму, а Виктория Бросова сбежала из страны с сыном, не оставив и следа. Центр был закрыт, пока не объявился новый создатель, достаточно опытный в своём деле человек, решивший взять под опеку помощников. Он поразительно походил на Виктора. Как-то я увидел его по телевизору, и

меня захлестнула ностальгия, и защемила сердце неодолимая тоска.

Но боль прошла, осталась едва уловимая горечь. Я проживал с Дарьей Сергеевной и Кешей в доме на холме и, несмотря на работу, на которой приходилось больше общаться с людьми и помощниками, оставался всё таким же замкнутым и любил слушать, нежели говорить.

Как-то помощники решили пообедать не в «Литературном уголке», а в кафе, и вышли наружу, оставив меня один на один с Кешей. Он отодвинул ноутбук и, опустив голову на стол, пригрелся с ласковой улыбкой на губах. Стоял тихий, светлый день, свежел запах краски, наклеек и прошедшего дождя, и пыль была прибита по дороге и улицам, а в лужах отражалась радуга, сверкающая глубокими цветами.

– Меня всё же кое-что беспокоит.

– Что?

– Вы до сих пор мой хозяин, и мне это не нравится. Вы дали мне имя, работу, мы семья, а по бумагам я всё равно помощник.

– Я не знаю, где они затерялись. Наверное, в каком-нибудь ящике. Проверю, как приедем домой.

– И сожгите! Сожгите, чтобы я их больше не видел, чтобы их не было!

– Давай сходим в центр, и я откажусь от тебя. Скоро там Пустыркины переедут?

– Вы от меня устали? – спросил Кеша жалостливым го-

лоском и отвернулся. – Так прямо бы сказали, нечего тянуть. Ведь чем дольше я живу с вами, тем сильнее мне хочется остаться навсегда. Я так полюбил Дарью Сергеевну, свою комнату и то деревце перед крыльцом!

– Останься, если чувствуешь.

– Сердце мощно стучит. Тук-тук-тук, я не уйду, тук-тук-тук, говорит оно, – ровным тоном произнёс Кеша.

Он подошёл к панорамным распашным дверям и расставил руки по разные стороны. С карнизов звонко падали капли, и яркий свет бил по Кешину лицу, щёки горели огнём, а душа наполнялась ясностью и апрельским теплом.

– Я птица! – напомнил Кеша и замахал плавно руками. – Подойдите ко мне, посмотрите, как я умею летать!

– И так вижу, что умеешь. Ты похож на героя из своей повести.

– Не подумайте, я не специально его с себя списывал. Это произошло случайно, как и всегда, когда я пишу. И мне так хорошо! А вам? Как вы себя чувствуете? Вы однажды сказали, что я теряю себя без любви, но оказывается, вы имели в виду не меня. Вы ведь как-то нашли себя, правда? Если вас вернула моя книга, то я счастлив вдвойне.

– Наверное, книга. А может и не только она. Я пока не разобрался, что к чему.

Кеша больше не поворачивался. Я же смотрел вперёд, прямо на счастье цвета солнца, и видел, как оно расправляет крылья.

В оформлении обложки использована иллюстрация автора Tithi Luadthong с <https://www.shutterstock.com>.